

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2018 № 4 (20)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2190 в Перечне ВАК по состоянию на 01.12.2017)
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский государственный университет, 2018

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D., Ass.prof. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena G. Elina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Opole, Poland)
Olena I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Kharkov, Ukraine)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Valentina A. Maslova, Ph.D., Prof. (Vitebsk, Belarus)
Mei Huang, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Helsinki, Finland)
Boris Y. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia V. Orlova, Ph.D., Prof. (Omsk, Russia)
Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Canberra, Australia)
Valeri V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Vienna, Austria)
Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Velikiy Novgorod, Russia)
Vladimir A. Salimovsky, Ph.D., Prof. (Perm, Russia)
Olga B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Krasnoyarsk, Russia)
Tat'yana I. Steksova, Ph.D., Prof. (Novosibirsk, Russia)
Zifa K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Pavlodar, Kazakhstan)
Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Haifa, Israel)

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Т. В. Харламова Саратов, Россия	Динамика ритуализованных жанров в политическом дискурсе 248
---	---

В. М. Алпатов Москва, Россия	В защиту канцелярита 254
--	--------------------------------

Исследования отдельных жанров

С. Ю. Данилов Екатеринбург, Россия	Принципиальный отказ в ключе откровенности 261
--	--

Жанры СМИ

Т. В. Шмелева Великий Новгород, Россия	«Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы 270
--	--

Л. В. Балашова Саратов, Россия	Антропоморфная метафора в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» в российской прессе 277
--	---

А. Н. Байкулова Саратов, Россия	Прогноз как субжанр в печатных СМИ и их электронных версиях 286
---	---

Интернет-жанры

Е. Ю. Викторова Саратов, Россия	Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) 294
---	--

Л. Б. Никитина, О. К. Голошубина Омск, Россия	Моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» 304
---	---

Жанры новых культурных сфер

Э. Р. Лассан Вильнюс, Литва	Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры 313
---------------------------------------	--

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Tat'yana V. Kharlamova** Dynamics of Ritualistic Genres in Political Discourse 248
Saratov, Russia
- Vladimir M. Alpatov** In Defence of Bureacratese 254
Moscow, Russia

Studies of Individual Genres

- Sergey Yu. Danilov** Aspects of Frankness of the Refusal Based on Personal
Ekaterinburg, Russia Principles (Categorical Refusal) 261

Genres of Mass Media

- Tat'yana V. Shmeleva** "Condensation of genres" as a Trend in Media Sphere 270
Velikij Novgorod, Russia
- Lubov' V. Balashova** Anthropomorphic Metaphor in the Genre of the Analytical
Saratov, Russia Review "Results of 2016" in the Russian Press 277
- Alla N. Baikulova** Forecast as a Subgenre in Printed Media and Their
Saratov, Russia Electronic Versions 286

Internet Genres

- Elena Yu. Viktorova** Potential Capacity of Linguistic Creativity in Internet
Saratov, Russia Communication (Based on the Genre of Social Networks) 294
- Larisa B. Nikitina,** Modeling of Speech Genre "Conversation in a Messenger" 304
Olesya K. Goloshubina
Omsk, Russia

Genres of New Cultural Fields

- Eleonora R. Lissan** Rap Battles as a Specific Genre of Contemporary Culture 313
Vilnius, Lithuania

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.111'42

ББК 81.5Англ-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>

Т. В. Харламова
Саратов, Россия

Tat'yana V. Kharlamova
Saratov, Russia

ДИНАМИКА РИТУАЛИЗОВАННЫХ
ЖАНРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕDYNAMICS OF RITUALISTIC GENRES
IN POLITICAL DISCOURSE

В статье дается краткий обзор исследований, посвященных ритуальному дискурсу, и прослеживается зависимость степени ритуальности от типа дискурса, жанра, а также экстралингвистических факторов.

Статья посвящена изучению функционирования ритуализованных жанров в британском, американском и российском политическом дискурсах в диахронном и синхронном аспектах. Особое внимание уделяется динамике жанров британского политического дискурса: тронной речи монарха на открытии сессии парламента и рождественским обращениям. Эволюция жанров прослеживается на структурном, тематическом и лексическом уровнях: выявляются типичные конструкции и языковые средства, характерные для жанра, анализируется композиционная структура и набор устойчивых и новых тем, изучается, как меняется языковое наполнение жанров и их тональность с течением времени в разные исторические периоды.

Проведенное исследование показало, что данные жанры реализуют функции, типичные для ритуальной коммуникации, и обладают устойчивыми композиционными признаками, тогда как языковое наполнение может меняться в зависимости от авторской и временной принадлежности.

Ключевые слова: ритуализованные жанры, политический дискурс, ритуал, дискурсивный анализ.

The article provides a brief overview of research works devoted to the ritual discourse as well as the analysis of the dependence of the degree of rituality on the type of discourse, genre, and extralinguistic factors.

The article also gives an insight into functioning of ritualistic genres in British, American, and Russian political discourse in terms of diachronic and synchronic analysis. The main emphasis is on the genres of British political discourse – a speech from the throne (Queen's / King's Speech) at the State Opening of Parliament and Christmas messages, and the evolution of these genres on structural, thematic, and lexical levels. Genre development are observed on the structural, thematic, and lexical levels: typical constructions and verbal means characteristic of different genres are elicited; composition and a range of set and new topics are analysed; the alterations in verbal characteristics and tonality of the genre are revealed. The research has shown that the genres manifest the typical functions of the ritualistic communication and possess consistent structural characteristics whereas the verbal image depends on the speaker and historical period.

Key words: ritualistic genres, political discourse, ritual, discourse analysis.

Сведения об авторе: Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии и переводоведения.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: kharlamovav@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2179-2364>

About the author: Kharlamova Tat'yana Valerievna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation Studies.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: kharlamovav@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2179-2364>

Введение

В последние десятилетия значительно возросло количество публикаций, посвященных изучению политического дискурса и его особенностей. Это связано с несколькими фак-

торами: демократизацией общества, стремительным развитием средств массовой информации, взаимосвязью языка, культуры, общества и идеологии.

Различным аспектам политического дискурса, его формам и жанрам посвящено

множество работ отечественных и зарубежных авторов (А. Н. Баранов, М. В. Гаврилова, В. З. Демьянков, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, В. И. Карасик, P. Chilton, N. Fairclough, T. A. van Dijk, J. Blommaert и др.), которые обобщают вклад разных школ и направлений и изучают конкретные его виды.

Множество подходов к изучению политического дискурса доказывает неослабевающий интерес исследователей к проблемам политической лингвистики. Освещение различных аспектов, касающихся языковых, социальных, культурных, идеологических и других особенностей, дает возможность получить многогранное видение политического дискурса, лучше понять процессы, происходящие в современном мире, выявить новые тенденции и закономерности в динамике дискурсивного пространства [1].

В целом политический дискурс рассматривается многими авторами как знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей, интерпретаций, которые осуществляют функции репрезентации, позиционирования и иерархизации социальных субъектов в динамическом пространстве политического поля [2].

В связи с этим особое значение приобретает ритуальный характер политического дискурса. Многие исследователи отмечают сходство политического дискурса с религиозным: «точкой соприкосновения религиозного и политического дискурса является мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации» [3 : 40].

В данной статье ставится задача рассмотреть функционирование ритуализованных жанров в американском, британском и российском политическом дискурсах в диахронном и синхронном аспектах; их функции и характерные особенности.

Теоретический анализ проблемы

Проблемам ритуального дискурса посвящен целый ряд исследований, в которых дается определение ритуала, ритуального действия, ритуального события и ритуального дискурса, выделяются функции ритуала, описывается соотношение понятий «ритуальность», «этикетное действие», «клишированность», «фатика», предлагается типология ритуальных жанров по разным критериям и др. [3–7].

В. И. Карасик предлагает следующее определение ритуала: «ритуал – это динамичное коммуникативное образование, он возникает

на базе определенного социально значимого действия, которое подвергается символическому переосмыслению (ритуализации)» [5 : 25]. Как справедливо указывает М. Г. Извекова (вслед за К. Лоренцем и Ю. В. Моничем), ритуал является инструментом создания и закрепления групповой идентичности [7].

К основным функциям ритуала относят констатирующую, интегрирующую, мобилизующую и фиксирующую функции. Кроме того, многие исследователи отводят ритуалу особую роль в реализации магической функции языка [3]. По мнению Ю. С. Мартемьянова и Ю. А. Шрейдера, «Ритуалы – это особого рода память коллектива. Эта память позволяет коллективу в разные моменты существования опознать самого себя как самотождественное единство» [8 : 469].

Специфика ритуального дискурса заключается в степени ритуализации (выделяют жесткую (религиозный, юридический дискурсы) и мягкую (политический дискурс) формализацию), которая варьируется в зависимости от типа дискурса и жанра, а также в особой коммуникативной тональности [4]. Кроме того, ритуальному дискурсу свойственна цикличность, повторяемость [9].

Проведенные ранее исследования показали, что политический дискурс относится к типу дискурса с мягкой формализацией ритуального действия. Однако следует отметить его значительную разнородность: существуют жанры с более жесткой формализацией ритуального действия (например, тронная речь монарха на открытии сессии парламента Великобритании) и с более мягкой формализацией (рождественское обращение главы государства). При этом следует отметить, что на степень ритуализации того или иного жанра оказывает влияние в том числе культурная составляющая, а именно функционирование жанра в определенной культуре, а также «исторический опыт» жанра. Например, жанр инаугурационного выступления в США насчитывает несколько веков, тогда как в России это достаточно «молодой» жанр.

Важно также отметить, что более жесткая формализация приводит к фиксированности формы и десемантизации текста, что, в свою очередь, ведет к повышению роли эстетической функции [4, 10, 11].

Описанные выше положения и понятия послужили основой для анализа ритуализованных жанров британского, американского и российского политического дискурсов, а также их «эволюции» на протяжении определенного периода времени.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили послания глав государств парламенту страны (Федеральному собранию РФ, Конгрессу США) (1994–2016 гг.), тронная речь монарха на открытии сессии парламента Соединенного Королевства (1830–2017), рождественские обращения короля/королевы Великобритании (1952–2016).

Послание главы государства (президента, монарха) парламенту отражает оценку положения дел страны ее первым лицом и обрисовывает предстоящие законодательные инициативы. Прообразом данного послания является **тронная речь монарха на открытии сессии парламента Великобритании**. Тронная речь читается королем или королевой, в Палате лордов на открытии очередной сессии парламента. Речь составляется премьер-министром и содержит предлагаемую законодательную программу для новой парламентской сессии. Данная церемония является многовековой традицией, а тронная речь – ритуалом, который функционирует на протяжении не одного поколения. Елизавета II открывала каждую сессию парламента с момента ее восхождения на трон в 1952 г. (за исключением 1959 и 1963 гг.).

В США президент ежегодно выступает перед Конгрессом с **посланием «О положении страны»** (State of the Union address), первое такое обращение прозвучало от имени Дж. Вашингтона в 1790 г. В России обращение главы государства к Федеральному собранию становится ежегодным с выступления Б. Н. Ельцина в 1994 г.

Рождественское обращение короля или королевы Великобритании – это традиция, которая началась в 1932 г. с радиотрансляции выступления короля Георга V. С 1952 г. рождественское обращение читает Елизавета II; сегодня оно транслируется по телевидению, радио и в Интернете.

При проведении исследования использовался метод дискурсивного анализа, который позволяет выявить контекст речевого взаимодействия и причины выбора языковых средств коммуникации.

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что для всех исследуемых жанров характерно использование стереотипных контекстов, которые реализуют социально-регулятивную функцию в трех аспектах: аккумуляция и трансляция национально-культурного социального опыта, социальный контроль и социальная интеграция [12 : 113], вне зависимости от исторического периода и автора сообщения.

Тем не менее признаки ритуальной коммуникации в проанализированных жанрах имеют различную степень выраженности. Послания главы государства парламенту имеют достаточно устойчивую композиционную структуру. В своей диссертации М. В. Гаврилова приводит результаты лингвокогнитивного анализа посланий Федеральному собранию РФ и описывает устойчивый характер структурной модели данного жанра, в основе которой лежат «несколько регулирующих принципов: “сегодняшние трудности”, “причины”, “желаемый результат”, “задачи по улучшению ситуации”» [13 : 17]. Данные принципы являются основополагающими и для посланий Конгрессу США. В свою очередь, языковое наполнение может значительно варьироваться в зависимости от индивидуальности автора и духа времени [13].

Тронная речь монарха на открытии сессии парламента, жанр с многовековой историей (появился в XVI в.), имеет наибольшую степень ритуализованности по сравнению с посланиями глав государств России и США, что проявляется в фиксированности формы и четкой последовательности действий, торжественной эмоциональной тональности, замедленном темпе речи, использовании усложненного языка, который отличается от повседневного [7]:

Deeply sensible of the Blessings which, after a Season of Calamity, have been so often vouchsafed to this Nation by a superintending Providence, I confide these important Matters to your Care, in a full Conviction that your Discussions will be guided by an impartial Spirit, and in the Hope that the present Sufferings of My People may be lightened, and that their future Condition may be improved, by your deliberative Wisdom (Виктория, 1847).

Следует отметить, что данный жанр не сразу обрел фиксированную форму, переход из ритуализованного жанра с мягкой формализацией в жанр с более жесткой формализацией происходил постепенно вместе со становлением и утверждением парламентской монархии, истоки которой зарождаются в конце XVII в. Как известно, взаимоотношения монарха, правительства и парламента в Великобритании имеют особый характер: монарх царствует, но не управляет.

В ходе анализа было выявлено, что тронная речь короля Вильгельма IV (1830–1837) и королевы Виктории (1837–1901) отличается более свободной структурой и имеет выраженное личностное начало:

I have given directions that there be laid before you the Treaty ...

I have not yet received the further report of the Commission ...

I trust that you will be able to effect a just settlement of the question ... (Вильгельм IV, 1836)

I continue to receive from Foreign Powers gratifying assurances of their desire to maintain with me the most friendly relations.

I have concluded with the Emperor of Austria a Treaty of Commerce ...

I have directed copies of those Treaties to be laid before you.

I have been engaged, in concert with Austria, France, Prussia, and Russia, in negotiations ... (Виктория, 1839)

С течением времени структура речи менялась, личностное начало постепенно отходило на второй план. С приходом к власти королевы Елизаветы дань традиции прослеживается в использовании притяжательного местоимения *My*, которое всегда пишется с прописной буквы в стенограмме выступления королевы. Главное действующее лицо – правительство, которое составляют подданные королевы: *My Government, My Ministers*. Данные конструкции повторяются на протяжении всего текста и придают ему ритуальный характер, тогда как личное местоимение *I* используется в единичных случаях.

Со временем меняется и традиционное обращение монарха к парламенту: на смену *My Lords and Gentlemen, Gentlemen of the House of Commons* (Вильгельм IV, 1834) приходит *My Lords and Members of the House of Commons, Members of the House of Commons* (Георг V, 1924, Елизавета II, 1954).

Фиксированную форму приобретают и завершающие фразы тронной речи монарха. Если в XIX в. финальные фразы не имели закреплённой формы: *I rely upon your prudence and wisdom, and upon your determination to maintain, as well as to amend the Laws and institutions of the country; and I commit these questions of domestic policy, to which I have deemed it my duty to direct your attention, into your hands, persuaded that you will so treat them, as to increase the happiness and prosperity, by promoting the religion and morality of my people* (Вильгельм IV, 1834); *I confidently commit all these great interests to your wisdom, and I implore Almighty God to assist and prosper your counsels* (Виктория, 1839), то в XX в. заключение становится формализованным: *I pray that Almighty God may give His blessing to your counsels* (Георг VI, 1942); *Other measures will be laid before you in due course. My Lords and Members of the House of Commons, I pray that the blessing of Almighty God will rest upon your counsels* (Елизавета II, 1954, 2010).

За последние шесть десятилетий структура данного жанра практически не изменилась. Ритуальность данного жанра проявляется в ши-

роком использовании клишированных выражений, которые пронизывают всю структуру обращения. Шаблонные фразы можно подразделить на выражения трех типов:

– клишированное обращение и завершение речи: *My Lords and Members of the House of Commons* (инициальное обращение); *Members of the House of Commons: Estimates for the public services will be laid before you. My Lords and Members of the House of Commons: Other measures will be laid before you; I pray that the blessing of Almighty God may rest upon your counsels* (завершающие фразы);

– клишированные фразы, выражающие приоритеты и перспективные действия правительства:

My government's priority is ...; My government will seek to ...; My ministers will strengthen ...; My government will continue to ...; My government will work to ...; My government will reform ...; My ministers will work to ...; My Government attach the highest priority to ...; My Government will promote ...;

– шаблонные конструкции в пассивном залоге: *Legislation will be brought forward to ...; Proposals will be brought forward to ...; Legislation will also be introduced to ...; A bill will be introduced to ...; A priority will be to ...*

Для придания стилю речи большей торжественности, а также усиления положительных результатов действия правительства употребляются конструкции с инициальной инфинитивной конструкцией. Таким образом, акцент смещается на цели и задачи, которые ставит перед собой правительство Соединенного Королевства:

To ensure that more people have the opportunity to further their education, legislation will be introduced to support the establishment of new universities and to promote choice and competition across the higher education sector (2017).

To strengthen the economy and provide stability and security, my ministers will continue to reduce the country's deficit, helping to ensure that mortgage and interest rates remain low (2014).

Следует также отметить, что текстовая ткань обращения пронизана повторяющимися глаголами действия, которые несут в себе идею созидания и придают торжественность речи монарха: *secure, build, ensure, establish, maintain, forge, implement, strengthen, improve, attract, deliver, increase, enhance, make progress, reform, initiate, bring forward, work, establish, support, promote*.

Таким образом, результаты исследования показали, что тронная речь монарха является устоявшимся ритуализованным жанром, который остается практически неизменным на протяжении последних десятилетий, при

этом отражая дух времени и индивидуальность автора.

Рождественские обращения – другой пример ритуализованного жанра с мягкой формализацией, в котором также можно проследить некоторые изменения на протяжении определенного временного отрезка как следствие воздействия различных экстралингвистических факторов. Рассмотрим эволюцию жанра на примере рождественских обращений королевы Великобритании Елизаветы II (1952–2016).

На тематическом уровне прослеживается ряд изменений. В начале своего правления королева в своих рождественских обращениях отводит важную роль странам Содружества и описывает свои визиты в разные страны, при этом не концентрируясь на одной теме, а обращаясь к текущим событиям. К ключевым темам относятся тема христианской любви и веры, а также события в жизни королевской семьи. С течением времени королева вырабатывает свой стиль послания и выделяет определенную ключевую тему в каждом обращении, например, тему роли женщины в обществе или тему детей и молодого поколения:

The devotion of nuns and nurses, the care of mothers and wives, the service of teachers, and the conviction of reformers are the real and enduring presents which women have always given (1966);

Today we celebrate the birth of the child who transformed history and gave us a great faith (1979).

Данная тенденция наблюдается до настоящего момента. Можно очертить целый ряд тем, которые остаются неизменными для рождественского обращения королевы – тема семьи, христианской веры и толерантности, роли монархии, стран Содружества и единения, демократических ценностей, примирения и взаимопомощи. Тем не менее в определенные годы появляются темы, отражающие новые вызовы времени – освоение космоса (запуск искусственного спутника Телстар) в 1962 г., инфляция и безработица в 1975 г., терроризм в 2005 г., экономический кризис в 2008 г., Олимпийские игры в 2016 г. и др.

В заключительной части своего послания королева Великобритании неизменно обращается к народу с традиционным поздравлением с Рождеством:

May I, in this my fiftieth Christmas message to you, once again wish every one of you a very happy Christmas (2001).

Наиболее частотными в изученном корпусе являются следующие номинации: *Christmas, people, world, year, Commonwealth, family, time, new, great, country, day, hope, life, children,*

good, happy, message, future, peace, nation, men, work, courage, faith, service, work, believe.

Как отмечалось ранее, формализация и торжественность речи усиливает роль эстетической функции, что часто проявляется в создании метафорических образов в тексте обращения:

So, our Commonwealth hearth becomes more precious than ever before by the contrast between its homely security and the storm which sometimes seems to be brewing outside, in the darkness of uncertainty and doubt that envelops the whole world (1954).

My hope this Christmas is that the Christian spirit of reconciliation may burn as strongly in our hearts during the coming year (1977).

At Christmas I am always struck by how the spirit of togetherness lies also at the heart of the Christmas story (2012).

Типичными для рождественского обращения являются такие синтаксические стилистические средства, как выдвижение (*fronting*), предложения с пресуппозицией контрастивного элемента (*It-cleft*), параллелизм:

In the turbulence of this anxious and active world many people are leading uneventful lonely lives (1954);

It is through this lens of history that we should view the conflicts of today, and so give us hope for tomorrow (2011);

It can heal broken families, it can restore friendships and it can reconcile divided communities (2011).

Таким образом, рождественское обращение королевы Елизаветы II обладает устойчивыми характеристиками, некоторые изменения проявляются лишь в тематической структуре.

Выводы

Послания главы России и США парламенту, тронная речь монарха на открытии сессии парламента и рождественское обращение королевы являются ритуализованными жанрами с мягкой формализацией, однако степень формализации в данных жанрах различна. Данные жанры реализуют функции, типичные для ритуальной коммуникации, и обладают устойчивыми композиционными признаками, тогда как языковое наполнение может меняться в зависимости от авторской и временной принадлежности.

В тронной речи монарха ярким проявлением ритуальности является широкое использование клишированных фраз, которые придают тексту торжественность и задают стереотипность контекста. С течением времени персонализация жанра значительно снижается за счет использования безличных пассивных конструкций. В жанре рождественского посла-

ния в диахроническом аспекте наблюдаются изменения в тематическом наполнении – под влиянием социальных факторов возникают темы, не типичные для данного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dubrovskaya T., Kharlamova T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse // *Philologia Hispalensis*. 2012. Vol. XXVI, № 1–2. P. 107–127.
2. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2008. № 6. С. 114–122.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2004. 367 с.
4. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // *Человек*. 1997. № 6. С. 108–118.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Мониц Ю. В. На стыке языка и ритуала // *Язык и культура. Факты и ценности*. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 191–206.
7. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
8. Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А. Ритуалы и самоценное поведение // *Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 445–474.*
9. Дубровская О. Н. Формы коммуникативного взаимодействия власти и общества (на материале сложных речевых событий) // *Германская филология*. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 4. С. 10–14.
10. Гудков Д. В. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 30–36.
11. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // *Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 11–24.*
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
13. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 30 с.

REFERENCES

1. Dubrovskaya T., Kharlamova T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse. *Philologia Hispalensis*, 2012, vol. XXVI, no. 1–2, pp. 107–127.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Харламова Т. В. Динамика ритуализованных жанров в политическом дискурсе // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 248–253. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>

2. Rusakova O. F. Politicheskaya diskursologiya: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya [Political discourse studies: relevance of study, theoretical and methodological background]. *Izv. Ural. gos. un-ta* [URSU Journal], 2008, no. 6, pp. 114–122 (in Russian).

3. Sheigal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ., 2004. 367 p. (in Russian).

4. Baranov A. N. Politicheskii diskurs: proshchaniye s ritualom? [Political discourse: parting with ritual]. *Chelovek* [Human], 1997, no. 6, pp. 108–118 (in Russian).

5. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

6. Monich Yu. V. Na styke yazyka i rituala [Across language and culture]. In : *Yazyk i kultura. Fakty i tsennosti* [Language and culture. Facts and values]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 191–206 (in Russian).

7. Izvekova M. G. *Pragmalingvisticheskiye kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic characteristics of ritualistic discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).

8. Martem'yanov Yu. S., Shreider Yu. A. Ritualy i samotsennoye povedeniye [Rituals and intrinsically valuable behaviour]. In : *Ritual v yazyke i kommunikatsii : sb. st.* [Ritual in language and communication : Coll. of art]. Moscow, Znack Publ., RGGU, 2013, pp. 445–474 (in Russian).

9. Dubrovskaya O. N. Formy kommunikativnogo vzaimodeystviya vlasti i obschestva (na materiale slozhnykh rechevykh sobytiy) [Forms of communicative interaction of authorities and society (case of complex speech events)]. *Germanская philologiya* [Germanic Philology]. Saratov, ITs "Nauka", 2009, iss. 4, pp. 10–14 (in Russian).

10. Gudkov D. V. Ritualy i pretsedenty v politicheskoy diskurse [Rituals and cases in political discourse]. In : *Politicheskii diskurs v Rossii – 2* [Political discourse in Russia-2 : Workshop proceedings]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, pp. 30–36 (in Russian).

11. Krongauz M. A. Bessiliye yazyka v epohu zrelogo sotsializma [Language powerlessness during the epoch of mature socialism]. In : *Ritual v yazyke i kommunikatsii : sb. statei* [Ritual in language and communication : Coll. of art]. Moscow, Znack Publ., RGGU, 2013, pp. 11–24 (in Russian).

12. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 276 p. (in Russian).

13. Gavrilova M. V. *Lingvokognitivnyi analiz russkogo politicheskogo diskursa* [Linguistic and cognitive analysis of Russian political discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2005. 30 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 11.12.2017

For citation

Kharlamova T. V. Dynamics of Ritualistic Genres in Political Discourse. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 248–253 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>

УДК 81'27:811.161.1

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>

В. М. Алпатов
Москва, Россия

Vladimir M. Alpatov
Moscow, Russia

В ЗАЩИТУ КАНЦЕЛЯРИТА

IN DEFENCE OF BUREACRATESE

В 1961 г. К. И. Чуковский писал, что главная опасность для русского языка – «канцелярит». Это проникновение слов, оборотов, синтаксических конструкций, характерных для стиля официальных отношений (делового), в другие стили языка (бытовой, научный, художественный). Такая точка зрения широко распространена в России. Она связана с резко отрицательным отношением к деловому стилю вообще, он оценивается как язык бюрократизма, штампов, невнимания к людям. Однако эта проблема имеет три аспекта: стилистический, аспект иерархии жанров и политический. Любое смешение жанров затрудняет общение, но концепция канцелярита отражает пренебрежение к деловому стилю в русской культурной традиции. Однако иерархия стилей и жанров в других культурных традициях (английской, японской и др.) может быть другой.

Ключевые слова: канцелярит, деловой стиль, русский язык, бытовой стиль, научный стиль, художественный стиль, официальные отношения, бюрократизм, штампы, стилистика, иерархия жанров, политический аспект.

In 1961 K. I. Chukovskiy wrote that the principal danger for Russian was “Bureaucratese” (канцелярит). It is the penetration of words, phrases, syntactic constructions typical of the style of the official relations in other styles (style of everyday life, academic style, belles lettres style). Such point of view is widely spread in Russia. It is connected with a very negative attitude to the official style in general, it is considered to be the language of bureaucratism, clichés, indifference to people. However, this problem has three aspects: stylistic aspect, aspect of the hierarchy of genres, and political aspect. Any confusion of genres impedes the communication but the conception of Bureaucratese reflects the neglect of the official style in the Russian cultural tradition. However, the hierarchy of styles and genres in some other cultural tradition (English, Japanese, etc.) can be different.

Key words: bureaucratese, official style, Russian, style of everyday life, academic style, belles lettres style, official relations, bureaucratism, cliché, stylistic aspect, hierarchy of genres, political aspect.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социолингвистики.

Место работы: Институт языкознания РАН, Москва.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Chief Researcher, Head of the Center for Sociolinguistics.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Слово *канцелярит*, впервые использованное К. И. Чуковским в книге «Живой как жизнь» (первое издание – 1962), стало с тех пор достаточно распространенным. Оно имеет явно негативную окраску и обозначает неуместное использование в русском литературном языке слов и синтаксических конструкций, специфичных для делового (канцелярского) стиля.

Чуковский в своей книге рассматривал различные факторы, отрицательно влияющие на развитие русского языка (ненужные заимствования, аббревиатуры, использование грубых просторечных слов и оборотов), и признавал, что не в них заключается главная опасность. Ее он видел в том, что он назвал канцеляритом. «Гораздо серьезнее тот тяж-

кий недуг, от которого, по наблюдению многих, еще до сих пор не избавилась наша разговорная и литературная речь. Имя недуга – *канцелярит* (по образцу колита, дифтерита, менингита). На борьбу с этим затяжным, изнурительным и трудно излечимым недугом мы должны подняться сплоченными силами» [1 : 136]. Автор книги осуждает тех, кто «считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов. Многие из них при всем желании не могут выражаться иначе: так глубоко погрязли они в своем департаментском стиле» [Там же : 143]. Канцелярит

«усиленно прививается детям чуть ли не с младенческих лет» [1 : 150]. Чуковский приводит немало, безусловно, убедительных примеров канцелярских штампов в художественной литературе, научных текстах (в том числе текстах диссертаций), в письмах читателей, включая детей.

При этом можно заметить, что Корней Иванович боролся сразу с двумя противниками и переходил от одного к другому, а иногда бил по обоим сразу. Главу книги, посвященную канцеляриту, он начинает с анализа учебного пособия для школьников под названием «Деловые бумаги». Он признаёт, что «при официальных отношениях людей нельзя же обойтись без официальных выражений и слов» [Там же : 138]. При этом он не без гордости заявляет: «В детстве меня не учили изъясняться на таком языке» и «составить самую простую деловую бумагу для меня поистине каторжный труд» [Там же : 137]. В связи с этим он пишет: «По крайней мере один из современных филологов [В. Г. Костомаров. – В. А.] убеждает читателей, что директор учреждения поступил бы бестактно, если бы вывесил официальный приказ, написанный в стиле непринужденной беседы. Возможно, что филолог и прав: должен же существовать официальный язык в государственных документах, в дипломатических нотах, в реляциях военных ведомств» [Там же : 138]. Писатель не спорит с В. Г. Костомаровым, но в самом тоне («убеждает читателей», «возможно, и прав») видно то, что ему не очень хочется с данной точкой зрения соглашаться, хотя и приходится это делать. Характерно, что Чуковский, допуская где-то использование явно нелюбимого им стиля, упоминает те сферы жизни, которые максимально далеки от повседневности.

А затем, и чем дальше, тем больше, Корней Иванович уже говорит не о неуместности в тех или иных случаях, а о порочности всего канцелярского стиля и той картины мира, которая за ним стоит. «Штампованный жаргон казенных бумаг» [Там же : 145]; «Бюрократические закругленные формулы» [Там же : 147]; «Его главная суть – прикрывает собой равнодушие» [Там же : 154]. Это уже негативная характеристика всего делового стиля, который оценивается ниже, чем бытовой, художественный или научный. Итоговая его оценка: «Оторванный от жизни штампованный, стандартный жаргон, свидетельствующий о худосочности, обескровливании мысли» [Там же : 174].

Сходные идеи позднее высказывал и М. В. Панов. «Последние десятилетия – время оказывания языка, перегрузки его штампами, понижения его стилистической гибкости

и отзывчивости. Мы говорим не о языке писателей – среди них никогда не исчезали талантливые мастера. Имеется в виду повседневная речь, официальная и полуофициальная. Она заполнила наш быт и полностью господствует в служебных, деловых, общественных и производственных, тем более – официально учрежденных отношениях. И вполне естественно, что появился противовес этой казенной речи. Возникла особая коммуникативная система: разговорный язык (РЯ).... Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми.... Для того чтобы в речи обнаружился, “объявился” РЯ, нужны определенные условия. Основное – неофициальные отношения между говорящими» [2 : 19]. И далее М. В. Панов пишет о «слишком строгой официальной жизни» и «отпоре» ей в бытовой речи интеллигенции [Там же : 21].

Очевидно, что за всем вышеперечисленным стоят, по крайней мере, три аспекта, чаще всего сознательно или бессознательно не разграничиваемые. Это стилистический аспект, аспект иерархии жанров и политический аспект.

Из них наиболее очевиден стилистический аспект, именно о нем писал В. Г. Костомаров, а Чуковский, признавая его существование, вероятно, не считал его главным. Классификация функциональных стилей и жанров – вопрос достаточно спорный, но очевидно, что стиль «канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов» объективно существует и имеет свои особенности в лексике и синтаксисе. Чуковский рассматривал некоторые из них, в частности, обилие последовательностей слов в родительном падеже и злоупотребление творительным падежом в функции субъекта [1 : 165–166]. Если говорить об этом аспекте в чистом виде, не смешивая его с другими, то это частный случай проблемы соответствия выбора функционального стиля и жанра условиям коммуникации.

Вот пример из художественного произведения (появившегося одновременно с книгой Чуковского), где, правда, речь идет не о деловом, а о научном стиле (впрочем, жанр отчета – скорее некоторый гибрид делового и научного стиля). Описано, как один из сотрудников НИИ пишет неподходящим образом отчет о проделанной работе, а его коллега затем правит текст, заменяя *бесподобный метод интегрирования* на *эффективный метод интегрирования*, а *испытания носили двусмысленный характер* – на *в процессе испытаний были выявлены противоречащие друг другу факты*. В результате в отчете появлялись «четкость, лаконизм, ритм. Фраза,

собранная из слов, как механизм из деталей.... После правки Критика отчет становился относительно пристойным» [3 : 9].

Хотя это другой стиль (вызывающий одобрение Чуковского), но пример показывает, что и в данном случае стиль требует стандартизации, приведения лексики и синтаксиса в соответствие определенным принятым шаблонам. Естественно, и «официальный приказ, написанный в стиле непринужденной беседы», неприемлем с точки зрения эффективной коммуникации. Любое стилистическое несоответствие недопустимо независимо от эмоционального отношения к тому или иному жанру.

Но здесь вступает в силу другая проблема – проблема иерархии жанров. В России с XVIII в. после снижения престижа религиозного стиля (или стилей) самым «возвышенным» стал считаться функциональный стиль художественной литературы (опять-таки не буду рассматривать вопрос о том, один это стиль или несколько). Уже Н. М. Карамзин и его соратники и последователи ориентировались на развитие языка художественной литературы и отрицательно относились к «приказному», то есть деловому языку, что имело и социальные причины [4 : 43]. В России сложилось представление об «изящной словесности» в противовес непрестижному творчеству журналистов и канцеляристов. Показателен сам принятый у нас термин *литературный язык*, обычно (если это только не калька с русского) не имеющий аналогов в других языках. Буквально соответствующий термин, например, во французском языке относится к языку, которым говорят герои классических трагедий, максимально далекий от разговорного языка, а в японском языке это старописьменный язык (*бунго*). Нашему термину *литературный язык* во многих европейских языках соответствует то, что по-русски выглядит как *стандартный язык*. У нас теперь такой термин тоже есть, но, совпадая в денотативном значении с *литературным языком*, он имеет иные коннотации: классики литературы могли писать только на *литературном языке*, а про деловую бумагу скорее хочется сказать, что она написана на *стандартном языке*. Деловой, «приказный» стиль в разные эпохи в нашей стране считался особо непрестижным.

Можно привести немало примеров иерархии жанров в России разного времени, приведу лишь два. При всём официальном почете к личности императора при самодержавии язык исходивших от него текстов никогда не считался по-настоящему престижным. Даже сборник избранных речей Николая II появился лишь через одиннадцать лет после начала его царствования; его издание случайно совпало с расширением свободы печати после

манифеста 17 октября 1905 г., и сборник сразу стал мишенью для сатирических журналов. А в близкое к нам время ради большего прославления Л. И. Брежнева решили его сделать писателем.

Однако традиции могут быть различными даже в разных европейских странах. «Еще более отчетливым было различие в отношении британской и французской нормативной традиции к литературному творчеству как источнику языковой правильности. Британские авторы не рассматривали художественную литературу как надежный ориентир в вопросах культуры речи» [5 : 72]. «Почтительного отношения к художественной литературе британская нормативная традиция не знала» [Там же : 75]. А во французской грамматической традиции «соответствие грамматического описания материалу литературных текстов является решающим критерием оценки пригодности данного описания» [6 : 135]. У нас ситуация ближе к французской, что проявилось в общественном обсуждении проекта реформы русской орфографии в 1964 г. Наибольший резонанс имели выступления писателей – «хранителей языка», часто лингвистически неграмотные, а языковедов не слушали.

Совсем другой подход свойствен Японии, о чем автор данной статьи уже не раз писал [7 : 273–274; 8 : 15]. В иерархии жанров выше всего стоял язык официальных текстов, прежде всего, исходивших от императора. Уже в период европеизации едва ли не самым престижным японским текстом считался рескрипт императора Мэйдзи об образовании, устанавливавший систему всеобщего начального образования; его вывешивали во всех школах и заучивали наизусть. Показательно, что деловые бумаги писали на самом престижном из использовавшихся языков. Веками их писали на камбуне (японизированном варианте китайского языка), который ценился выше, чем бунго (старописьменный японский, буквально «литературный» язык), а после отмены камбуна в период европеизации до 1945 г. – на бунго. В начале XX в. «все писалось по его [бунго. – В. А.] нормам, начиная от текста закона и кончая квитанцией о приеме белья в прачечную» [9 : 12]. Можно ли представить себе аналогичную ситуацию с церковнославянским языком в России в какой-либо исторический период? А художественная проза традиционно считалась «низким жанром»; именно поэтому в XI в. самые значительные прозаические произведения в Японии были написаны женщинами; для мужчин-придворных такое творчество казалось слишком несерьезным, хотя стихи они постоянно писали. Со второй половины XX в., правда, отмечали, что наиболее значимыми стали не деловые

жанры, а жанры средств массовой информации, особенно телевидения. Но опять-таки художественная литература не ставится особенно высоко. У нас же не только сейчас, но и в советское время речь на телевидении не считалась столь же престижной, как художественная.

Так что иерархия жанров в разных культурах может быть различной, но, безусловно, К. И. Чуковский здесь следовал русской традиции. Он приводит в своей книге цитаты из А. И. Герцена, А. П. Чехова, В. И. Ленина, которые (естественно, в иных терминах) также осуждали канцелярит. И он явно гордился своей беспомощностью при вынужденном обращении к «штампованному жаргону казенных бумаг».

Здесь мы уже переходим к, несомненно, важнейшему для Корнея Ивановича политическому аспекту. Публикуя свою книгу в 1962 г., он, естественно, не подчеркивал этот аспект, но его присутствие несомненно (что подтверждают его дневники тех лет, теперь изданные). Более очевиден этот аспект у М. В. Панова, издававшего свою книгу в годы перестройки. В наши же дни всю проблематику, связанную с канцеляритом, могут сводить к этому: «Как известно, Чуковский понимал канцелярит как неоправданное использование канцелярского языка за пределами сферы официально-деловых отношений в русском языке середины XX в., повлекшее за собой невиданное ранее оскудение образности и выразительности языка. Начиная с К. И. Чуковского канцелярит изучают как аспект культуры речи – как использование языковых средств делового стиля в неподходящих для этого условиях общения. В современных исследованиях канцелярит изучают преимущественно в историко-культурном плане: проводится параллель между распространением канцелярской речи за пределами официально-делового стиля и идеологией Советского государства». «Доказывается, что масштаб данного явления значительно шире: то, что Чуковский называл канцеляритом, есть неизбежное следствие государственной идеологии в Советском Союзе и – шире – в любом тоталитарном обществе» [10 : 276–277]¹.

Насколько такое обобщение правомерно делать на основе книги К. И. Чуковского? С одной стороны, он пишет: «Этот департаментский, стандартный жаргон... расцвел в литературе, начиная с середины 30-х годов» [1 : 160]. Следует при рассмотрении этой

цитаты вспомнить о ситуации в СССР в 1961–1964 гг., между XXII съездом КПСС и отставкой Н. С. Хрущева. Тогда у самых разных авторов установился штамп противопоставления «правильного», основанного на «ленинских нормах» времени до начала 1930-х гг., «периода культа личности» со всевозможными отклонениями от этих норм, и нового исторического этапа после 1953 года. И вина за канцелярит снимается с Ленина и возлагается на Сталина, тогда как «в настоящее время он малопомалу увядает» [Там же : 160]. Но, с другой стороны, не раз Чуковский подчеркивает (вряд ли только по цензурным соображениям) укорененность канцелярита в традициях, выходящих за рамки советской эпохи. «В старое время было так много шаблонов именно в бюрократической речи, созданной специально затем, чтобы прикрывать наплевательство к судьбам людей и вещей» [Там же : 154]; именно здесь цитируется А. И. Герцен. Сам эпитет *департаментский* в то время ассоциировался исключительно с царскими временами (департаментов в 1960-е гг. не было, это название возродилось уже после смены строя). Но царское время не принято называть тоталитарным. А «избавление России от тоталитаризма» ни на одном из этапов, как сейчас уже всем понятно, не избавило нас от равнодушия, «наплевательства к судьбам людей и вещей» и «обескровливания мысли».

А как было с канцеляритом и, шире, с истоками, формированием и развитием советского дискурса на самом деле? В 1920-е гг. (в отличие от более позднего времени) эти вопросы в нашей стране еще исследовались, здесь особо надо отметить известную книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и ряд статей Е. Д. Поливанова.

Бюрократический характер царской администрации слишком хорошо известен, чтобы его доказывать; он, естественно, проявлялся и в сфере языка, особенно в рамках делового стиля, что подчеркивал К. И. Чуковский. Затем наступил 1917 г., изменения в языке коснулись не столько фонетики и грамматики, где, как подчеркивали оба вышеупомянутых ученых, они не были значительны, сколько области дискурса. Как указывал А. М. Селищев, специфический язык (в современной терминологии, дискурс) революционеров складывался еще до 1917 г., а затем стал господствующим и начал оказывать влияние на речь других социальных групп. Подчеркнуто, что большинство революционеров было выходца-

¹В этой связи стоит сказать про такое понятие, как «новояз». Дж. Оруэлл, как не раз уже отмечали, одновременно выступал в двух ипостасях, каждая из которых естественна для троцкиста: боролся со Сталиным и всем, с ним связанным, но осуждал «язык капитализма». А упрощение языка пропаганды и любой массовой информации – объективное явление, свойственное и в те, и в нынешние времена любому режиму. «Новояз» – карикатура на данное явление, подогревавшаяся как раз перед этим появившимися *basic English* и пр.

ми из интеллигенции [11 : 69 и др.], поэтому в рассматриваемом языке очень значительны книжные элементы; к этому добавляются особенности происхождения ряда деятелей, среди которых было много выходцев из духовенства, поляков, евреев. Отмечено активное использование революционерами иностранных слов. Важная черта данного дискурса – повышенная эмоциональность: «Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы – всё это вылилось в соответствующих формах речи» [Там же : 156]. В то же время отмечены и черты противоположного характера: «Российские революционеры ... не стесняются употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми» [Там же : 107]. Причины этого ученый видел в том, что «в революционных кружках прежнего времени действовало значительное количество студенческой молодежи, среди которой распространены бывают некоторые черты независимости от общих норм и форм бытового уклада и общепринятого этикета», чему в языке соответствуют «некоторая грубоватость и откровенный реализм значения слов и словесных сочетаний» [Там же : 107].

Что касается делового стиля, то сразу после революции старые шаблоны и стереотипы теряли силу, однако вскоре стало значительным «воздействие всевозможных многочисленных канцелярий», возникших в большом количестве: появилось или возродилось немало число «элементов языка *канцелярского* с его архаизмами» [Там же : 98]. Ученый указывал и на «влияние многочисленных деятелей прежних канцелярий», которые продолжали работать и после революции в новых канцеляриях [Там же : 98]. Многого возвращалось на прежнее место, в том числе и в деловом (и не только в деловом) стиле, на что обращали внимание и подчеркнуто аполитичный А. М. Селищев, и преданный идеалам революции Е. Д. Поливанов. «Быстро создаются речевые шаблоны вместо недавних форм эмоциональности. Речь с шаблонными *штампами* не возбуждает прежних настроений. Это – “трескотня”» [Там же : 157]. Е. Д. Поливанов, которого нельзя заподозрить во враждебности к «тоталитаризму», протестовал против «уродливой дисциплинированности речи» и превращения еще недавно ярких образов в «заезженные штампы». Он сравнивал по «безжизненности и недвижности» «славянский язык революции» в том виде, который он приобрел к концу 20-х гг., с «церковнославянскими речениями в церковном языковом обиходе» [12 : 169]. Чем дальше, тем больше штампы господствовали.

На другой аспект становления канцелярита в его советской форме справедливо обратил внимание К. И. Чуковский. Он писал о малокультурном обывателе: «Он гордится не только отличной женой, но и тем, что ему доступны такие слова, как *конфликтовать, лимитировать*» [1 : 140]. В это время (не только с середины 1930-х гг., но и раньше) шел процесс освоения русского литературного языка широкими слоями населения, ранее владевшими лишь просторечием и/или диалектом. И сферой, в которой этим людям в наибольшей степени приходилось овладевать начатками литературного языка, была сфера документации разного рода, где существовали строгие правила построения текста и употребления лексики, которым было необходимо следовать. Поэтому достаточно распространенной именно в советский период, особенно на ранних его этапах (слова Чуковского об «увядании» канцелярита не были столь неверными, как это сейчас может показаться), стала ситуация, когда человек владел двумя функциональными стилями: бытовым и (в той или иной степени) деловым. При этом он осознал, что деловой стиль – более «культурный», и мог вводить его элементы в свою бытовую речь (что фиксирует Чуковский). Об этом по совсем иному поводу писал уже упоминавшийся М. В. Панов: «Если фонетическая (или грамматическая) черта характерна для жанров сниженных, то она с трудом проникает в высокие жанры.... Если же фонетическая (или другая) черта характерна для высоких жанров, она приемлема и для невысоких» [2 : 264]. Это, конечно, относится и к лексике и верно в любом случае, если человек владеет более чем одним функциональным стилем. Но для К. И. Чуковского или М. В. Панова деловой стиль занимал очень низкое место в иерархии, тогда как бытовой стиль сам по себе не вызывал отрицательного отношения, ср. слова Панова о разговорном языке интеллигенции как «отпоре официальнойности». И инвективы Чуковского против канцелярита в той их части, где речь идет о советском деловом стиле вообще, как представляется, были направлены не столько против стиля как такового, сколько против тех людей, для которых деловой стиль был самым престижным среди им известных. Они не вызывали у интеллигентов уважения.

Могло быть и наоборот: человек владел разными функциональными стилями, но не деловым. Как мы видели, Чуковский относил к их числу себя. Это, разумеется, не обязательно означало того, что этот человек писал деловые бумаги неподобающим стилем: он мог понимать недопустимость этого, но ценой сбоев коммуникации: «Мне легче исписать всю

страницу стихами, чем «*учитывать выше-изложенное*» и «*получить нижеследующее*» [1 : 137]. Такие люди встречались, но не в столь массовом количестве, как жертвы канцелярита, а их недостатки были извинительны для близкого им круга людей. А описанный И. Грековой сотрудник НИИ, не умевший сочинять по правилам отчет, показан как обычный интеллигент, по другим параметрам не отличающийся от коллег.

И всё же необходимо различать, помимо того, о чём уже шла речь, форму и содержание деловых документов. Не говорю о создании общества без бюрократии и без деловых отношений между людьми. Об этом можно мечтать, но это пока что остается утопией для любого типа обществ, кроме разве что стопроцентно патриархальных. А раз так, то остается необходимым поддерживать правила деловых отношений, среди которых стилистические правила языка занимают одно из главных мест. И канцелярит в этом смысле — не болезнь. Плохо лишь любое нарушение языковых и дискурсных правил, в конечном итоге мешающее коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1966. 768 с.
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М. : Наука, 1990. 453 с.
3. Грекова И. Под фонарем. М. : Сов. писатель, 1966. 160 с.
4. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. : Наука, 1985. 215 с.
5. Германова Н. Н. Французская академия и британская нормативная грамматика : точки соприкосновения и отталкивания // Развитие языков и литератур в контактных ситуациях : материалы круглого стола. М. : Институт языкознания РАН, 2017. С. 65–76.
6. Бокаторова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке. М. : Наука, 1987. 152 с.
7. Алпатов В. М. Литературный язык в России и Японии // Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. Теория языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2017. 518 с.
8. Алпатов В. М. Япония : язык и культура. М. : Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
9. Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1960. Т. 10. С. 26–90.
10. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
11. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 47–179.
12. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М. : Федерация, 1931. 183 с.

REFERENCES

1. Chukovskiy K. I. *Sobraniye sochineniy* : v 6 t. T. 3. [Collected Works : in 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1966. 768 p. (in Russian).
2. Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p. (in Russian).
3. Grekova I. *Pod fonarem* [Under the lantern]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1966. 160 p. (in Russian).
4. Uspenskiy B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i yeye istoricheskiye korni* [From the history of Russian literary language XVIII – early XIX centuries. The language program of Karamzin and its historical roots]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 215 p. (in Russian).
5. Germanova N. N. *Frantsuzskaya akademiya i britanskaya normativnaya grammatika : tochki soprikosnoveniya i ottalkivaniya* [French academy and British normative grammar : points of contact and repulsion]. In : *Razvitiye yazykov i literatur v kontaknykh situatsiyakh. Materialy kruglogo stola* [Development of languages and literatures in contact situations. Materials of the round table]. Moscow, Institut yazykoznaniya of Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 65–76 (in Russian).
6. Bokadorova N. Yu. *Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka. Struktura znaniya o yazyke* [French linguistic tradition of the XVIII – early XIX centuries. Structure of knowledge of the language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 152 p. (in Russian).
7. Alpatov V. M. *Literaturnyy yazyk v Rossii i Yaponii* [Literary language in Russia and Japan]. In : *Alpatov V. M. Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Teoriya yazykoznaniya* [Japanese studies. Theory of language. Sociolinguistics. Theory of linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2017. 518 p. (in Russian).
8. Alpatov V. M. *Yaponiya : yazyk i kul'tura* [Japan : language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. 208 p. (in Russian).
9. Konrad N. I. *O literaturnom yazyke v Kitaye i Yaponii* [On the literary language in China and Japan]. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences], 1960, vol. 10, pp. 26–90 (in Russian).
10. Dementyev V. V. *Rechezhnaryyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).
11. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [Language of the revolutionary era. From observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. *Selishchev A. M. Trudy po russkomu yazyku. Yazyk i obshchestvo* [Works on the Russian language. Language and society]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. 47–179 (in Russian).
12. Polivanov Ye. D. *Za marksistskoye yazykoznaniye* [For Marxist linguistics]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931. 183 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 31.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алпатов В. М. В защиту канцелярита // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 254–260. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>

For citation

Alpatov V. M. In Defence of Bureacratese. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 254–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81.23.37

ББК 81.5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>

С. Ю. Данилов
Екатеринбург, Россия

Sergey Yu. Danilov
Ekaterinburg, Russia

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ОТКАЗ В КЛЮЧЕ
ОТКРОВЕННОСТИASPECTS OF FRANKNESS OF THE REFUSAL
BASED ON PERSONAL PRINCIPLES
(CATEGORICAL REFUSAL)

Русская откровенность неоднократно становилась предметом лингвокультурного описания в трудах Е. М. Вережагина, В. В. Дементьева и др. В диссертации М. М. Наумовой собрана обширная литература вопроса. В данной статье предлагается взгляд на откровенность как одну из констант русской лингвокультуры сквозь призму речевого жанра отказа. Названный жанр – крупный коммуникативный феномен, в котором можно выявить более конкретные речевые явления. Принципиальный отказ – это речевой жанр, требующий откровенности, которая организует соответствующую коммуникацию, становится залогом эффективного и содержательного общения. Автор рассматривает сигналы ситуации принципиального отказа: разрыв отношений, столкновение ценностей установок, например, профессиональных и общечеловеческих ценностей, публичная откровенность. Описываются ценностные установки принципиального отказа, а также особенности его вербализации. Важнейшей чертой принципиального отказа оказывается последовательность его воплощения, долгосрочность, независимость от ситуационных изменений. Основной вывод: откровенность как константа русской лингвокультуры организует коммуникативное взаимодействие в критических ситуациях, в том числе в ситуации принципиального отказа. В качестве материала привлечены данные Национального корпуса русского языка, тексты из авторского архива, а также записанные и подготовленные автором речежанровые интервью, в которых коммуниканты откровенно обсуждали случаи принципиального отказа.

Ключевые слова: речевые жанры, речевое событие, ассоциативный словарь, вербальные ассоциации, психолингвистика, когнитивная лингвистика, многозначность, лексикографическое и психолингвистическое значение слова.

Сведения об авторе: Данилов Сергей Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка. Место работы: Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.
E-mail: sev79@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5197-177X>

Russian frankness in a linguocultural aspect has been researched by some Russian linguists, such as E. M. Vereschagin, V. V. Demytyev, etc. A vast list of literature referred to this issue can be found in the dissertation of M. M. Naumova. The article suggests considering frankness as one of the constants of Russian linguoculture through the speech genre of refusal. The above mentioned genre is a large communicative phenomenon. Categorical refusal is a speech genre which requires frankness leading to effective communication. The author pays attention to the signs of situation of the categorical refusal – breaking up, collision of value orientations (job and universal values), public frankness. The article describes the value orientations of a fundamental refusal and its verbalization. The main feature of the categorical refusal is a sequence of its implementation, durability, independence from up-to-the-minute changes. The main conclusion: frankness as a constant of Russian linguoculture organizes communicative interaction in critical situations, including the situations of categorical refusal. Research materials: Russian National Corpus, texts from the author's archive, recorded speech genre interviews containing frank discussions of the situations of fundamental refusals.

Key words: speech genre, refusal based on personal principles (categorical refusal), frankness, value orientation, constants of Russian linguoculture.

About the author: Danilov Sergey Yurievich, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Rhetoric and Stylistics of Russian. Place of employment: Ural Federal University, Ekaterinburg.
E-mail: sev79@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5197-177X>

Зафиксировать в записи принципиальный отказ, не прибегая к провокации, сложно, так как возникает соответствующая ситуация неожиданно, зачастую в общении с мало-знакомыми людьми, чьи мировоззренческие установки неизвестны. Вместе с тем принципиальные отказы долго хранятся в памяти. Они связаны с личностным очагом напряженности (принципы, мировоззренческие установки далеко не всегда хранятся в готовом виде, зачастую они формулируются именно в момент, когда требуется их вербализация). На первом этапе настоящего исследования осмыслению подвергался жизненный опыт автора. На основе интроспекции были подготовлены вопросы, после чего было проведено интервьюирование носителей русского языка, которые, с одной стороны, готовы к откровенному разговору (коммуниканты давно знакомы, имеют общий коммуникативный опыт, в том числе в обсуждении сокровенных тем), с другой стороны, по мнению автора, это люди, типично отстаивающие свои принципы, склонные к их прояснению. Результаты интроспекции частично попали в интервью, стали основой для высказываний интервьюера. В качестве материала привлечены интервью, расшифрованные с диктофона или полученные в ходе личных бесед в социальной сети.

РЖ отказа и откровенность

Ответной реакцией на предложение, просьбу, требование, запрос информации, запрос совета, а иногда на приказ, команду может стать отказ. В научной литературе отдельное внимание уделяется месту отказа в ряду актов негативной реакции [1–3], способам смягчения отказа [4, 5], манипулятивным реализациям интенции отказа [6]. О. В. Бычихиной выполнено комплексное описание семантических, прагматических, когнитивных параметров речевого жанра отказа в диалогическом единстве, включающем «инициальную реплику-стимул и реплику-реакцию на нее (собственно отказ)» [7 : 5]. В диссертационном исследовании выявлен сценарий отказа: «а) отказ, будучи самой частотной реакцией на реплику с императивным содержанием (данные РАС), свидетельствует об отрицательном подходе к решению дел, характерном для социума; б) это негативный РЖ, отрицательно воздействующий на собеседника, зона коммуникативного риска, к которой тяготеют отказы следующих типов: категоричный, немотивированный, коммуникативно не оправданный и др.; в) в сценарий отказа входит информация о том, как смягчить его травмирующее воздействие, как отказать, не разрушая коммуникацию, как совместить

речевые максимы и интенции говорящего отказать своему адресату» [7 : 6–7]. Из сказанного вытекает, что отказ характеризует русскую лингвокультуру, типично сопровождается (особенно в неформальном общении) выплеском эмоций и провоцирует на осознанную или спонтанную (неожиданную для говорящего) откровенность. Прямые и косвенные, категоричные / некатегоричные, мотивированные / немотивированные, коммуникативно оправданные (нацеленные на сохранение коммуникативного равновесия) / неоправданные (разрушение равновесия) изучены в продуктивном разграничении средств выражения отказа и средств описания отказа в речи, особое внимание уделено разграничению отказов полных и частичных, себе и другому, на реальную реплику или предполагаемую [Там же : 10–17]. Рассматривая русский речевой жанр отказа в ключе откровенности [8–12], мы вынуждены опираться не столько на средства выражения РЖ, сколько на описание отказа коммуникантами.

Сам по себе отказ вряд ли может быть изучен как откровенный или неоткровенный. Словосочетание «откровенный отказ» воспринимается как синоним прямого (открытого) и / или категоричного отказа. Однако среди многообразия отказов особое место в русской лингвокультуре занимает *принципиальный отказ*. Рассмотрев соответствующие контексты в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), мы можем отметить, что названным словосочетанием описывается целый ряд явлений. Ср.:

1) 'отказаться полностью и категорично':

Но **принципиально я не решусь отказаться** от возможности удара на расстоянии уже потому, что это значило бы отказаться от принципиальной возможности телеграфа без проволоки, который мы не сегодня завтра иметь будем (НКРЯ; А. В. Амфитеатов. Жар-цвет (1895)); у Раскина природа отключена от жизни, и человек ни вокруг себя, ни внутри не может обрести собеседника, а от «провиденциального собеседника» (Мандельштам) он **отказался принципиально**. Стихи эти если и элегии, то странные, вывернутые наизнанку, которые уместно будет по аналогии с одами Алексея Машевского назвать «безблагодатными» (НКРЯ; Василий Русаков. Безблагодатные элегии Давида Раскина // «Звезда», 2002);

2) 'отказаться, отстаивая собственные принципы':

после того как Марченко **отказался по принципиальным соображениям** от желательной для его притеснителей эмиграции через Израиль, он был арестован и осужден на ссылку (НКРЯ; А. Д. Сахаров. О стране и мире (1975));

3) 'отказаться на словах, теоретически' (перен.):

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику буржуазной позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее **ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!**) Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее (НКРЯ; В. И. Ленин. Государство и революция (1917)).

Кроме того, принципиальный отказ соотносится с отказом от принципов:

Столкнувшись на практике с этим могуществом религии, социализм должен был отступить перед ним. Оказывалось, что его пропаганда не может вытеснить и заменить церковную проповедь, и он должен был **отказаться от принципиальной борьбы** с религией и провозгласить ее частным делом каждого. В виде любопытной подробности следует отметить, что некоторые из ораторов, отстаивавших на съезде в Галле необходимость уважать религиозную свободу, указывали на то, что особенно в деревне надо остерегаться затрагивать религию. Так, предлагался особый «социализм для деревни», совершенно несогласный с абсолютным социализмом Маркса (НКРЯ; П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II (1917–1921)).

Представленные значения и употребления пересекаются в русской лингвокультуре и проясняются в сопоставлении с манипулятивным отказом. Т. В. Нестерова, разграничивая речевой акт и речевой жанр отказа, а также косвенный речевой акт и косвенный речевой жанр (что, на наш взгляд, очень продуктивно при анализе материала) и описывая типичные манипуляции (*отказ уходом от ответа, отказ ссылкой на плохое самочувствие, отказ жениться под псевдоблаговидным предложением, отказ – псевдосогласие, отказ путем переубеждения*), приходит к такому выводу: «Манипулятивные реализации интенции отказа в большинстве случаев направлены на сохранение кооперации в общении. Предпочтение косвенных форм прямым, а также манипулятивных неманипулятивным способствует сохранению «лица» как субъектом отказа, так и объектом отказа; позволяет повысить вероятность того, что планируемый перлокутивный эффект от данных тактик действительно осуществится» [6: 64]. С этих позиций «принципиальный отказ» осмысливается как необходимый, то есть такой, ради которого можно пренебречь «сохранением лица» и установкой на бесконфликтную кооперацию.

... у меня сразу какие-то / личные отношения // Вот / в этом случае / потому что наверное это было

самое-самое такое / болезненное / когда ты встречаешься с человеком / и должен ему отказать // Сказать что нет / нет / это / сначала ты как бы скользишь / скользишь / скользишь / но надо сказать нет / в этом случае нужно сказать нет / и меня / когда ты это говоришь / это / очень-очень тяжело / но потом / очень-очень легко // Вот / Вот / ты сделал именно так / но это очень тяжело было делать / что вот отказать / именно человеку / имеется в виду / конечно женщине // Что касается всего остального там / как-то попроще / но отказывать / тяжело // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Принципиальный отказ как интеллектуальное, речевое и / или физическое действие типично требует от говорящего предельной откровенности. Если манипулятор, не желая идти на компромисс, «не обнаруживает перед объектом манипуляции сам конфликт интересов, не идет на открытую конфронтацию» [Там же], то в ситуации принципиального отказа говорящий готов вскрыть конфликт интересов и пойти на открытую конфронтацию, проясняя свои мировоззренческие установки.

Ситуации принципиального отказа

Самые яркие случаи принципиального отказа в личном неформальном общении возникают в ситуации разрыва отношений с давним знакомым, приятелем, другом (вероятно, даже с близким родственником). Знаком принципиальности отказа поддерживать хорошие отношения и становится прекращение общения, а не обязательность вербализации принципов

С. у меня в семье истории некоторых памятных отказов хранятся, пересказываются, есть ли у вас что-то подобное, если есть то расскажите эту историю отказа, может, судьбоносного, может, характеристику дающего

А. это скорее анекдотический случай, хотя есть и другой, драматичный.

анекдотический – дед восстанавливал после войны Петродворец и его вместе с семьей звали жить в Ленинград, а баба – отказалась: дом, хозяйство. а так жили бы мы в Ленинграде)))

С. тогда мы бы все не перезнакомились)

А. через Д. бы как-нибудь) уж если судьба, так и там нашла бы)

С. действительно, а драматичный?

А. драматичный – мама ушла и не простила своего любимого, который ей изменил, в ее студенческие годы дело было; примерно раз в год мне рассказывает эту историю, до сих пор она в ней болит

С. отказалась простить?

А. отказалась даже общаться, четыре года ходила мимо по коридорам и ни разу не сказала ему больше ни слова; он несколько раз в жизни к ней потом приезжал, спустя десять лет, двадцать и т. д.; пытался вспоминать хорошее – она не поддержала, так что **отказалась простить** – да (Архив автора. Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015))

Однако после разрыва, иногда сопровождающегося выяснением отношений, причины легко проговариваются, формулируются как мировоззренческие установки:

Все просил работы, жаловался, что деньги нужны, нахватал три ставки, а потом уволился и оказалось, в отчетах сплошное вранье. Еще и меня подставил. Вот и хватит. Подружили и будет (Архив автора).

Разрыв отношений необязательно связан межличностными отношениями. Осмысление своего или чужого принципиального отказа дает толчок к переосмыслению собственных действий, в следующем примере – уход кандидата наук, получавшего второе высшее, из вуза:

С. понятно, а бывает ли у вас ощущение, что вам отказали грубо, невежливо, может быть, припомните конкретный случай, когда отказ обидел

А. попытаюсь

вообще мне кажется, что мне нечасто отказывают, тем более грубо или невежливо, поэтому надо вспоминать

С. припомните, может быть, вопрос не в форме отказа, а в том, что вам было очень важно, чтобы согласились, а вам отказали

А. мне кроме моих личных бед, о которых я естественно не буду рассказывать, как-то не вспоминается, чтобы было прямо очень важно; наверное, мне не очень важно, поэтому я забываю

правда, сию вспоминаю и не вспоминается ничего.

ну вот в ЕГТИ два с половиной года назад – историк настоял на том, чтобы я посетила его лекции и пришла на зачет, а мне было нужно быть здесь, в Тагиле. В те дни Геры не стало – не знаю, как об этом сказать в интервью, ну не стало близкого человека, а этот товарищ требовал, чтобы я сидела и слушала, как он, извините, красуется. Мои чувства по отношению к этому дядьке вот сейчас – просто взрыв негодования и горечи. В ЕГТИ я училась на заочке на продюсера и потом ушла

С. да, это очень тяжелый случай, А. упоминал мне как-то о вашем уходе из ЕГТИ (Архив автора. Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015)).

В приведенном выше фрагменте хорошо видно, что один отказ вызывает другой. Преподаватель считает принципиальным посещение его занятий, использует принцип «невзирая на лица», опирается на представление о профессионализме и т. п. Студент, ранее прослушавший подобный курс, видит в этом бесчеловечность и причину отказа от общения, а также от продолжения обучения. Следовательно, принципиальность отказа более всего определяется личностью отказывающего, а также способностью индивида придерживаться собственных мировоззренческих установок:

Никто не заподозрит меня в любви к монахам и монашеству: но “свобода инока” в её поэтических оттенках, в её душевных оттенках, в её прелести и глубине, в её личности и человечности, для меня священнее свободы парижских бульваров и русских социал-демократических митингов. Согласятся ли со мною в этом вкусе наши рационалисты? Нет. А между тем я враг монашества: таким образом, и с ними я никогда не соглашусь в качественной оценке, в качественном определении требующейся свободы; и скажу просто, что ихняя “свобода” мне ни на что не нужна, что за неё я не заплачу двух копеек. (...) Суть не в том, чтобы “написать комедию”, т. е. вот столько-то действий и с такими-то смешными персонажами, а написать как Грибоедов, как Фонвизин, как Мольер или Шекспир (НКРЯ; В. В. Розанов. На лекции о Достоевском (1909)).

Принципиальный отказ порой становится публичным. Только на первый взгляд мы противоречим одному из определяющих параметров откровенного разговора. По сути же публичность в ситуации принципиального отказа специфична, она связана с привлечением третьих лиц (*Пойдем со мной, одного он меня заговорит; говорить я буду, ты просто рядом для авторитета постоишь; хоть ты ему скажи, меня он даже слушать не станет; мне не о чем с ним разговаривать, так ему и передайте; при свидетелях тебе говорю*), роль которых может уточняться. В Национальном корпусе русского языка на точный запрос «хоть ты ему» получили 11 документов, 11 вхождений. Из них 7 связаны с осмыслением отказа как проявления настойчивости и / или самодурства (*хоть кол на голове теши, хоть колокольным языком об лоб, хоть что ему*):

Не раз, ввиду подобных фактов, матушка заподозривала Конона в затаенной строптивости, но, по размышлении, оставила свои подозрения и убедилась, что он – «природный олух». Эта кличка была как раз ему впору; она вполне исчерпывала его внутреннее содержание и определяла все поступки. Конечно, постоянно иметь перед глазами «олуха» было своего рода божеским наказанием; но так как все кругом так жили, все такими же олухами были окружены, то приходилось мириться с этим фактом. Все одно: *хоть ты ему говори, хоть нет*, – ни слова, ни даже наказания, ничто не подействует, и олух, сам того не понимая, поставит-таки на своем. Хорошо, хоть вина не пьет – и за то спасибо (НКРЯ; М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)).

Еще 3 из 11 – призывают на помощь авторитетного в рассматриваемой ситуации собеседника. В приведенном примере подчеркивается личностная обоснованность отказа, которой не следует противопоставлять чужие авторитеты и / или условное «большинство», то есть принципиальность фиксируется не отказыва-

ющимся, а потенциальным уговаривающим, такой коммуникативный ход характерен для откровенного разговора, где позиции говорящих не должны быть заранее заданы:

- Нет уж, – он довольно резко отвел руку.
- Ну и напрасно. Сам рубишь сук. Джулия, **скажи хоть ты ему!**
- **Человек сам должен дойти**, – заступилась Джулия. – **Принять сердцем. А иначе не поможет** (Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002).

Ценностные основания принципиального отказа

Этические установки образуют фундамент для принципиальных отказов:
'не злословь'

А. сама отказывала так, да, но скорее дело было не в "принципах", почему-то мне это слово кажется упертым, а в том, что для меня что-то невозможно; если я на это соглашусь, то нарушу какую-то собственную целостность и жить так не смогу, это больше, чем принципы

С. знаю тех, кто отказывается ходить на кладбище, говорят – дело принципа, объясняют, что у них все близкие в душе. а вы на что не соглашаетесь?

А. пообсуждать / посплетничать близких и любимых, ухажу от разговора, если человек не хочет понять и настаивает – спрашивает или смакует в рассказе какие-то "подробности", то в дальнейшем с этим человеком стараюсь не общаться, он исключается из моих собеседников, не прощаю его

за то, что он плохо говорил о тех, кто мне дорог [Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015)];

'нельзя жить за чужой счет'

С. ну вот у меня с родными куча историй. холодильник я все не покупала, кровать там. папа ведь изводился. а я ничего не хочу. и ответ у меня один – не хочу, не надо. и без вариантов. **от денег их всегда отказываюсь сейчас всегда. это для меня очень важно. только если в долг с оговоренными сроками (...)**

Н. По поводу денег да
Это серьезно

Я отказываю жестко [Диалог подруг в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). 25–27 лет (2015)];

'неволя неприемлема'

А. Вообще ты часто отказываешь людям?

Б. Ммммм // Не часто / но уж если отказываю / то все //

А. Ну а когда есть же какие-то вещи, от которых ты всегда отказываешься / просто потому что не любишь и не делаешь еще че-то //

Б. Да //

А. Например что?

Б. Ну поход в цирк или в зоопарк //

А. Не ходишь никогда?

Б. Ну буду отказываться //

А. Вот но этот отказ

Б. Ну в цирк будет точно принципиальным //

А. Ты как-то сразу назвала такие вещи достаточно редкие / то есть вот что которые / ну то есть ты ненавидишь / а че почему //

Б. Не ненавижу а наоборот мне не по себе в цирке из-за животных / не по себе в нашем свердловском зоопарке //

А. А что значит из-за животных не по себе / То есть ты боишься?

Б. Нет //

А. Почему?

Б. Ну кажется что они работают там не по своей воле // (Архив автора. Речежанровое интервью. Разговор друзей об отказах (диктофон); А., мужск., 43, Б., женск., 25 (2015)).

Принципы, лежащие в основе отказа или безотказности, связаны с личным опытом, могут быть соотнесены с определенным временем и / или событием, которые инициируют жанр воспоминаний и даже переключают речь в иную тональность, становятся частью откровенной самопрезентации, в которой обычно не проговариваемое вербализуется:

В. Вот например / я еще тоже удивляюсь / что я никогда не отказывал отцу например // Отец если там что-то говорил / я / в отличие от брата / брат мог сказать / нет я не пойду например / копать картошку / окучивать ее // Я мог / ему приспичит вот / сегодня / пойдем значит вот то-то то-то делать // Я как человек совершенно свободный / как они все рассуждают / что если я музыкант / то давай / значит я там / ничем не занимаюсь / дурью маюсь // Я шел / мне страшно это не нравилось / но я делал // В армии / но там приказы / хочешь – не хочешь / но я там очень много имел неприятностей / в армии например / потому что я там был постарше // Когда я // меня привезли туда / в эту армию // Мне исполнилось двадцать лет / а всем только восемнадцать // И я естественно на два года мыслил быстрее / и умнее // Предполагал как это будет / но там совершенно было по-другому // Я чаще всего / вот если мне там сержант / малолетка вот этот вот давал какой-то приказ / я ему говорил / иди ты в жопу / ну не буду я это делать и все // Вот там я очень много отказывался / потому что ну / реально / натурально / глупые какие-нибудь приказы / которые совершенно / я даже не мог понять / как это у человека в голове / а у него власть // И он мне вот там приказ / я говорю / иди в жопу // Ну за это конечно следовало сразу наказание / какая-нибудь // что-нибудь там помыть / почистить / как правило // И это / там я за это очень сильно расплачивался / но отказывал, потому что это не мог терпеть // но куда денешься // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Вербализация ценностных установок

Принципы, которые лежат в основе отказа, могут не вербализовываться и с течением времени, ибо их строгая этическая формулировка не всегда соответствует тональности откровенного разговора (что-то остается само

собой разумеющимся, объединяющим коммуникантов):

С. Чем-то объясняешь / вот если там припомнить / когда отказываешь / ты проговариваешь какие-то объяснения // почему? Почему нет /

В. Если...

С. Ну вот человеку, той же женщине

В. Если... Да // если человеческие какие-то отношения / если в юности / допустим / я не знал / как это объяснить / например / ну просто говоришь нет // ну там как-то объяснить / что это / не люблю / или там / что вот это такое // <...> А если вообще нет / казалось бы нет никакой причины // Человек тебе говорит / ну что случилось? что? что? Я ж могу там // Нет / все / нет // Вот это да // А // С возрастом ты понимаешь / есть какое-то этому объяснение // Но это что касается отношений // Тут конечно посложнее // (Архив автора. Речежанровое интервью)

Принципиальным может быть и «трудный» отказ и «легкий». Труднее отказывать хорошо знакомым, близким людям. В авторефлексии заявленная позиция разворачивается, обрывает эмоциональным нарративом. Но принципы (иногда это просто привычки) отступают, когда речь идет о той группе людей, которым не отказываешь, что проявляется и в вербализации:

В. Я на машине всегда отказываю // Я не вожу никого //

С. Угу

В. Если когда я еду / мне не надо ничего говорить // Когда человек там машет / видя мою машину / они же знают / что в основном на таких [Старые «Жигули». – С. Д.] машинах занимаются извозом (смеется) //

С. Угу

В. И когда человек машет / я качаю головой / что нет / не вожу / и человек руку убирает // Мне это очень легко / и не надо ничего объяснять / и // другой разговор / когда мне кто-то говорит / что ты же поедешь в ту сторону [С. смеется] / я знаю / что в душе я не хочу чтоб кто-то со мной ехал // Наверное потому что я привык что я все время / я просто / я просто перемещаюсь в этой машине / я никого не перевожу // Я просто перемещаюсь и все / мне не надо ни за кого переживать / ничего // Я просто еду сам / не надо мне не с кем разговаривать / потому что моя голова заполнена какими-то мыслями там // А тут / вот это вот

С. Но ты же иногда сам предлагаешь / подвезти

В. Такое бывает // Но такое очень редко бывает // Это когда уже / знаешь // Это очень редко // Скорее все всего это / скорее всего это люди / с которыми мне всегда приятно / в любом случае // Я бы не отказал даже если бы они пришли ко мне ночью домой / я бы не отказал бы // нет // А это же совсем другое // (Архив автора. Речежанровое интервью)

Близкому человеку отказываешь иначе, избегая всякого притворства, не стараясь показаться лучше, чем есть:

В. Это что касается отказаться / отказаться // Вот если я / например / вот дочь мне звонит / а у меня планы / у меня / вот планы у меня сегодня на вечер план просто валяться на диване / даже допустим //

С. Угу

В. Ничего не делать / это план // Это у меня план [С. смеется] // Вот / и она мне звонит / пап / ты сегодня что делаешь? У меня сразу же так / угу / Мне бы вот / ты приезжай / мы это // У меня был план на диване поваляться [С. смеется] / вот был такой план // Она рушит мой план / весь // Вот рушит мой план // Я не могу ей сказать нет // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Непринципиальный отказ близкому может характеризоваться осознанным эгоцентризмом, отказ вербализуется, обосновывается, даже если он не имеет под собой принципиального основания:

С. про мяса поесть или суп с курицей вообще молчу)

мне кажется, я, наоборот. близким отказываю легче, чем почти чужим.

я могла не выпивать. например. с друзьями встречаться. и все давай выпьем, а че ты не пьешь. ну, не хочется иногда. и ты не пьешь, все пьют. и ты всем объясняешь, что нет, точно не будешь, не хочется, не вкусно. а через день оказываешь не среди близких друзей, а ползнакомцев, в тусовке. и пьешь себе и в ус не дуешь, не отказываешь) че как дурак-то) (Диалог подруг в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). 25–27 лет (2015)).

В ориентире на кооперативное общение, не отказываешь, а *просишь не просить*, опираясь на сложившиеся доверительные отношения:

В. Я всячески пытаюсь / все равно не говорю ему / что нет я не буду это делать // Я пытаюсь / вот как-то видимо / объяснить / ну не проси меня этого / не надо / не проси / но не говорю нет / ну не проси // и ты объясняешь это / тем или иным способом

С. Интересно

В. и результат получается очень ужасный // То есть результат получается / так не часто было / ну были такие случаи / это опять касается / тоже смешанные там какие-то отношения / и ты естественно / ты все время думаешь / ну почему у меня просит этот человек / ведь он должен знать / если он ко мне так относится / что меня не надо этого просить / нельзя этого просить / потому что это будет // И в результате ты получаешь естественно / ты так и не сказал / что / не отказался / я не буду это делать // Так и не сказал // Ты всяческими способами // И в результате ты получаешь результат / вдвойне для себя еще худший // Ты вроде как предал что ли / и там // Вот это вот беда // А то есть в определенном случае / в определенном смысле не мог сказать / там или там / нет / не буду делать это // Что было бы за этим? Человек все равно бы / может быть / отвернулся / ушел бы / сказал // Но я это действительно / меня лучше этого не просить / я этого делать не буду / никогда не буду / потому что это меня // В любом случае // Хотя для кого // но это может почувствовать только очень

близкий человек / действительно / этого не надо / потому что я к нему отношусь очень хорошо // Даже более / я никогда / ну может и мыслей таких никогда не возникает у этого человека / что там надо действительно // Вот если я например еще такой момент / я тоже для меня всегда была загадка / опять же это касается человеческих отношений // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Разговор о принципиальном отказе касается и закрытых тем, например сексуальности (в разговорах коммуникантов эта тема, как правило, не поднимается). Но в данном разговоре она развивается, подпитываясь противоречием между отсутствием отказа и осознаваемым принципом удовлетворения подлинных потребностей:

В. Вот / еще один такой момент / я / то мне / тоже загадка / тоже касается удивительного / то что касается секса // Мне всегда было зага... / так интересно / что девушка всегда может сказать / что я устала там // Но мне тоже не всегда хотелось заниматься сексом // Ну вот честно могу сказать / я встречался много / моя жизнь она вообще такая бурная была // Иногда мне просто хотелось вот / не знаю там / можно просто поговорить / вот как мы сейчас // Но надо было вот это делать / это надо было вот // Мне казалось / что я тоже не должен отказывать // И я это делал // [С. смеется] но в другом случае / если например с девушкой / она / когда даже допустим я этого хотел / я хотел / а она допустим или устала / или черти че там у нее может быть // «Я не хочу / я // Не то что не хочу / давай вот это просто там» // Я все время думал / почему я не могу так сказать // Если я так скажу / скорее всего это может быть боязнь что / обо мне будут говорить как-то плохо / или там / что ты вот

С. Ну да / мужчине предписано хотеть / мочь

В. Да! И вот этот вопрос меня / он очень / всегда / кажется до сих пор мучает // И потом значит / у меня был такой удивительный случай / в моей жизни // когда значит / вот / встречаюсь вот так вот с девушкой // В принципе я никогда не отказывал / что касается вот этих / постельных так скажем // А она там иногда тэ-тэ // Но потом / проходит время / мы расстаемся // И все что-то там такое // И вот она мне заявляет / «Тебе кроме секса / ничего не надо было» // Это для меня вообще было / просто вот // Я говорю / объясняю / да // И ты уже не можешь это объяснить никак //

С. Смеется

В. Никак ты этого объяснить не можешь

С. Это между прочим / по-моему / тоже форма отказа // То есть вот сказать / тебе кроме секса ничего не надо было / это такой традиционный способ разорвать отношения // Ну как бы объяснить самому себе [В. Да] эти отношения [В. Да] / и объяснить / почему теперь ничего не будет [В. Да (смеется)] // Ну это любопытно // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Вербализация принципиального отказа неразрывно связана с последующими действиями (как отмечалось выше, принцип должен воплощаться в действиях). Следующий

текстовый фрагмент – это разыгранный принципиальный отказ. Отповедь, которую получает нарушивший этические нормы проситель, пришедшей к «убогонькой» Аксиныюшке, проживающей у мещанки (Агния Афанасьевна), завершается корыстным требованием, превращающим отказ в манипуляцию.

Арбузкин. А нельзя ли, Аксиныюшка, по крайности, чувства ее на меня оборотить каким ни на есть манером? Что пушай, коли родители не выдают ее за меня, так хоша бы в любовь мне с ней сердечную войти. Помогите, Аксиныюшка, нет ли у вас какого против этого средства?..

Агния Афанасьевна. Что вы, почтеннейший, разве матушка такими делами заимствуется? Разве она колдунья, али ворожейка какая, что станет вам приворотного зелья давать? Да она про твои греховные богомерзкие дела и слушать-то не захочет. Нуте-ка привороту просить!..

Арбузкин. Да ведь, пожалуйста, позвольте-с: ведь я не к тому-с... я только совета прошу, что мои чувства самые мучительные, измучили меня совсем. Извините пожалуйста.

Агния Афанасьевна. Да ты, любезный человек, знал бы к кому с чем идти. Коли ты к блаженному человеку пришел, так ты не о том помышляй: мирские-то свои греховности оставь, а проси совета на дела добрые, да помышляй, как бы душу свою спасти...

Аксиныюшка. Парень девку полюбил, свою душу загубил, Богу не молится... Ха, ха, ха... (делая вдруг печальное лицо.) Простите, Христа ради... Не поминайте лихом.

Агния Афанасьевна. Слышишь ли, что матушка изволит говорить, внятно ли тебе это?.. То-то, любезенький мой! Вы ведь вот какой народ: придете вы беспокоить такого человека, говорите ему о всяких ваших мерзостях, а нет чтобы – на-ка, дескать, матушка, от моего усердия, раздайте на нищую братию, да помогите вы мне своим добрым советом, наставьте на путь. Тогда бы матушка тебе и сказала, как тебе, – к мирскому ли твоему удовольствию дела наследуют, али что к успокоению души твоей... (НКРЯ; А. А. Потехин. Новейший оракул (1860–1870)).

Адресат, получивший разъясненный принципиальный отказ, не может остаться равнодушным. Даже его предполагаемые спокойствие, невозмутимость или ирония суть отношение к заявленным мировоззренческим установкам.

Заключение

Ситуация принципиального отказа генетически связана с установкой на откровенность (и как честность, и как вскрытие сокровенного), так как отказавшему необходимо прояснить себе и окружающим некоторую мировоззренческую установку, не позволяющую смягчить отказ или снять напряжение каким-либо способом (поиском компромисса). В качестве показательного материала целесооб-

разно привлечь открытые письма, содержащие отказ от премий и наград.

Окончательная вербализация принципиального отказа может быть отсрочена.

Ситуация принципиального отказа входит в конфликт с установками на скромность, вежливость, тактичность, что может проявляться в публичных откровенных высказываниях.

Принципиальный отказ может быть «трудным» и «легким». Уровень напряженности в ситуации принципиального отказа зависит от настойчивости сторон и диктумного содержания. Высшая степень – разрыв отношений в связи с непростительностью какого-либо поступка адресата.

Принципиальный отказ воплощается в последовательных действиях, в определении речеповеденческой стратегии, которая возлагает на отказавшего ответственность за соблюдение выявленного принципа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

There ported study was funded by RFBR according to there search project №18-012-00382 A. "Everyday Speech within the Family: Axiological Reality and Research Methods (on the material of the Ural city' s colloquial speech)".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
2. Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 56. С. 296–299.
3. Убушаева И. В. Отрицательные высказывания в диалогическом единстве // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 116–119.
4. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивный аспект изучения способов смягчения речевого акта отказа // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 5. С. 128–138.
5. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2010. № 2 (219). С. 57–65.
7. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.
8. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

9. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

10. Наумова М. М. Коммуникативная ситуация «откровенный разговор» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. 2015. № 1, ч. 1. С. 127–129.

11. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 200 с.

12. Наумова М. М. Специфика реализации откровенности в масс-медийном дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 107–110.

REFERENCES

1. Glovinskaya M. Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech]. In : *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning. Communicatively-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218 (in Russian).
2. Yershova N. B. Osobennosti funktsionirovaniya rechevykh aktov negativnoy reaktsii [Features of the functioning of speech acts of negative reaction]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 56, pp. 296–299 (in Russian).
3. Ubushayeva I. V. Otritsatel'nyye vyskazyvaniya v dialogicheskom yedinstve [Negative statements in dialogical unity]. *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanities], 2011, no. 1 (37), pp. 116–119 (in Russian).
4. Simonova S. O. Kommunikativno-kognitivnyy aspekt izucheniya sposobov smygcheniya rechevogo akta otказа [Communicatively-cognitive aspect of studying ways of softening speech act of refusal]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University. A. S. Pushkin.], 2010, no. 5, pp. 128–138 (in Russian).
5. Simonova S. O. Kommunikativno-kognitivnyye osobennosti vyrazheniya kosvennykh i implitsitnykh rechevykh aktov otказа v dialogicheskom diskurse [Communicatively-cognitive features of the expression of indirect and implicit speech acts of refusal in dialogical discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).
6. Nesterova T. V. Manipulyativnyye realizatsii intentsii otказа v obikhodnom obshchenii russkikh [Manipulative realization of the intention of refusal in everyday communication of Russians]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2010, no. 2 (219), pp. 57–65 (in Russian).
7. Bychikhina O. V. Vyskazyvaniya so znacheniyem otказа: semantiko-pragmaticheskiy i kognitivnyy aspekty [Statements with the meaning of refusal: semantic-pragmatic and cognitive aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2004. 22 p. (in Russian).
8. Demytyev V. V. Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
9. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
10. Naumova M. M. Kommunikativnaya situatsiya "otkrovennyy razgovor" [Communicative situation "frank conversation"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i*

praktiki: nauchno-teoreticheskiy i prikladnoy zhurnal [Philological sciences. Questions of theory and practice: a scientific-theoretical and applied journal], 2015, no. 1, part 1, pp. 127–129 (in Russian).

11. Naumova M. M. *Otkrovennost' v mezhluchnostnoy kommunikatsii* [Frankness in interpersonal communication].

Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2015. 200 p. (in Russian).

12. Naumova M. M. Spetsifika realizatsii otkrovennosti v mass-mediynom diskurse [Specific Features of the Realization of Frankness in the Mass-media Discourse]. *Izv. Sarat. Univ. (N. S.) Ser. Philology. Journalism*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 107–110 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Данилов С. Ю. Принципиальный отказ в ключе откровенности // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 261–269. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>

For citation

Danilov S. Yu. Aspects of frankness of the refusal based on personal principles (categorical refusal). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 261–269 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>

ЖАНРЫ СМИ

УДК 81'38

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

Т. В. Шмелева
Великий Новгород, Россия

Tat'yana V. Shmeleva
Velikij Novgorod, Russia

«УПЛОТНЕНИЕ ЖАНРОВ»
КАК ТЕНДЕНЦИЯ МЕДИАСФЕРЫ¹

“CONDENSATION OF GENRES” AS A TREND
IN MEDIA SPHERE

В статье анализируется взаимодействие медиа-жанров на примере первичного жанра медиасферы – новости. Приводятся мнения исследователей о смешении жанров, перечисляются жанры, которые претерпели существенные изменения в современной медиасфере. Для конкретного анализа взяты новости регионального медиаполя – одного из новгородских интернет-ресурсов. Анализ четырех новостных текстов ноября 2017 г. показывает, что новость включает в себя отчет, репортаж, научную статью, анонс, биографическую справку. Рассуждения о причинах таких жанровых трансформаций приводят к выводу о полиинтенциональности современного медийного текста, усложнении его авторского начала, соединении разных жанровых качеств.

Ключевые слова: медиа, жанр, речевой жанр, новость, отчет, анонс, репортаж, научный дискурс.

The article analyzes media genres interaction through the primary media sphere genre – news. The author gives opinions of researchers on the mixing of genres, lists genres which have undergone significant changes in the modern media sphere. The analysis is based on the news from the regional media field – one of Novgorod's Internet resources.

Analysis of four news texts published in November 2017 shows that the news includes a report, a journalistic story, an academic article, an announcement, a biographical note. Reasoning about the causes of such genre transformations leads to the conclusion about the polyintentionality of the modern media text, the complicity of its author's nature, the combination of different genre qualities.

Key words: media, genre, speech genre, news, report, announcement, journalistic story, academic discourse.

Сведения об авторе: Шмелёва Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики.

Место работы: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

E-mail: szmiel@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

About the author: Tat'yana Viktorovna Shmeleva – Doctor in Philology, Professor of the Department of Journalism.

Place of employment: Novgorod State University, Velikij Novgorod.

E-mail: szmiel@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Ощущение, что с медийными жанрами что-то происходит, буквально висит в воздухе. Однако убедительного объяснения того, что это, каковы его причины и последствия, как к нему относиться, – пока не сформулировано. Еще одна попытка такого рода представлена в этой работе.

Начать можно с выразительного высказывания о жанровых изменениях Л. Г. Кайда: «Ветер перемен, налетевший на современную газетную публицистику, перемешал всю тщательно уложенную колоду жанров. И в этом переполохе еще не устоялись понятия «разрушенных», «обновленных», или

«новых», жанровых образований. Всё чаще звучит оправдание “жанровых гибридов”, вообще никого ни к чему не обязывающих» [1: 98]. Рассматривая газетную публицистику, она видит в ней прежде всего «экспансию эссе» [1: 91], но, расширяя угол зрения, отмечает и более серьезные изменения, которые метафорически обозначает как «жанровый торнадо»: «Исчез памфлет – один из жанров “тяжелой артиллерии” публицистики. До неузнаваемости изменился фельетон. Посерьезнел, поскуцнел, посерел и перестал быть похожим на самого себя очерк. По вполне понятным причинам исчезла пере-

¹Основу статьи составил доклад, прочитанный автором 27 ноября 2017 г. на конференции «Жанры речи и “Жанры речи”», организованной Саратовским национальным исследовательским университетом имени Н.Г. Чернышевского.

довая статья, символ и оплот директивного стиля. Утвердилась статья-исследование, рассыпались по газетной полосе разнообразные «колонки», «мнения», «заметки по поводу», «интервью с ведущим» рубрику известным журналистом. Комментарий ворвался в строгую нейтральную корреспонденцию, оживляя ее авторской нотой. Читателя интервью теперь отвлекают элементы портретного очерка. Заметка все смелее вступает в союз с рекламным анонсом. Рецензия устремляется в другие жанры, окончательно переплывая все карты» [1: 98].

Другие авторы для описания упомянутых изменений используют термины *смещение, трансформация, расслоение, гибридизация жанров* [2]. С опорой на последний термин на кафедре журналистики Новгородского государственного университета проведено исследование репортажа; при этом автор рассмотрел собственные тексты, опубликованные в «Новой новгородской газете». Он сумел увидеть в своих текстах «интервьюизацию», «анализацию» и «очеркизацию», отметив, что современный репортаж не чужд и «новостизации», но его этот вектор изменений не привлекает [3]. Полученные результаты коррелируют с выводами исследователей этого жанра в других регионах [4].

Новые возможности рассмотрения медиажанров открываются при подходе к ним с позиций теории речевых жанров, в чем убеждает конференция «Речевые жанры в массмедиа», материалы которой составили отдельный выпуск сборника «Медиалингвистика» [5]. В ее материалах [6] подчеркнуто, что в изменения жанров вносят свой вклад такие их параметры, как образ автора и адресата, языковое воплощение.

Разнообразные и разнонаправленные изменения медийных жанров можно обозначить словом «уплотнение», которое использовал в одном из интервью Андрей Битов, рассуждая о «Золотом петушке» Пушкин: «Он создает действительно вещь достаточно безумную, уплотнив все жанры, какие у него были недописанными. В одной сказке есть и маленькая трагедия, и повесть, и перевод с иностранного, и всё, что угодно – в общем, это довольно странное уплотнение жанров» [7]. Кажется, так можно обозначить и одну из тенденций современной медиасферы, обратившись к самому, казалось бы, простому медиажанру – новости интернет-изданий в рамках регионального медиаполя, лингвистическим изучением которого занимается наша кафедра [8].

Новость, как хорошо известно, отсутствует в традиционных классификациях журналистских жанров, но современная медийная

практика, в которой большое место занимают интернет-издания, построена таким образом, что именно новость оказывается центральным жанром, что отражает термин «новостная журналистика» [9]. Распространен сегодня взгляд на новость как на «первичный медийный жанр» [10]. Несмотря на это, широко известно, что ей присуща сложность, так, доказано, что наряду с информированием, она выполняет функцию воздействия [11], что, однако, не объясняет того, с какими жанрами она взаимодействует и какие жанры она «впускает в себя». Это предполагается показать в настоящей работе.

Для выявления этого решено взять несколько «рядовых» новостных текстов новгородского медиаполя, точнее интернет-издания «Пароход.онлайн» (<http://parohod.online/>), из новостного потока которого подобраны четыре новостных текста, опубликованных 19–21 ноября 2017. Вот что позволяет увидеть эта коллекция, если воспринять ее как материал для попытки типологии новостных текстов (порядок их приведения не значим).

1. Новость-отчет

Новгородцы завоевали восемь золотых наград на турнире памяти Игоря Каберова

Накануне в Великом Новгороде завершился традиционный турнир по вольной борьбе памяти Игоря Каберова. Нашим спортсменам соревнования принесли 25 медалей. В девяти весовых категориях новгородцам не было равных. Антон Гамбург завоевал золото в весе до 45 килограммов, а Роман Носов в категории 50 килограммов среди спортсменов старшей возрастной группы. В возрасте до 15 лет Георгий Цхведиашвили победил в категории до 69 килограммов, а Даниил Макаров – в весе 76 килограммов. Три первых места достались новгородцам в турнире возрастной группы 2004–2005 годов рождения. Юрий Михайлов оказался сильнейшим в весе 46 килограммов, в категории до 50 килограммов первенствовал Максим Артюшевский, а Денис Поваров одержал победу в весе 54 килограмма. В младшем возрасте лучшими достижениями новгородцев стали первые места Ивана Сеина в категории до 32 килограммов и Георгия Щёголева в весе 46 килограммов.

Больше кадров с турнира – в нашем фоторепортаже (46 снимков) (Пароход Онлайн 20.11.2017; <http://parohod.online/news/8008-novgorodtsy-zavoevali-vosem-zolotykh-nagrad-na-turnire-pamyati-igorya-kaberoval>)

Отчетом новость позволяет считать обьективированное изложение итогов события – число медалей и фамилии победителей. Соответствует этому жанру и композиция текста: сначала сообщается о событии, а затем информация детализируется за счет сведений об участниках и их спортивных трофеях. Авторское начало текста представлено минимально, полифония отсутствует [12]; источники

полученной информации не указываются, заданный хронотоп текста (здесь, вчера) не меняется, ему соответствует прошедшее время всех глагольных форм.

Этот тип новости можно считать самым распространенным, он, как и отчет, близок к текстам официально-делового стиля, в современной медиасфере коррелирует с пресс-релизом. Часто оказывается, что это не журналистский текст, а именно пресс-релиз, подготовленный пресс-службой заинтересованного ведомства. Но и сами журналисты, получив официальную информацию о событии, легко создают новости-отчеты.

Интересно, что в рассматриваемом случае новость выходит в паре с фоторепортажем, и «сухая» информация дополняется эмоциональными фотографиями, передающими накал страстей на соревнованиях (о чем в самой новости ни слова). Таким образом жанр новости «уплотняется» и за счет визуализации.

2. Новость-репортаж

Новгородцы почтили память жертв ДТП

Сегодня в Великом Новгороде прошло шествие, приуроченное к «Дню памяти жертв ДТП». Участники проследовали от пересечения Большой Санкт-Петербургской улицы с улицей Германа к площади Победы-Софийской. Возглавили движение патрульные автомобили Госавтоинспекции с включенными проблесковыми маячками, сотрудники МВД и ГИБДД. Вслед за ними шли старшеклассники, составляющие большую часть шествующих. Замыкали колонну эвакуаторы. На них установили машины людей, попавших в ДТП. Они уже не напоминали транспорт, скорее, – это были металлические искореженные комья.

На площади выступили официальные лица города и области. Протоиерей Игорь Белавенцев отметил: – «Когда видишь количество людей, собравшихся здесь, понимаешь, что новгородцам очень важна тема ДТП, что они небезразличны к этой проблеме».

Однако, школьники на мероприятии то и дело выкрикивали: «Когда это все закончится?!», «Жалко время тратить!». Сопровождавшие подростков взрослые объясняли: «Нас вынудили прийти от школы. Мы здесь не по своей воле».

После приветственной речи в небо выпустили четыреста сорок три белых шара в память погибших. Участники в рамках флешмоба выстроились в живую рамку вокруг символической надписи из машин ДПС «Нет ДТП».

«День памяти жертв ДТП» отмечается по предложению Генеральной Ассамблеи ООН начиная с 2005-го года, каждое третье воскресенье ноября. По данным ВОЗ, Россия занимает первое место среди стран Европы и Северной Америки по дорожно-транспортным происшествиям со смертельным исходом на 100 000 жителей и 6-е место при пересчете на 100 000 автомобилей, уступая лишь Украине, Албании, Молдавии, Румынии и Белоруссии.

За 10 месяцев в Новгородской области произошло 132 ДТП с участием несовершеннолетних – 1 человек погиб и 145 ранены (Пароход.онлайн.19.11.2017; <http://parohod.online/news/7976-novgorodtsy-pochtili-pamyat-zhertv-dtp/>).

Вторая новость поначалу производит впечатление такое же, как предыдущая, то есть воспринимается как отчет. Но в середине текста становится ясно, что автор новости (тексты в этом издании не подписываются, автор остается неизвестным) присутствовал на событии, слышал реплики разных участников. Таким образом, эта новость «уплотняется» за счет репортажности (эффект присутствия). Отсюда увеличивается удельный вес авторского начала [13], что делает текст полифоничным. Хронотоп текста расширяется в прошлое за счет бэкграунда, вводящего информацию об истории описанной акции.

Такие новости появляются в тех случаях, когда автор оказывается «на месте происшествия» и может наблюдать происходящее. В них можно видеть первичные новости, тогда как новость-отчет обычно создается как вторичный текст на основе нежурналистского.

3. Новость-научная статья

В Новгородской области деревья заболели раком

В Новгородской области выявлены деревья, заболевшие смоляным раком. Общая площадь поврежденных лесов составила более 130 га. Доля поврежденных деревьев в насаждениях находится в пределах 5–20%.

Как сообщили в Центре защиты лесов Новгородской области, заражению подвергаются деревья всех возрастов, но наиболее восприимчивы к смоляному раку древостои в возрасте 30–60 лет, особенно в разреженных насаждениях, на опушках леса, в парках. Заражение происходит от соседних, уже больных деревьев через трещины в коре: заболевшие деревья являются рассадником спор грибов. Способствует заболеванию влажный климат. «В местах поражения смоляным раком (рак-серянка) кора усыхает, шелушится и опадает, образуя раковые раны. Затем происходит отмирание пораженных тканей и разрушение смоляных каналов, сопровождаемое обильным смолотечением. Кора растрескивается, шелушится и чернеет. Рана со временем разрастается, становится вдавленной, пораженный участок ствола деформируется», – пояснил директор Центра защиты леса Новгородской области Роман Глебов.

Продолжительность жизни зараженного дерева от нескольких лет до десятков лет. Болезнь ослабляет зараженное дерево, способствует его заселению вредителями, которые могут ускорить его гибель. Смоляной рак вызывает нарушение фотосинтеза. Раковые раны, охватывающие ствол более чем 2/3 его окружности, препятствуют поступлению воды и питательных веществ, что приводит к резкому снижению текущего прироста у больных деревьев и возникновению суховершинности. Основная мера борьбы

со смоляным раком – своевременное проведение лесопатологических обследований и оперативные санитарные мероприятия. При своевременном проведении необходимых санитарно-оздоровительных мероприятий леса сохраняют свои функции (Пароход. Онлайн 20.11.2017; <http://parohod.online/news/8010-v-novgorodskoy-oblasti-derevyia-zaboleli-rakom/>).

Третья новость «уплотняется» научным текстом: она включает научную информацию о болезни деревьев с биологическими терминами. Кроме того, в ней просматривается интервью, в ходе которого получена эта научная информация: сведения излагаются от имени специалиста. Включение в новость научного текста объясняет настоящее время глаголов: наука имеет дела с ситуациями вневременными. Хотя указывается лицо, от которого получена информация (директор Центра защиты леса), она излагается объективированно, что тоже характерно для научного дискурса. Симптоматично, что эта новость показывает результаты взаимодействия как с жанрами своего, медийного дискурса, так и научного, то есть уплотнение происходит в междискурсивном пространстве.

4. Новость-анонс

Новгородцев приглашают познакомиться с творчеством художников-земляков

Государственный музей художественной культуры Новгородской земли продолжает знакомить новгородцев с работами ведущих художников нашей области. Сегодня, 21 ноября, возобновил свою работу выставочный проект «Дыхание времени».

– Проект «Дыхание времени», стартовал в нашем музее еще в прошлом году. Это своеобразный календарь памятных дат, связанных с художниками-новгородцами. Осенью свой юбилей отмечает Галина Филиппова, поэтому сейчас в рамках проекта мы представляем именно ее работу, – рассказывает сотрудник музея Ольга Гусева.

Галина Филиппова родилась в Иркутской области, но с шести лет живет в Новгороде. Работала реставратором в Новгородском музее-заповеднике, принимала участие в реставрации настенной живописи Знаменского собора, Георгиевского собора Юрьевского монастыря и других. В творческом багаже Галины Филипповой – пейзажи, портреты, натюрморты. – Галина Георгиевна соединяет в своем творчестве традицию, понимаемую широко и свободно, с глубоко индивидуальным чувством формы. Она прекрасно владеет всевозможными графическими материалами – акварель, гуашь, карандаш, цветные мелки, пастель. Практически в каждой работе мы видим непринужденные фигурки людей с метко охарактеризованными человеческими индивидуальностями, – отмечают в Государственном музее художественной культуры Новгородской земли.

Выставка одной картины будет работать до 17 декабря.

Добавим, что в музее сейчас также работает и персональная выставка Галины Филипповой «Как

не любить мне эту землю!..» (18+). На ней представлено уже более ста работ автора (Пароход. Онлайн 21.11.2017; <http://parohod.online/news/8041-novgorodtsy-ev-priglasayut-poznakomitsya-s-tvorchestvom-khudozhnikov-zemlyakov-/>).

Четвертая новость – новость-анонс – имеет футуральную перспективу, это отличает ее от предыдущих, где речь шла об уже случившихся событиях. При этом большую часть текста занимает интервью. Роль автора текста минимальна: он лишь получает информацию от ее носителя – сотрудника музея. Новость узнается по глагольной форме прошедшего времени (*возобновил свою работу*), а введение глагольных форм будущего времени (*будет работать*) делает ее анонсом. Хотя информация о художнице подается как речь сотрудников музея, по стилю она напоминает биографическую справку (*Галина Филиппова родилась...*), что наводит на мысль о том, что за интервью выдается письменная информация из музея.

Итак, приведены четыре новостных текста, вышедших в течение трех дней ноября 2017 года. Каждый из них, будучи новостью хотя бы потому, что опубликован в новостном издании, соответствует новостным стандартам по объему и отражает актуальное событие, и при этом оказывается «уплотненным» каким-то другим жанром, что проявляется в ее языковом воплощении, полифоничности, специфике хронотопа и авторского начала. При этом следует подчеркнуть, что новость «уплотняют» как медийными жанрами, так и инодискурсивными (научного дискурса, например). Есть случайные «уплотнения», а есть уже поставленные на поток. Так, интервьюизация новости – это уже современный канон новости. Связь с визуальными материалами – тоже практически обязательное условие для современной новости, отсюда требование к универсальности журналиста: он должен не только написать о событии, но и сделать фотографии, а часто и провести видеосъемку. Так, каждое из соединений жанров можно объяснить условиями функционирования современной медиасферы, новыми информационными стандартами, поддержанными современными технологиями. Но важнее, как представляется, попытаться увидеть причины таких изменений.

Первую их них можно найти, обратившись к понятию жанрового качества, предложенному В. И. Коньковым [14]. Анализируя очерк, он приходит к мысли, что следует говорить не об очерке как тексте, а об очерковости как стилистической характеристике текста, которая заключается в образном компоненте. Это качество может быть придано репортажу или другому жанру, что и объяснит трансформации жанров. Развивая эту интересную мысль, мож-

но сказать, что в рамках медиасферы тексты могут обнаруживать такие качества, как новостийность, репортажность, аналитичность. И конкретный текст может обладать рядом таких качеств, что позволяет узнавать в нем несколько жанров. Расширяя пространство такого «узнавания», необходимо будет говорить о таких немедийных жанровых качествах, как научность, отчетность, что мы и обнаружили в анализируемых выше новостных текстах.

Таким образом, приведенное объяснение состоит в том, чтобы в понятие «жанр» ввести новый аспект – жанровое качество, и тогда в изменениях медиажанров придется видеть не взаимодействие жанров, а обогащение (умножение?) жанровых качеств. И «уплотнение» жанров, по А. Битову, – это усложнение жанровых качеств текста, а не наложение жанров друг на друга. Представляется, что это перспективный вектор развития идей жанровой теории применительно к медиасфере (а может быть, и в более широких масштабах).

Вторую причину можно искать в рамках интент-анализа. В общем виде мысль о причинах смещения жанров в медиасфере уже была высказана: медийная деятельность, в результате которой рождаются медиатексты, полиинтенциональна, отсюда поинтенциональность медийных текстов. Так или иначе она звучала на особой конференции, посвященной полиинтенциональности медиатекста [15]. Однако кажется, что это нуждается в более детальном и рассмотрении.

Важнейшим жанрообразующим признаком давно было определено коммуникативное намерение, что и есть интенция [16]. Нетрудно заметить, что повседневная речь полиинтенциональна, то есть в одном речевом жанре может быть реализовано одновременно несколько коммуникативных намерений. Мы приветствуем друг друга, исполняя требования этикета, и одновременно решаем фатическую задачу – подаем сигнал о своем хорошем отношении и готовности поддержать общение (пусть и не в эту секунду). Мы рассказываем о чем-то, чтобы удивить, вызвать сожаление, рассмешить. Анализируя речевые жанры повседневной речи, следует, видимо, говорить не о единственной интенции, а о доминирующей, которая и определяет языковое воплощение жанра, но практически всегда адресату ясны и другие коммуникативные цели автора, в другом случае возникают вопросы типа «При чём тут это?», «Зачем ты это всё рассказал?».

Жанровые системы других сфер – научной, официальной, политической – отличаются строгостью, по существу, эта строгость связана с моноинтенциональностью их жанров: каждый текст должен иметь одну цель и при

этом задано его соответствующее языковое воплощение. Такой же строгостью отличались и жанры русской литературы. Это не значит, что жанровые рамки не нарушались (вспомним роман в стихах Пушкина или поэму в прозе Гоголя: о других таких авторских определениях жанра прозы см. [17]), но это были не массовые явления.

В современной медиасфере жанровая «плотность» медийных текстов ближе к повседневному общению, когда автор текста решает одновременно несколько коммуникативных задач, давая понять при этом, какова его основная интенция. Небольшой объем продемонстрированных новостных текстов, разумеется, не исчерпывает этого явления, но показывает, что довольно часто в новости присутствуют интенции интервью, это становится стандартом современного новостного жанра, элементом его достоверности и одновременно полифоничности, усложнением задач, стоящих перед автором новости, а значит, культивированием полиинтенциональности жанра. Интенция отчитаться о проведенном мероприятии, будь оно политическим или спортивным, сопровождает основную массу новостей, которые, как уже было отмечено, обычно имеют прототип в виде пресс-релиза или жанрово на него сориентированы. Интенция репортажности, то есть желание донести до читателя непосредственные впечатления автора, присутствующего там и тогда, усложняет новость сообщением примет происходящего. Наконец, интенция сообщить объективную научную информацию приближает новость к научной статье, что обычно возлагается не на журналиста, а на эксперта, обладающего такими знаниями.

Природа жанровых взаимодействий в медиасфере сложна, и предложенная здесь информация, можно надеяться, станет небольшим вкладом в копилку размышлений о них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кайда Л. Г. Эссе. Стилистический портрет. М.: Флинта; Наука, 2008. 184 с.
2. Колосова А. В. О трудностях жанрового анализа новостных медиатекстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3(45): в 3 ч. Ч. II. С. 112–114.
3. Николаев М. О. Репортаж на фоне гибридизации жанров: выпускная квалификационная работа (бакалавриат) / науч. рук. проф. Т. В. Шмелева. Великий Новгород, 2017 (архив кафедры журналистики НовГУ).
4. Захарченко Н. А. Трансформация репортажа в региональной прессе // Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика 2015». М.: Медиамир, Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 70–71.

5. Медиалингвистика: сб. ст. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2014. 228 с.

6. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти Седова Константина Федоровича. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26–37.

7. Смирнова М. Для чего время? Чтоб его тратить. Рецепты жизни от писателя Андрея Битова // Российская газета. 2017. 25 мая.

8. Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: кол. моногр. / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород: Изд-во Новгород. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2015. 223 с.

9. Ким М. Н. Новостная журналистика. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. 352 с.

10. Тортунова И. А. Новость как первичный жанр журналистского текста // Медиалингвистика: сб. ст. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2014. С. 113–116.

11. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: учеб. пособие. Владимир: Изд-во Владимир. ун-та, 2009. 186 с.

12. Шмелева Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: тр. и материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. (30 сент. – 2 окт. 2010, Тюмень): в 2 ч. Ч. 2 / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и К°, 2010. С. 207–215.

13. Шмелева Т. В. Авторское начало медийного текста: удельный вес // Язык. Дискурс. Текст: V Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею проф. Г. Ф. Гавриловой: тр. и материалы. Ч. I. Ростов н/Д: АкадемЛит, 2010. С. 325–327.

14. Коньков В. И. Очерк в системе газетных жанров // Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 3. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 51–59.

15. Медiateкст как полиинтенциональная система: сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2012. 250 с.

16. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.

17. Маркова Т. Н. Жанровые трансформации в современной прозе (Поиск контекста для описания эволюции медиажанров) // Медиалингвистика: сб. статей. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2014. С. 36–40.

REFERENCES

1. Kajda L. G. *Ehsse. Stilisticheskij portret* [Essay. Stylistic portrait]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 184 p. (in Russian).

2. Kolosova A. V. O trudnostyah zhanrovogo analiza novostnyh mediatekstov [On the difficulties of genre analysis of news media texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 3(45): v 3 ch. Ch. II, pp. 112–114 (in Russian).

3. Nikolaev M. O. *Reportazh na fone gibrizizacii zhanrov : vypusknaya kvalifikacionnaya rabota* (bakalavriat) [Reportage on the background of hybridization of genres : final qualifying work]. Nauch. ruk. prof. T. V. Shmелеva. Velikij Novgorod, 2017 (arhiv kafedry zhurnalistiki NovGU) (in Russian).

4. Zaharchenko N. A. Transformaciya reportazha v regional'noj presse [Transformation of the reportage in the regional press]. In: *Informacionnyj potencial obshchestva i resursy mediasistemy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Zhurnalistika 2015"* [Information potential of the society and media : proc. of intern. sci.-proc. conf.]. Moscow, Mediamir Publ., Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2016, pp. 70–71 (in Russian).

5. *Medialingvistika : sb. statej. Vyp. 3. Rechevye zhanry v massmedia : sb. statej.* [Medialinguistics. Iss. 3. Speech genres in the media : coll. of art.]. Saint Petersburg, SPbGY, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij", 2014. 228 p. (in Russian).

6. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoj mediasfere [Genre in the modern media sphere]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 8. Pamyati Sedova Konstantina Fedorovicha* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 8. Memory of Sedov Constantine Fedorovich]. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–37 (in Russian).

7. Smirnova M. Dlya chego vremya? Chtob ego tratit'. Recepty zhizni ot pisatelya Andrey Bitov [For what time? To spend it. Recipes of life from the writer Andrei Bitov]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2017, 25 May (in Russian).

8. *Novgorodskoe mediapole : opyty lingvisticheskikh issledovanij* [Novgorod media field: the essay of linguistic research]. Velikij Novgorod, Izd-vo Novgorod. un-ta im. Yaroslava Mudrogo, 2015. 223 p. (in Russian).

9. Kim M. N. *Novostnaya zhurnalistika*. [News journalism]. Saint Petersburg, Izd-vo Mihajlova V. A., 2005. 352 p. (in Russian).

10. Tortunova I. A. Novost' kak pervichnyj zhanr zhurnalistskogo teksta [News as the primary genre of journalistic text]. *Medialingvistika : sb. statej. Vyp. 3. Rechevye zhanry v massmedia : sb. statej* [Medialinguistics. Iss. 3. Speech genres in the media : coll. of art.]. Saint Petersburg, SPbGY, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij", 2014, pp. 113–116. (in Russian).

11. Negryshev A. A. *Aspekty rechevogo vozdejstviya v novostyah SMI* [Aspects of speech impact in the news media]. Vladimir, Idz-vo Vladimir. un-ta, 2009. 186 p. (in Russian).

12. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo v stilistike medijnogo teksta [Author's component in the style of the media text]. *Russkij yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i nravstvennogo zdorov'ya nacii : tr. i materialy Vtoroj Vseros. nauch.-prakt. konf., 30 sent. – 2 okt. 2010 g. : v 2 ch. Ch. 2* [Russian as a factor of state stability and moral health of the nation : proc. of the 2nd all-Russian sci.-pract. conf. (Sept. 30 – Oct. 2, 2010, Tyumen') : in 2 parts. Part 2]. Tyumen', Mandr i K°, 2010, pp. 207–215 (in Russian).

13. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo medijnogo teksta : udel'nyj ves [Author's component of the media text : specific gravity]. *Yazyk. Diskurs. Tekst : V Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. yubileyu prof. G. F. Gavrilovoj : tr. i materialy. Ch. I* [Language. Discourse. Text : V Intern. sci. conf. dedicated to the jubilee prof. G. F. Gavrilovoj]. Rostov-on-Don, AkademLit Publ., 2010, pp. 325–327 (in Russian).

14. Kon'kov V. I. Ocherk v sisteme gazetnykh zhanrov [Essay in the system of newspaper genres]. *Trudy kafedry stilistiki russkogo yazyka. Vyp. 3* [Russian Language Stylistic, iss. 3]. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2010, pp. 51–59 (in Russian).

15. *Mediatekst kak poliintencional'naya sistema: sb. st.* [Mediatext as a polyintense system : call of art.]. Saint Petersburg, SPbGU, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij", 2012. 250 p. (in Russian).

16. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 1.*

[Speech Genres : coll. sb. sci art. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 88–99 (in Russian).

17. Markova T. N. Zhanrovyye transformacii v sovremennoj proze (Poisk konteksta dlya opisaniya ehvolucii mediazhanrov) [Genre transformations in modern prose (Finding the context for describing the evolution of media genres)]. *Medialingvistika: sb. statej. Vyp. 3. Rechevyye zhanry v massmedia* [Medialinguistics. Iss. 3. Speech genres in the media : coll. of art.]. Saint Petersburg, SPbGU, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij", 2014, pp. 36–40 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 20.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шмелева Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

For citation

Shmeleva T. V. "Condensation of genres" as a Trend in Media Sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

УДК 811.161.1'38'373.612.2

ББК 81.2 Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-277-285>

Л. В. Балашова
Саратов, Россия

Lubov' V. Balashova
Saratov, Russia

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЖАНРЕ
АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА
«ИТОГИ 2016 ГОДА» В РОССИЙСКОЙ
ПРЕССЕ

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR
IN THE GENRE OF THE ANALYTICAL
REVIEW "RESULTS OF 2016"
IN THE RUSSIAN PRESS

Автор статьи исследует концептуальное представление о развитии России в 2016 году, отраженное в жанре аналитического обзора в интернет-изданиях различной (провластной и оппозиционной) общественно-политической, идеологической ориентации, и репрезентируемое с помощью метафор, формируемых в рамках антропоморфной концептуальной макромодел. В работе выявляются наиболее востребованные в исследуемых СМИ конкретные модели и их варианты антропоморфных переносов. Анализируется роль различных концептуальных метафор в репрезентации политических и идеологических позиций авторов аналитических обзоров. В частности, отмечается, что наиболее востребованными оказываются основные языковые варианты биоморфной модели (жизнедеятельность человека). Но, используя одни и те же концептуальные принципы метафоризации, лояльные к власти и оппозиционные СМИ наполняют их разным содержанием. Это приводит к формированию практически диаметрально противоположных представлений об итогах развития России в 2016 году. Лояльные к власти СМИ отличает ориентация на создание позитивной, динамической и относительно бесконфликтной картины развития российского общества. Публикации оппозиции, напротив, отмечены восприятием социально-экономической, политической ситуации в России как катастрофической и в большинстве случаев бесперспективной.

Ключевые слова: Россия, метафора, политический дискурс, жанр, антропоморфная модель метафоризации, языковая картина мира.

The author examines the conceptual idea of the development of Russia in 2016, reflected in the genre of analytical review in online publications of various (pro-government and opposition) socio-political, ideological orientation, and represented through metaphors formed within the framework of the anthropomorphic conceptual macromodel. The paper identifies the most actual models and their variants of anthropomorphic transfers in the media under investigation. The author analyzes various conceptual metaphors in the representation of the political and ideological positions of the authors of analytical reviews. In particular, it is noted that the main language variants of the biomorphic model (the vital activity of a person) are in great demand. But, using the same conceptual principles of metaphorization, the loyal to the authorities and the opposition media fill them with different content. This leads to the formation of almost diametrically opposite ideas about the results of Russia's development in 2016. The pro-government media is distinguished by the orientation toward creating a positive, dynamic and relatively conflict-free picture of the development of the Russian society. The publications of the opposition, on the contrary, are marked by the perception of the socioeconomic, political situation in Russia as catastrophic and in most cases unpromising.

Key words: Russia, metaphor, political discourse, genre, anthropomorphic model of metaphorization, language picture of the world.

Сведения об авторе: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: balashova53@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

About the author: Balashova Lubov' Victorovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics. Place of employment: Saratov State University.

E-mail: balashova53@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Антропоцентризм, по мнению большинства современных исследователей, – одно из основополагающих свойств любого естественного

языка [1–9]. В отношении метафоры это свойство проявляется двояко. С одной стороны, «соизмеримость сопоставляемых в метафори-

зации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей» – универсальная черта метафоризации [10: 4]. С другой стороны, антропоморфная макромодел, наряду с пространственной, составляют ядро метафорической системы языка, в том числе и современного русского [11–15]. Однако в разных типах дискурса и жанрах реализация универсальной макромодел может иметь определенную специфику [16–22].

Объектом нашего исследования стали антропоморфные переносы в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года». Проанализировано 36 публикаций интернет-изданий российских общественно-политических СМИ с различной политической, идеологической ориентацией:

- центристские (проправительственные, «лоялистские») издания: Российская газета (далее – РГ); Известия (далее – Изв.); Аргументы и факты (далее – АиФ); Комсомольская правда (далее – КП); RT на русском (далее – RT);
- издания системной оппозиции: Правда (далее – Пр.); ЛДПР. Ленинградская область (далее – ЛДПР);
- издания несистемной оппозиции либеральной («демократической», «прозападной») ориентации: Независимая газета (далее – НГ); Газета.RU (Г.РУ); Московский комсомолец (далее – МК); RBK.RU; liveinternet.ru (далее – l.ru); n1.by.Новости (далее – n1); Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) (далее – ЦС); Демократическое сетевое сообщество (далее – ДСС); 7 days.us (далее – 7 days);
- издания несистемной оппозиции национально-патриотической ориентации: Свободная пресса (далее – СП); Завтра; Кирилл и Мефодий.ru (далее – КМ)).

В целом, как показал анализ статей данного жанра, семантическая макросфера «Человек» чрезвычайно разнообразна и регулярно становится источником метафоризации. Однако лишь небольшую долю таких переносов составляют социоморфные метафоры, формируемые на базе субсферы «Человек как часть социума; государство; идеология; культура». Это особенно показательно, поскольку в аналогичных жанрах 2012 г. и в СМИ 2013–2015 гг. в целом данная лексика, особенно родственная, социально-иерархическая и военная, была одной из самых востребованных при оценочной характеристике внешнеполитических и внутриполитических отношений (см.: [23]). Например: *Если победит ... русский мир, в 'ипсеме' европейских народов найдется место – и возможно, самое приоритетное –*

новой ЕвроРоссии со всем ее многочисленными разнородным населением. [Б. Межуев. Русский мир приходит в Европу // Изв., 2014.04.17]; *На протяжении 2012 года власть последовательно и, надо сказать, довольно успешно развивала наступление на гражданское общество.* Н. Сванидзе. Итоги года. Внутренняя угроза // New.vtomske, 2013.09.01. URL: <https://news.vtomske.ru/news/59487-itogigoda-vnutrennyaya-ugroza> (дата обращения: 1.04.2018); *Мы четко понимаем, что это сатрапство [власти] ненадолго.* Н. Болтынская. Итоги года. Как я провел прошлым годом // Ежедневный журнал. 2013.04. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=12536> (дата обращения: 30.01.2013).

В жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года», безусловно, функционируют аналогичные переносы; с их помощью обычно негативно характеризуются действия властей и провластных структур, социально-политических, идеологических сил. Более или менее регулярно фиксируются метафоры на базе нескольких СП: **«Имущественное положение и товарно-денежные отношения»**; **«Армия и война»**, **«Спортивные и азартные игры»**, **«Профессиональная деятельность»** (семантической группы «Строительство»). Например: *Власть, думается, вполне сознательно травливает верующих и неверующих, и собирает дивиденды; Итоги года. Блеск и нищета православного глобализма.* Б. Колымагин (N1); *Какая часть наших сограждан, несмотря на фронтальное наступление ма-разма, все еще открыта для просвещения и просто здравого смысла?* Н. Сванидзе (L.RU); *Россия продолжает бить печальные рекорды по динамике роста цен; Именно за счет эксплуатации народа и российских ресурсов ... новые «хозяева жизни» и выстроили для себя «оазис» процветания посреди охваченной кризисом экономики и массовой бедности.* Г. Зюганов (Пр.).

Однако конкретный состав лексем, используемых при метафоризации, относительно невелик и мало структурирован; то же самое можно сказать и о степени регулярности такого рода переносов в текстах разных авторов. Исключение составляют некоторые варианты военной и азартной концептуальных моделей метафоризации.

В первом случае (**«военная метафора»**) конфликтные отношения между различными политическими, социально-экономическими силами воспринимаются как военное противостояние. Например: *Но это работа для журналиста, а не для сотрудника российских информационных войск, в которых каждый выпуск новостей – это снаряд, который должен точно поразить цель.* И. Яковенко (7 days); *Битва Министерства финан-*

сов и Минэкономразвития началась еще в 2013 году, когда при первых признаках кризиса Улюкаев выступил за использование денежных средств ФНБ как инвестиций...; По всем признакам 2016 года можно смело констатировать, что в очередной раз победу одержит пассивный подход приспособления к кризису, за который ратует бывший министр финансов. Л. Кравченко (ЦС).

Во втором случае («азартная метафора») аналогичные ситуации осмысляются как карточная игра или игра на тотализаторе, где политические, социально-экономические силы выступают в роли игроков, делающих ставки, ведущих честную или, чаще, нечестную игру. Например: Ставка на женщин вообще привлекательна, и сейчас можно говорить о такой тенденции. С. Изотов, Н. Рожкова, М. Юрина (Изв.); Но далеко не факт, что Дональд Трамп, уже интересующийся возможностью использовать ядерное оружие, не попытается ответить Путину той же монетой. И два крутых парня могут заиграться, поднимая ставки. А. Гольц (L.RU); Власть подыгрывает обскурантизму, чтобы столкнуть Церковь с актуальной культурой. Б. Колымагин (N1); Итоги-2016: Россия выиграла в lotерею, но не получила приз. А. Полунин (СП).

Ядро антропоморфной метафоры в аналитических обзорах «Итоги 2016 года» составляют биоморфные метафоры, в которых современное состояние и развитие социально-экономических, политических и иных институтов характеризуются «сквозь призму» жизнедеятельности человека.

В целом в провластных СМИ акцент делается на «жизнеспособности» социально-экономической и политической ситуации Российского государства; на их постепенном выздоровлении, укреплении сил и способности сопротивляться неблагоприятным внешним условиям или на хотя бы признаках такого «оздоровления». Например: К концу года страна подошла с высоким уровнем социального самочувствия, а на повестку дня встали вопросы развития. Н. Башлыкова (АиФ); Основной тенденцией 2016 года, пожалуй, можно назвать то, что участники рынка – и покупатели, и автодилеры – научились существовать в новых реалиях. Первые адаптировались к валютным коридорам, вторые – к новым правилам ведения бизнеса. А. Полухин (Изв.); Это [меры по выходу из кризиса] приведёт к совершенно другой атмосфере в бизнесе – «высвобождения», «лёгкого дыхания», меньших рисков; Мы говорим, что мы просто сильнее любого агрессора. А. Колесниченко и др. (АиФ).

В соответствии с этой матрицей ухудшение здоровья, потеря сил и даже гибель присущи противникам государства и власти, а также некоторым внутрироссийским экономическим и социальным институтам, которые не выдерживают конкуренции в ходе естественного развития страны. Например: Слабые предприятия уходят с рынка: за 9 месяцев 2016 года количество автодилеров в России стало меньше на 4; Дилеры продолжали слабеть и закрываться... хотя тенденция на удельное увеличение продаж все же наблюдается. А. Полухин (РГ).

Принципиально иную картину представляет реализация данного варианта биоморфной модели в оппозиционных СМИ.

Во-первых, жизнеспособным, физически крепким оказывается советское прошлое – как историческая память народа (в коммунистической прессе), как иронически воспринимаемый менталитет «инертного большинства» (в либеральных публикациях). Например: Идеалы и опыт Октября по-прежнему живут в сознании большинства людей. Они всегда будут жить и звать к новым победам во имя справедливости, правды, добра и прогресса. Г. Зюганов (Пр.); Так что в целом все вокруг отлично. Заветам дедов и отцов по-прежнему верны. Только все-таки немного сердцу тревожно в груди... В прошлый цикл мы с вечно молодыми дедовскими заветами развивались не в пример сплоченной и поступательной. Д. Орешкин (L.RU).

Во-вторых, как и в «Итогах 2012 года», в оппозиционных аналитических обзорах сохраняется актуальность, экспрессивная оценка экономических, провластных социально-политических институтов Российского государства в целом как нежизнеспособного, обессиленного, умирающего или уже скончавшегося человека. Представители разных типов оппозиции едины в этом отношении. Акцент только делается на разных аспектах внутрироссийской ситуации. Например: Наша макроэкономическая система подобна больному с инфарктом миокарда. Г. Зюганов (Пр.); Похуже, православный глобализм себя изжил. Б. Колымагин (N1).

Примечательно, что данный вариант биоморфной модели регулярно становится базовым для демонстрации авторами публикаций своей принципиальной позиции. Наиболее ярко это проявляется в сквозных, развернутых метафорах. Например:

- И хотя на каждом углу сообщается о стабилизации ситуации... даже непрофессиональному взгляду очевидно, что состояние больного продолжает стремительно ухудшаться, а назначенный еще 25 лет тому назад курс лечения позво-

ляет жить лишь в состоянии овоща – нефтяной скважины с нищим населением; А для некогда могучей и сильной державы этот шаг – это еще один метр выкопанной могилы; На вопрос, что случилось с российской экономикой, пока еще действующий президент Путин ответит в очередной раз «она утонула». Л. Кравченко (ЦС);

- Но ведь и упыри [представители власти] доходят! Плохо им очень, а в будущем году будет еще хуже... Дотянут ли до следующего? Ну, исключать этого, конечно, нельзя, но все же тлеет надежда, что, может, все же загнутся они где-нибудь к будущей осени. Однако в любом случае сил нас дадавить у них уже не осталось. А. Рыклин (L.RU).

В выборе конкретных источников метафоризации можно выделить определенную систему предпочтений. Так, оценивая расходование бюджетных средств Резервного фонда, представители оппозиции наиболее регулярно используют образ физически слабого человека, потерявшего силы от постоянного недоедания. Например: **Финансирование программы «Содействие занятости населения» «похудеет» в сравнении с 2016 годом на 29,4% в 2017 году; Разбазаривание средств и разграбление ресурсов, истощение российской экономики в угоду собственному карману – вот к чему сводится “управленческая модель”, которую реализуют опекаемые властью олигархи; Погашение бюджетного дефицита за счет Резервного фонда и Фонда национального благосостояния приведет к полному истощению первого уже в 2017 году и к значительному истощению второго в течение предстоящей трехлетки; Г. Зюганов (Пр.); Падение доходов и инвестиций, истощение резервов – этим запомнился уходящий 2016 год с точки зрения экономики. А. Фейнберг и др. (РБК.РУ).**

При оценке действий исполнительной власти в сфере экономики, идеологов власти и лояльных ей СМИ национал-патриоты и либералы регулярно используют переносы на базе номинаций неврологических, психиатрических отклонений и заболеваний. Например: **Снижение обусловлено замораживанием строительных проектов из-за депрессии на рынке жилья. Н. Арефьев (KM.RU);**

- Российская внешняя политика на фоне близкого к абсурду авантюризма США выглядит вполне реалистической и разумной. Так же, как и на фоне очевидной неумения и полного отрыва от жизни **действий руководителей финансово-экономического блока правительства Дмитрия Медведева. В. Литов (Зав-**

тра); Соловьев пригласил в студию очередную группу бесноватых экспертов, для того чтобы подвести итоги года; По количеству бреда, произносимого в единицу времени, в российском телевизоре ему сейчас нет равных. И. Яковенко. Медиафрения (7 days.us).

Но в оппозиционных СМИ фиксируются также переносы на базе лексики выздоровления, повышения жизнеспособности человека. Однако метафоризация таких слов включена в оценочную характеристику других (по сравнению с провластными СМИ) ситуаций. С одной стороны, речь может идти о «закаливании» самой оппозиции, о повышении ее способности противостоять и сопротивляться власти. С другой стороны, признаки «улучшения здоровья» экономической и политической ситуации в России трактуются как кратковременные и почти эфемерные. Например: **Несмотря на профессиональный иммунитет, выработанный в ходе многолетнего просмотра российского телевизора, мне было довольно тяжело смотреть именно этот эфир. И. Яковенко (7 days.us); Экономика России в 2016 году напоминает больного, испытывавшего шок, который пытается вяло приподняться, но его очень плохо лечат. И. Деготькова (MK.RU).**

Не менее концептуально значимым оказывается реализация в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» **каузативного варианта биоморфной модели**, в котором социально-экономические и политические феномены выступают в роли объекта, которым оперирует, на физическое состояние которого воздействует, активно влияет внешняя сила (в грамматическом плане такого рода ситуации выражаются переходными глаголами и производными от них).

Примечательно, что единичными примерами в публикациях анализируемого жанра (независимо от политических взглядов их авторов) представлены **«метафоры рождения»**, то есть каузации каких-либо социально-политических и экономических явлений. По видимому, это можно трактовать как отсутствие, с точки зрения аналитиков-публицистов, принципиально новых феноменов во внутриполитической обстановке в России и в ее положении в мире в 2016 г. (по сравнению с прошлым годом). Интересно, что провластные и оппозиционные СМИ используют метафоры рождения для характеристики негативных тенденций в экономике и политике, но включают переносы в конструкции с разной модальностью. Например: **Немы эту волну** [экономических и политических санкций] породили. В. Кузьмин (РГ); **Курс, порождающий нищету**. Г. Зюганов (Пр.).

Интересным с точки зрения идеологической составляющей является использование **«метафор вторичного дарования жизни»**.

В провластных СМИ такого рода переносов не зафиксировано. Это особенно показательно, поскольку в аналогичном жанре «Итоги 2012 года» представители власти и лояльные им СМИ с помощью именно данных метафор подчеркивали активность власти в кардинальном изменении ситуации в России, наделяли власть сакральной способностью «воскрешать из мертвых» экономику, финансы, производство и т. п. Например: *Мы только в этом году в 2–3 раза подняли денежные доходы военнослужащих, по сути, возрождаем Вооруженные Силы; Во всяком случае, нужно возродить и Тукси, и другие населенные пункты подобного рода*. В. В. Путин (Пресс-конференция; декабрь 2012 г.); *Безработицы практически нет, госзаказы возрождают оборону, и... идет медленное, как уральская весна, возрождение [Пермского] края*. И. Шамир (КП. 2013.01.16).

По нашему мнению, это свидетельствует о качественном изменении восприятия авторами публикаций внутрироссийской ситуации в 2016 г. (по сравнению в 2012 г.). Сторонники или хотя бы не противники власти полагают, что в дополнительных «чрезвычайных» мерах страна уже не нуждается.

Примеры использования **метафор «оживления из мертвых»** в оппозиционно настроенных СМИ фиксируются, но число их невелико. Примечательно, что действующим субъектом метафорически осмысленной ситуации тоже является власть, но сами конструкции наделяны общеотрицательной модальностью. Например: *За этот год в экономической политике не сделано ничего для оживления экономики, не было предпринято мер кредитного, налогового, проективного и инвестиционного стимулирования*. И. Деготькова (МК).

Аналогичная картина наблюдается при концептуальном осмыслении ситуации **«избавления от гибели, уничтожения, смертельной опасности»**. Этот вариант каузативной части биоморфной модели представлен почти исключительно в оппозиционных СМИ, характеризует преимущественно социально-экономическое положение в России и включен в несколько видов конструкций, негативно оценивающих действия власти. В частности, используются конструкции с общеотрицательной, ирреальной модальностью; в роли агенса выступает неодушевленное существительное, характеризующее внешние обстоятельства, не связанные с активными действиями исполнительной власти. Кроме того, представители либеральной оппозиции могут иронически

обыгрывать публицизм **спаситель России**, подчеркивая необоснованность претензий на эту роль представителей власти. Например: *От падения располагаемых [населением России] доходов это [предпринимаемые правительство меры] не спасает*. А. Фейнберг и др. (РБК.РУ); *Экономику спасало то, что удавалось удержать физические объемы добычи сырья...* И. Деготькова (МК.РУ); *Второй подход [по выведению страны из кризиса] состоит в том, чтобы этот кризис переломить, когда государство выступит главным инвестором и спасителем отечественной экономики*. Л. Кравченко (ЦС).

Еще в большей степени данные характеристики присущи метафорическому осмыслению **«принятия мер по оздоровлению слабого, больного человека»**.

Во-первых, такого рода переносы фиксируются только в оппозиционных СМИ, причем исключительно при оценке действий представителей власти и их сторонников. Во-вторых, можно выявить определенную специфику в использовании подобных переносов представителями разных политических взглядов.

Коммунисты, национал-патриоты, умеренные либералы чаще используют языковые метафоры с негативной оценкой предпринимаемых мер, в иронических контекстах, в конструкциях с модальностью долженствования или отрицания. Например: *Российская «элита» абсолютно не заинтересована в изменении социально-экономической системы, в оздоровлении сложившейся в стране ситуации*. Г. Зюганов (Пр.); *В этой отрасли есть и другие нововведения. Чисто административным порядком понижают группу инвалидности инвалидам. Сегодня инвалид третьей группы уже не инвалид, а инвалид первой группы переведен во вторую. Вот так сегодня излечивают инвалидность*. Н. Арефьев (КМ.РУ); *Больного [российскую экономику] очень плохо лечат: сверхвысокий процент, дефицит кредита, высокие налоги, нехватка сильных налоговых стимулов за рост, переоцененный к концу года рубль, рост регулятивных издержек*. И. Деготькова (МК.РУ).

Представители внесистемной либеральной оппозиции более резки в оценке; используют развернутые метафоры, в которых «врачи» (представители власти) могут отличаться абсолютным непрофессионализмом и даже трансформироваться в садистов, убийц и т. п. Например: *Состояние больного [российской экономики] продолжает стремительно ухудшаться, а назначенный еще 25 лет тому назад курс лечения позволяет жить лишь в состоянии овоща – нефтяной скважи-*

ны с нищим населением, с зависимостью от внешнего мира. Л. Кравченко (ЦС); Вот и сегодня – Сирия как Афганистан, Украина как Чехословакия... От победы к победе. Ох, многовато... Или ничего, в самый раз? ... Освенцим с хирургами в кожаных штанах еще нескоро. Там, за поворотом. Д. Орешкин. (L.RU).

В отличие от описанных выше вариантов, **каузативная часть биоморфной модели, связанная** не с улучшением, а с **ухудшением физического состояния человека** (травмирование, ранение, убийство), активно используется всеми представителями СМИ. Однако роли агенса и объекта в описываемой ситуации в лояльных к власти и оппозиционных публикациях, как правило, оказываются несовпадающими или даже диаметрально противоположными.

В частности, ситуация «**лишения жизни и травмирование человека**» в провластных СМИ трактуется следующим образом. Агеном обычно является внешняя сила, негативно воздействующая на Россию в целом или на внутривнутриполитическую или экономическую обстановку в стране, причем авторы публикаций могут отрицать результативность таких мер. Например:

- [Путин:] *Думаю, что это (убийство посла в Турции. – Ред.) прежде всего было покушением на Россию, на российско-турецкие отношения. А. Колесниченко и др. (АиФ); Президент России Владимир Путин расценил действия Турции [сбитый самолет] как «удар в спину». Н. Башлыкова (АиФ); – Мы разорвали российскую экономику в клочья! – торжествовал еще год назад президент США Барак Обама, оценивая эффективность западных санкций. ... Так что клочья явно не наблюдаются. По официальным данным, промышленность в этом году может даже показать малозаметный, но рост). Е. Беляков, К. Смирнов (КП).*

В оппозиционной прессе в этой же ситуации агеном являются властные структуры, а объектом – экономика России или оппозиция. Например: *Этих средств явно недостаточно для восстановления экономики, задушенной либеральными экспериментами; ОБЕЗГЛАВЛЕННОЕ ВЕДОМСТВО. Министрство экономического развития не играет никакой роли в жизни страны. Оно оставалось без своего руководителя 15 дней, и именно в тот период, когда в первом чтении заслушивали новый бюджет страны. Л. Кравченко (ЦС); Сил нас [внесистемную оппозицию] давить у них [представителей власти] уже не осталось. А. Рыклин. (L.RU); Развал СССР нанес обществу тяжелейшую*

травму, принес лишения и потрясения... Г. Зюганов (Пр.).

Таким образом, анализ антропоморфных метафор в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» показывает, что авторы публикаций, независимо от своих политических и идеологических пристрастий, в основном используют биоморфную модель метафоризации, причем ее наиболее устойчивые языковые варианты. Но, обращаясь к одним и тем же концептуальным принципам метафоризации, лояльные к власти и оппозиционные СМИ наполняют их разным, подчас противоположным содержанием, что приводит к формированию практически диаметрально противоположных представлений об итогах развития России в 2016 году. Лояльные к власти СМИ отличает ориентация на создание позитивной, динамической и относительно бесконфликтной картины развития российского общества. Публикации оппозиции, напротив, отмечены восприятием социально-экономической, политической ситуации в России как катастрофической и в большинстве случаев бесперспективной.

ИСТОЧНИКИ

Арефьев Н. «Голодные годы периода Ельцина, тучные и 2016-й год – сравним?». Эксперты KM.RU подводят итоги ушедшего года // Кирилл и Мефодий.RU. 2017. 11 янв. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2017/01/11/rossiya/793002-golodnye-i-tuchnye-gody-sravnim> (дата обращения: 25.07.2017).

Башлыкова Н. По гамбургскому счету: Россия в плюсе. Неоднозначные итоги 2016 года // Аргументы и факты. 2016. 29 дек. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_gamburgskomu_schetu_rossiya_v_plyuse_neodnoznachnye_itogi_2016_goda (дата обращения: 5.03.2017).

Беляков Е., Смирнов К. Экономические итоги 2016-го: прошли дно, укрепили рубль и задавили инфляцию. Прошедший год может войти в историю как последний год российского кризиса // Комсомольская правда. 2016. 30 дек. URL: <https://www.saratov.kp.ru/daily/26626/3644236/> (дата обращения: 24.07.2017).

Вассерман А. Главный итог 2016 года – провал старой модели глобализации // Кирилл и Мефодий.RU. 2016. 27 дек. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/rossiya/791555-anatolii-vasserman-glavnyi-itog-2016-goda-proval-staroi-modeli-gl> (дата обращения: 24.07.2017).

Воздвиженская А. Самый привлекательный и обаятельный. Героем года неожиданно стал российский рубль // Российская газета. 2016. 30 дек. URL: <http://rg.ru/gazeta/rg/2016/12/30.html> (дата обращения: 24.07.2017).

Вязовский А. 2016-й год оказался неплохим для нефтяной отрасли России // Кирилл и Мефодий.RU. 2016. 31 дек. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/791557-aleksei-vyazovskii-s-vesny-2017-tsena-barrelya-zafiksiruetsya-v-koridore-> (дата обращения: 6.03.2017).

Галанина А., Ладикова Е. Выборы, борьба с коррупцией и кадровые перестановки. Эксперты – о политических итогах 2016 года // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://iz.ru/news/654591> (дата обращения: 22.07.2016).

Гольц А. Итоги года // liveinternet.ru. 2017. 2 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/wluds/post405403576/> (дата обращения: 6.02.2017).

Деготькова И. Эксперты не верят в выход российской экономики из кризиса. Ведущие экономисты подвели итоги года и дали прогнозы на 2017-й // Московский комсомолец. 2016. 28 дек. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/28/eksperty-ne-veryat-v-vykhod-rossiyskoy-ekonomiki-iz-krizisa.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Дербышева Н., Карабут Т. Главные бизнес-события 2016 года // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://iz.ru/news/654144> (дата обращения: 24.07.2017).

Евстигнеева А. Сильный рубль и слабый рост: «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/653841> (дата обращения: 5.03.2017).

Забродин А. Главные цитаты 2016 года. «Известия» сделали подборку главных цитат мировых политиков // Известия. 2016. 31 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654106> (дата обращения: 10.03.2017).

Зиброва Е., Чемоданова К. «Восстановительный рост»: каким был 2016 год для российской экономики // RT на русском. 2016. 27 дек. URL: <https://russian.rt.com/business/article/345607-itogi-2016-ekonomika-rossiya> (дата обращения: 15.02.2017).

Зюганов Г. Год несбывшихся прогнозов и надежд // Правда. 2016. 22 дек. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/143/article-57101/> (дата обращения: 15.03.2017).

Изотов С., Рожкова Н., Юришина М. Главные отставки и назначения года. «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654588> (дата обращения: 10.03.2017).

Исаев А. Итоги осенней сессии 2016 года // Российская газета. 2016. 20 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/20/isaev-za-vremia-osennej-sessii-deputaty-priniali-bolee-120-zakonov.html> (дата обращения: 20.03.2017).

Колесниченко А., Барова Е., Молоткова П., Чеботарев А. По плану, со знаком плюс. Владимир Путин подвел итоги 2016 года // Аргументы и факты. 2016. 28 дек. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_planu_s_o_znakom_plus_vladimir_putin_podvyol_itogi_2016_goda (дата обращения: 24.07.2017).

Колымагин Б. Итоги года. Блеск и нищета православного глобализма // n1.by.Новости. 2017. 7 янв. URL: <http://n1.by/news/721130-ble-sk-i-nishcheta-pravoslav-nogo-globalizma.html> (дата обращения: 6.02.2017).

Кравченко Л. И. Экономические итоги 2016 года // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2016. 15 дек. URL: <http://rusrand.ru/analytics/ekonomicheskie-itogi-2016-goda> (дата обращения: 15.02.2017).

Кривошапко Ю. Россияне назвали главные события 2016 года. Итоги года // Российская газета. 2017. 12 янв. URL: <https://rg.ru/2017/01/12/rossiiane-nazvali-glavnye-sobytiia-2016-goda.html> (дата обращения: 17.07.2017).

Кузьмин В. Время прагматиков. Дмитрий Медведев подвел итоги 2016 года. Итоги года // Российская газета. 2016. 15 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/15/dmitrij-medvedev-nazval-stabilnost-glavnym-itogom-2016-goda.html> (дата обращения: 19.07.2017).

Куликов С. Инвестиции в Россию выросли в 5,5 раза в 2016 году. Итоги года // Российская газета. 2017. 9 янв.

URL: <https://rg.ru/2017/01/09/investicii-v-rossiiu-vyrosli-v-55-raz-v-2016-godu.html> (дата обращения: 27.07.2017).

ЛДПР подвела итоги года // ЛДПР. Ленинградская область. 2016. 28 дек. URL: <http://ldpr47.ru/news/00875.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Литов В. 2016-й: год перелома? // Завтра. 2016. 29 дек. URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/2016-j-god-pereloma/> (дата обращения: 24.07.2016).

Макаркин А. Итоги года. Год сенсаций и риска // Демократическое сетевое сообщество. 2017. 5 янв. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?t=13524> (дата обращения: 6.02.2017).

Орехъ А. Итоги года. Черно-белый спорт // liveinternet.ru. 2017. 6 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405649369/> (дата обращения: 6.02.2017).

Орешкин Д. Итоги года. Многовато. Диалектика меры // liveinternet.ru. 2016. 30 дек. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405311593> (дата обращения: 21.02.2017).

Петров В. Валентина Матвиенко подвела итоги осенней сессии // Российская газета. 2016. 21 дек. URL: rg.ru/gazeta/rg/2016/12/21.html (дата обращения: 20.03.2017).

Полунин А. Итоги-2016: Россия выиграла в лотерею, но не получила приз. Как Москва укрепила позиции в глобальной политике // Свободная пресса. 2016. 26 дек. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/163253/> (дата обращения: 6.03.2017).

Полухин А. Эксперты рассказали о главных изменениях на авторынке. Итоги года // Российская газета. 2017. 9 янв. URL: rg.ru/2017/01/09/eksperty...o-glavnykh...avtorynke.html (дата обращения: 24.07.2017).

Сванидзе Н. Итоги года. «Сучий потрох» // liveinternet.ru. 2017. 6 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405689865/> (дата обращения: 6.02.2017).

Солдатов А., Бороган И. Спецслужбы: итоги 2016 // Демократическое сетевое сообщество. 2017. 5 янв. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?p=25186> (дата обращения: 6.02.2017).

Туранов С. Лучшие лоббисты России – декабрь и итоги 2016 года // Независимая газета. 2017. 25 янв. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-25/5_6911_lobbi.html (дата обращения: 21.03.2017).

Фейнберг А., Махукова А., Митраков А. Между рецессией и ростом: каким для экономики России стал 2016 год // RBK.RU. 2016. 26 дек. URL: <http://www.rbk.ru/economics/26/12/2016/585ba2409a79472a0ae4d50c> (дата обращения: 24.07.2017).

Юришина М. Десять главных законодательных инициатив 2016 года. Повышение пенсионного возраста и разовая выплата в 5 тыс. рублей, изменение правил ОСАГО и «пакет Яровой»: чем запомнится работа Госдумы в 2016 году. «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654103> (дата обращения: 5.03.2017).

Яковенко И. Медиафрениа. «Год великого перелома» // 7 days.us. 2016. 27 дек. URL: <http://yakovenkoigor.blogspot.ru/2016/12/186.html> (дата обращения: 6.02.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.
2. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системно-центричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–27.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
5. Бармицкий Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
7. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
8. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
9. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007. 248 с.
10. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 3–9.
11. Балашова Л. В. Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Филология. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 27–38.
12. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
13. Балашова Л. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1178–1196.
14. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. М.: Наука, 1993. 152 с.
15. Троянова Т. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту: Tartu University Press, 2003. 166 с.
16. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
17. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 225 с.
18. Малюкова Д. С. Антропоморфные метафоры в современном политическом дискурсе // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 50–54.
19. Мишиланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе: образование, функционирование, развитие: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 392 с.
20. Овсянникова В. В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 48–57.
21. Резанова З. И. Концептуальные метафорические модели «Человек это мир» и «Мир это человек»: к проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск: ТГУ, 2006. С. 287–295.
22. Яговцева О. А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира (на примере говора Исетского района Тюменской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 22 с.
23. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 2 (44). С. 11–23.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural linguistics. Value-language semantic space], Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 224 p. (in Russian).
2. Alpatov V. M. Ob antropotsentrichnom i sistemotsentrichnom podkhodakh k yazyku [On anthropocentric and system-centric approaches to language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1993, no. 3, pp. 15–27 (in Russian).
3. Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of the person according to language: an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1995, no. 1, pp. 37–67 (in Russian).
4. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 896 p. (in Russian).
5. Bartmin'skiy Ye. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 528 p. (in Russian).
6. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p. (in Russian).
7. Wierzbicka A. *Yazykovaya kartina mira kak osobyiy sposob reprezentatsii obraza mira v soznanii cheloveka* [Language picture of the world as a special way of representation of the image of the world in human consciousness]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2000, no. 6, pp. 33–38 (in Russian).
8. Postovalova V. I. *Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya: V poiskakh integral'nykh paradigm* [The science of language in the light of the ideal of integral knowledge]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 272 p. (in Russian).
9. Stepanov Yu. S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. Thin film of civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. 248 p. (in Russian).
10. Teliya V. N. *Predisloviye* [Foreword]. In: *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 3–9 (in Russian).
11. Balashova L. V. *Kognitivnyy tip metafory v diakhronii (na materiale pertseptivnoy leksiki russkogo yazyka)* [Cognitive type of metaphor in diachrony (on the material of perceptual vocabulary of the Russian language)]. *Filologiya. Vyp. 4* [Philology. Iss. 4]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999, pp. 27–38 (in Russian).
12. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., Znack Publ., 2014. (Studia Philologica) (in Russian).
13. Balashova L. *Gorizontalnaya model' prostanstvennoy metafory v mediynom obraze Rossii (zhanry analiticheskogo obzora i ekspertnogo mneniya)* [The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion)].

Quaestio Rossica, 2017, Vol. 5, no. 4, pp. 1178–1196 (in Russian).

14. Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 152 p. (in Russian).

15. Troyanova T. *Antropotsentricheskaya metafora v russkom i estonskom yazykakh (na materiale imon sushchestvitel'nykh)* [Anthropocentric metaphor in Russian and Estonian languages (on the material of nouns)]. Tartu, Tartu University Press, 2003. 166 p. (in Russian).

16. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica) (in Russian).

17. Vershinina T. S. *Zoomorfnyaya, fitomorfnyaya i antropomorfnyaya metafora v sovremenном politicheskom diskurse* [Zoomorphic, phytomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2002. 225 p. (in Russian).

18. Malyukova D. S. *Antropomorfnyye metafory v sovremenном politicheskom diskurse* [Anthropomorphic metaphors in contemporary political discourse]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2009, no. 4 (8), pp. 50–54 (in Russian).

19. Mishlanova S. L. *Termin v meditsinskom diskurse: obrazovaniye, funktsionirovaniye, razvitiye* [The term in

medical discourse: education, functioning, development]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 392 p. (in Russian).

20. Ovsyannikova V. V. *Antropomorfnyye metafory v geologicheskом diskurse* [Anthropomorphic metaphors in geological discourse]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2010, no. 1 (9), pp. 48–57 (in Russian).

21. Rezanova Z. I. *Kontseptual'nyye metaforicheskiye modeli "Chelovek eto mir" i "Mir eto chelovek": k probleme obratimosti (na materiale sibirskikh russkikh narodnykh govorov)* [Conceptual metaphorical models "Man is the World" and "The World is a Man": to the Problem of Reversibility (on the Material of Siberian Russian Folk Dialects)]. *Aktual'nyye problemy rusistiki. Vol. 3: Yazykovyye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Actual Problems of Russian Studies. Iss. 3: Language aspects of regional human existence]. Tomsk, TGU, 2006, pp. 287–295 (in Russian).

22. Yagovtseva O. A. *Antropotsentricheskiye metafory v dialektnoy kartine mira (na primere govora Isetskogo rayona Tyumenskoy oblasti)* [Anthropocentric metaphors in the dialectal picture of the world (on the example of the dialect of the Isetsky district of the Tyumen region)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tyumen', 2006. 22 p. (in Russian).

23. Balashova L. V. *Politicheskij 2012 god v zerkale kontseptual'noj metafory* [Political 2012 in the mirror of conceptual metaphors]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 11–23 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Балашова Л. В. Антропоморфная метафора в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» в российской прессе // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 277–285. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-277-285>

For citation

Balashova L. V. Anthropomorphic Metaphor in the Genre of the Analytical Review "Results of 2016" in the Russian Press. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 277–285 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-277-285>

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-286-293>

А. Н. Байкулова
Саратов, Россия

Alla N. Baikulova
Saratov, Russia

ПРОГНОЗ КАК СУБЖАНР В ПЕЧАТНЫХ СМИ И ИХ ЭЛЕКТРОННЫХ ВЕРСИЯХ

Исследование посвящено прогнозу как одному из пока ещё недостаточно исследованных речевых жанров. Прогнозирование приобретает особую значимость в период социально-политической нестабильности, когда общество заинтересовано в том, чтобы, заглянув в будущее, можно было предотвратить всевозможные негативные последствия. Разнообразные прогнозы как информационно-аналитические жанры постоянно транслируются через СМИ. Это определяет проблематику исследования и его актуальность. В статье используются материалы российских федеральных и региональных изданий и их электронных версий. Прогноз рассматривается как субжанр, включённый в более сложные жанровые формы – беседы, интервью, официальные выступления (речи). Используемый автором статьи метод дискурсивного анализа позволяет выявить специфические черты жанра, отдельные речевые стратегии адресанта при прогнозировании (информирование, создание образа будущего), реализуемые тактики (манипулирование информацией и сознанием адресата, эпатаживание, аргументация и др.). На материале хедлайнов печатных СМИ показана провокационность отдельных прогнозов: снижая гипотетичность текста, придавая ему двусмысленность, журналист искажает информацию, провоцирует появление слухов и домыслов. В статье показаны способы репрезентации жанра: личные (авторские) прогнозы и прогнозы, отражающие чужую точку зрения (цитация). Анализируется языковая специфика жанра: использование глаголов, снижающих степень категоричности, форм будущего и настоящего расширенного времени. Показана роль экспрессивных средств (негативно окрашенной лексики, метафор, гипербол, иронии), способствующих усилению степени воздействия прогнозов на массовую аудиторию.

Ключевые слова: русский язык, речевой жанр, прогноз, СМИ, речевое воздействие, манипуляция, экспрессивные средства.

FORECAST AS A SUBGENRE IN PRINTED MEDIA AND THEIR ELECTRONIC VERSIONS

The study is devoted to the forecast as one of the still insufficiently studied speech genres. Forecasting assumes a special significance in the period of socio-political instability, when society is interested in looking into the future, so that it was possible to prevent all sorts of negative consequences. Various forecasts such as information and analytical genres are constantly broadcast through the media. This determines the problems of this research and its relevance.

The research is based on Russian federal and regional publications and their electronic versions. The forecast is considered as a subgenre, included in more complex genre forms – conversations, interviews, official speeches. The method of discourse analysis used by the author allows to reveal specific features of the genre, individual speech strategies of the addressee in forecasting (informing, creating the image of the future), realized tactics (manipulation of information and recipient's consciousness, epiphany, argumentation, etc.). The headlines of the printed media show the provocative nature of individual forecasts: by reducing the hypothetical character of the text, making it ambiguous the journalist distorts information, provokes the appearance of rumors and conjectures.

The article shows the ways of the genre representation: personal (author's) forecasts and forecasts reflecting someone else's point of view (citation). The author analyzes linguistic aspects of the genre: the use of verbs that reduce the degree of categoricity, forms of the future and present of extended time. The role of expressive means (negatively colored vocabulary, metaphors, hyperboles, irony) that contribute to increasing the impact of forecasts on the mass audience is highlighted.

Key words: Russian language, speech genre, forecast, media, speech impact, manipulation, expressive means.

Сведения об авторе: Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: allabay15@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

About the author: Baikulova Alla Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language, Speech Communication, and Russian as a Foreign Language.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: allabay15@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Введение

Размышления о будущем, его прогнозирование, всегда имели огромное значение. К. В. Михайлов рассматривает предсказание или предвидение будущего как глобальную, всегда существующую общечеловеческую задачу в разных сферах жизни [1 : 24]. Неслучайно стало афоризмом высказывание американского журналиста Генри Луиса Менкена «Перед прошлым – склони голову, перед будущим – засучи рукава».

На основе прогнозирования в технологической, социально-политической и экономической областях выстраиваются различные модели будущего. Инструментом такого прогнозирования, например, становится Форсайт (от английского *foresight* – «предвидение») – «систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольшие социально-экономические блага» [2] (цитирую по [3 : 8–9]); «активный прогноз, который включает элементы воздействия на будущее» [1 : 25]. На основе политических прогнозов в СМИ разрабатывается когнитивно-дискурсивная метамодель будущего России (об этом см. [4]).

Актуальность прогностических высказываний заставляет обратиться к их лингвистическому изучению, в частности рассмотреть жанр прогноза и особенности его реализации в печатных СМИ и их электронных версиях. Материалом нашего исследования стали интервью в федеральных и региональных изданиях: «Российская газета» («РГ» и «RGru»), «Аргументы и факты» («АиФ» и «AIFru»), «Московский комсомолец» («МК»), «Домовой совет» («ДС»); публикации российского информационного агентства «ФедералПресс» и др.

1. Специфика жанра прогноза

Прогноз – предсказание (высказывание) о будущем, сделанное на основе установления причинно-следственных связей между какими-либо событиями [5, 6]. В печатных СМИ прогноз может функционировать как самостоятельный жанр (например, рубрика «Прогноз погоды»), и как субжанр, включённый в другие жанровые формы (статья, заметка, интервью, беседа, речь и др.). В данной статье прогноз будет рассматриваться как один из субжанров печатных СМИ, функционирующий в рамках бесед, интервью, официальных выступлений политиков.

Специфику жанра прогноза определил А. А. Тertychnyy, разграничив понятия «прогноз», «гипотеза» и «версия». С точки зрения исследователя, эти понятия совпадают лишь

отчасти: в отличие от гипотезы, которая может быть обращена как в прошлое, так и в будущее, прогноз всегда обращён только в будущее, а версия обычно касается в основном уже свершившихся событий (см. [7]). Дополним: прогноз, в отличие от гипотезы, не предполагает доказательств, но обоснования предсказаний желательны.

Прогнозы становятся особенно востребованными в кризисные периоды общественно-го развития, периоды исторических изменений. Неслучайно становление жанра прогноза А. А. Тertychnyy связывает с процессами реформирования общества, начиная с конца XX в., когда все хотели знать, что ждёт впереди [7 : 29]. И до сих пор прогнозирование – постоянное явление, характерное для современных СМИ, которые отражают субъективные представления о мире, влияющие на интерпретацию политических событий и позволяющие «конструировать политическую реальность настоящего и контуры будущего» [4 : 171]. Так, например, в 2017 г. СМИ транслировали итоговую пленарную сессию «Мир будущего: через столкновение к гармонии» XIV ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», перед участниками которой стояла задача «попытаться заглянуть за горизонт, поразмышлять над тем, какими будут грядущие десятилетия для России и всего международного сообщества», а также <...> «предугадать и учесть возможные риски <...>» (см. речь В. В. Путина на <http://vg-news.ru/n/131282>). По Н. С. Данковой и Т. В. Дубровской, «... прогнозирование в СМИ представляет собой опережающую репрезентацию действительности» [8 : 92]. В зависимости от собственных представлений, политической конъюнктуры и других факторов авторы прогнозов реализуют стратегии позитивного (в [8] – «положительного») или негативного прогнозирования, что придаёт высказыванию соответствующую тональность и способно влиять на настроение общества. С точки зрения Е. Н. Брызгаловой и И. М. Шевелевского, одна из задач медиадискурса – сохранение стабильности в социуме – решается как раз с помощью положительных прогнозов, оказывающих воздействие на массовую аудиторию и позволяющих ей позитивно воспринимать власть [9].

Прогнозы редко дают журналисты, поскольку они не всегда обладают необходимыми для построения прогнозов фактами; обычно события прогнозируются специалистами различных областей знаний. В этом специфика жанра. Главная цель прогнозирования – создание образа будущего или его модели, однако стратегия прогнозирования предполагает и другие цели, которые реализуются

авторами прогнозов: (из речи В. В. Путина на итоговой пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» 19.10.2017) *«В современном мире стратегический выигрыш невозможен за счёт других. Подобная политика, основанная на самоуверенности, эгоизме, претензиях на собственную исключительность, ни уважения, ни истинного величия не принесёт, а вот естественное, справедливое отторжение и противодействие неизбежно вызовет. И в результате мы получим дальнейший рост напряжённости, противоречий вместо того, чтобы вместе пытаться сформировать устойчивый, стабильный миропорядок, ответить на те технологические, экологические, климатические, гуманитарные вызовы, с которыми сталкивается сегодня всё человечество»* (<https://riafan.ru/988121-putin-strategicheskii-vyigrysh-nevozmozhen-za-schet-drugikh-stran>). В этом высказывании В. В. Путин спрогнозировал рост напряжённости в мире, различного рода катаклизмы, если отдельные государства будут строить свою политику на основе собственной исключительности (негативному прогнозу противопоставлен позитивный). Прогнозирование помогает президенту решать актуальные политические задачи, например, легитимизировать действия руководства страны, разъяснять собственную политическую позицию, планировать пути общественного развития, предостерегать от нежелательных последствий в результате проявлений эгоизма и самоуверенности в международных отношениях и т. п.

Журналисты, предлагая собственные прогнозы или используя чужие (применение метода экспертной оценки при прогнозировании), преследуют стратегические цели, обусловленные основными функциями СМИ (информационной, идеологической и воздействующей) в условиях, когда масс-медиа стали мощным инструментом влияния на аудиторию и в то же время средством манипуляции общественным сознанием (о роли СМИ см. [8, 10 : 28] и др.).

В результате прогноз становится опасным, провокационным жанром (см. [7]), его трудно, фактически нельзя проверить. Таким образом, главная цель прогноза как жанра обычно сопровождается и другими, чрезвычайно важными и специфическими для адресанта целями (и/или задачами). Перлюкутивный эффект в результате достижения этих целей не всегда может отчётливо осознаваться адресатом.

2. Прогнозы в хедлайнах: провокационность в использовании жанра

Являясь средством манипулятивного воздействия и включаясь в различные жанры

масс-медийного дискурса, прогнозы – эффективное средство привлечения внимания читателя. На основе чужих прогнозов журналисты нередко изобретают хедлайны для собственных статей. Например: *«Если правительство не одумается, регионы доживут только до 2017 года»* («ДС» № 5, 2016); *«Нотариусы откроют офисы у чёрта на куличиках»* («МК» № 82, 2015), *«Соблюдать тишину в парке заставят по часам»* («МК», 27.04.2015); *«Машинистам метро придётся управлять реальным и виртуальным поездом одновременно»* («МК» 27.04.2015); *«Продажам повысят градус»* («РГ» № 108, 2017); *«Правительству выкручивают руки: дешёвые лекарства или исчезнут, или перестанут быть дешёвыми»* («ФедералПресс», 11.05.2017); *«Россияне не будут оплачивать «коммуналку» со следующего года»* («ФедералПресс». <http://fedpress.ru/>. Дата доступа 21.04.2017); *«Золотое кольцо могут обложить налогом»* (ФедералПресс. <http://fedpress.ru/>. Дата доступа 22.05.2017).

Для таких хедлайнов характерны броскость, эпатажность, двусмысленность, поскольку журналисты намеренно опускают факты, составляющие фундамент высказывания (например, из представленных хедлайнов непонятно, кто будет выкручивать руки, о каком золотом кольце идёт речь и т. д.). Отсутствие постоянной составляющей в виде реальных фактов стирает совсем или ослабляет гипотетичность высказывания; при этом переменная составляющая прогноза, то есть само предсказание, приобретает категоричность. Обращает на себя внимание семантика используемых глаголов, передающая либо прескрипцию (*заставят, придётся*), либо по-разному (чаще негативно) оцениваемые действия: *повысят градус, исчезнут лекарства, перестанут быть дешёвыми, не будут оплачивать коммуналку*. В таких хедлайнах журналисты реализуют тактики возбуждения интереса у читателя, эпатирования его, создания сенсации (о заголовках в СМИ см. [9, 11, 12, 13] и др.); при этом категоричность автора в его предсказаниях способствует тому, что массовый адресат начинает воспринимать прогноз как нечто достоверное. В этом провокационность подобного рода хедлайнов: они способны сбить с толку, затемняя смысл, порождая слухи, мифы и домыслы; неоправданно радужные или, напротив, панические настроения. Например, неверно может быть истолкован хедлайн *«Россияне не будут оплачивать «коммуналку» со следующего года»*: в статье речь идёт о том, что россияне смогут не платить за коммунальные услуги только в том случае, если управляющая компания не разместила необходимую информацию

в Государственной информационной системе ЖКХ. А хедлайн «*Золотое кольцо могут обложить налогом*» может восприниматься как прогноз по поводу налога на ювелирные украшения, тогда как в статье говорится о городах Золотого кольца России. Сенсационность и затемнение смысла в СМИ являются обычными коммуникативными практиками (см. [12]).

Следует отметить, что не всегда можно провести чёткую грань, отделяющую прогноз от других жанров, например сообщения или заявления (размытость границ вообще характерна для речи). Нередко в текстах СМИ в соответствии со свойственной масс-медиа информационной функцией содержатся прогнозы, которые основаны на фактах, носят информативный характер, служат для сообщения о самом факте в будущем и сопутствующих обстоятельствах (см. [8]). Их действительно трудно отличить от смежных жанров. Прогностичность таким текстам, в том числе и хедлайнам, придают предположительность, вероятность того, о чём в них говорится (особую роль могут играть образность, двусмысленность, иносказательность, нередко отсутствие необходимых достоверных фактов), и языковые/речевые средства, с помощью которых формируется жанр прогноза (о языковых средствах, используемых для реализации стратегии прогнозирования в печатных СМИ, см. [8]).

3. Прогноз как информационно-аналитический субжанр

В печатных СМИ и их электронных версиях прогнозы часто встречаются в беседах или интервью, где реализация гипотетических высказываний задаётся вопросом или рядом вопросов: <...> *когда закончится кризис?*; *Есть ли у регионов шанс выжить, когда «рыба гниёт с головы?»*; *Что будет с рублём?* («ДС» № 5, 2016). Цель, стратегия интервьюера, как уже отмечалось, – узнать о возможном развитии событий в будущем и донести эту информацию до читателя. В свою очередь эксперт (специалист в той или иной области) при прогнозировании реализует интенцию предсказать что-либо и в той или иной степени обосновать свои предположения. Поэтому прогноз можно отнести к информационно-аналитическим жанрам.

Наиболее распространёнными методами прогнозирования, по мнению А. А. Тертычного, являются: **метод экстраполяции** – проецирование основной тенденции развития исследуемого явления в целом на будущее этого явления; **метод аналогии**, когда «на основе совпадения ряда основных признаков

делается вывод, что и все другие признаки сравниваемых явлений совпадают»; и **метод сценариев**, под которым понимается изложение разных вариантов возможного развития событий на основе действия различных факторов [7 : 29].

Прогностическое высказывание обычно находится в ландшафте других высказываний, соотносимых с жанрами. Образуется жанровый континуум. Например, на вопрос Н. Филатовой М. Делягину (доктору экономических наук, директору Института проблем глобализации) *Есть ли у регионов шанс выжить, когда «рыба гниёт с головы?»* учёный ответил: *Система, при которой губернатор должен почти всё отдать федеральному центру, а потом получить кусочек с барского плеча, была создана как инструмент политического контроля. Всё было здорово, пока нефть стоила 100 долларов за баррель. Но когда нефть подешевела в 3,5 раза, регионы рухнули в катастрофу. В таком режиме можно прожить до 2017 года. Дальше терпения не хватит – ни у обычных людей, которые, как в Астраханской области, ездят рожать за 90 км по разбитой дороге, ни у губернаторов. Минимум 50% налогов должно оставаться в регионах, как предусмотрено Бюджетным кодексом!* («ДС» № 5, 2016).

Прогнозу М. Делягина (см. выделенный нами фрагмент в тексте) предшествует описание ситуации в прошлом: создание системы распределения бюджетных средств; благополучный период развития страны, когда нефть была дорогой; затем, с точки зрения учёного, вследствие падения цены на этот ресурс произошла катастрофа, которая повлекла за собой крайне негативные события. Таким образом, М. Делягиним применён метод экстраполяции: показана тенденция развития событий, содержательно оформлен прогнозный фон – совокупность внешних факторов, влияющих или способных влиять на исследуемый объект или явление. Сразу за прогнозом в форме прескриптивного жанра наставления следует информация, отражающая возможность предотвратить катастрофические последствия: (учёный апеллирует к власти) *Минимум 50% налогов должно оставаться в регионах, как предусмотрено Бюджетным кодексом!* («ДС» № 5, 2016). Таким образом, в прогнозах предполагается анализ существующей ситуации, намечаются тенденции развития чего-либо и излагаются возможные действия.

4. Речевые особенности жанра прогноза в масс-медиа

Языковые средства, с помощью которых реализуется стратегия прогнозирования в СМИ, проанализированы в работе Н. С. Данковой и Т. В. Дубровской [8]. На материале российских и английских печатных СМИ (статьи о судебной власти) авторы выявили, что «грамматически стратегия прогнозирования реализуется формами будущего времени глагола и другими способами выражения будущего, такими как Present Continuous, *be going to*, Future-in-the Past, а также субъективным инфинитивным оборотом»; к лексико-грамматическим средствам языка, позволяющим реализовать стратегию прогнозирования, исследователи отнесли средства выражения деонтической и эпистемической модальности; к лексическим языковым средствам – лексические единицы с семой футуральности и лексику с семантикой планирования [8 : 96–97]. Мы же рассмотрим ряд языковых/речевых средств, используемых при прогнозировании, на основе нашего материала.

В печатных СМИ прогнозы используются как выражение личной позиции самого автора (журналиста, эксперта) или как обращение к чужому мнению. В качестве примера приведём личный прогноз советского и российского учёного Василия Симчеры: *При дальнейшем росте цен и тарифов, падении доходов угроза социального взрыва может достичь предельных значений через 3–5 лет* («АиФ» № 35, 2017). Выражая свою позицию, автор берёт ответственность за предсказание развития событий на себя. Обращение к чужому мнению обычно используется при аргументации и реализуется через цитирование. М. А. Кормилицина и О. Б. Сиротина отмечают, что во многих жанрах печатных СМИ (политический портрет, прогноз, аналитические статьи, комментарии) «доля конструкций, передающих чужую речь, приближается к 50 % от общего количества самостоятельных единиц текста» [11 : 64].

Чужие прогнозы оформляются как прямая, несобственно-прямая или косвенная речь. Прямая речь: (из письма главы «Опоры России» Александра Калинина) *«Кроме того, увеличение количества приобретаемого в рамках скидочных кампаний алкоголя может не приводить к увеличению его потребления, а лишь к более редкому приобретению в магазинах»*, – говорится в письме («РГ» № 108, 2017); *«Социальное неравенство у нас велико и, скорее всего, будет расти дальше. Если, конечно, социально-экономическая политика не изменится коренным образом»*, – уверен известный со-

ветский и российский учёный Василий Симчера («АиФ» № 35, 2017).

Несобственно-прямая речь: *Поскольку работа магазинов беспрошльной торговли является важным источником заработка российских аэропортов, падение их доходов может привести к росту стоимости авиабилетов*, писал Александр Калинин; *По мнению «Опоры России» запрет скидок на алкоголь может негативно сказаться и на продажах «живого» пива, сидра, пуаре и медовухи. Скидками ретейл стимулирует покупать подобные скоропортящиеся напитки, а если их не будет, то бизнес, неся финансовые потери, откажется продавать такие товары*, следует из письма Калинина («РГ» № 108, 2017); М. Делягин: *В Канаде я общался с канадскими и американскими специалистами. Такие пожилые дедушки, всё повидавшие. Они говорят: сейчас приватизацию проведёте, и Кудрин или Касьянов станет президентом России, так как вы отдадите Западу командные высоты своей экономики* («ДС» № 5, 2016). Изложение мнения главы организации или простых американцев посредством цитации становится эффективным средством речевого воздействия: прогноз становится более убедительным и приобретает большую воздействующую силу.

Косвенная речь: *Источники рассказали Коммерсанту, что Россия может сократить военное присутствие в Сирии* («АиФ-Москва», 30.10.2017).

Обратим внимание на разную степень категоричности при прогнозировании. Модальное слово *может* снижает степень категоричности, тогда как его отсутствие (см. цитату в речи М. Делягина) придаёт высказыванию беспелляционный и даже угрожающий характер. Снизить категоричность способны и глаголы со значением предположения, например, *предполагать*, *подозревать*: (председатель Комитета Совета Федерации по международным делам К. Косачев о реакции западных СМИ на выступление В. В. Путина). *Точно так же и сейчас, подозреваю, конструктивное содержание президентского выступления попытаются замолчать. А те тезисы, которые можно представить в качестве «подтверждений» агрессивности России, будут, наоборот, всячески преувеличены и выставлены на первый план* («АиФ» № 43, 2017).

Как уже отмечалось, прогноз обращён в будущее, поэтому при прогнозировании используются глаголы в будущем времени: *Минфин не станет поддерживать законопроект, заставляющий стимулировать продажу алкоголя с помощью скидок, промо-акций и бесплат-*

ного распространения в виде подарков («РГ» № 108, 2017). М. Делягин: *Сейчас мы живём в соответствии с социально-экономической политикой, позаимствованной из 90-х годов. И пока она не изменится, всё **будет** по-старому или ещё хуже* («ДС» № 5, 2016).

Однако возможны прогнозы и через описание ситуации в настоящем. Для этого используется настоящее расширенное время глаголов, которое позволяет не только отражать текущие события, но и намечать перспективу их развития, формируя жанровую форму прогноза: (ответ М. Делягина на вопрос *когда закончится кризис?*) *Россию **убивает** заимствованная премьером Медведевым из 90-х чрезмерно жёсткая финансовая политика, в рамках которой под предлогом борьбы с инфляцией искусственно **организуется** чудовищный «денежный голод», поощряющий спекулянтов и подавляющий реальный сектор. Малый бизнес **истребляется**, чтобы не мешал крупному: спрос **сжимается**, и на всех **не хватает*** («ДС» № 5, 2016).

Особую убеждающую силу прогнозы приобретают, если они сопровождаются использованием различных экспрессивных средств (в предыдущем примере это употребление негативной окрашенной лексики). Сделать прогноз более понятным и впечатляющим позволяет метафора: *Лидер «Справедливой России» Сергей Миронов считает, что финансовую систему страны надо срочно лечить. Иначе прожорливая банковская отрасль проглотит ещё десятки миллионов потенциальных заёмщиков* («ДС» № 5, 2016). Метафора позволяет увидеть то, чего следует ожидать и как надо себя вести [13]. Сопоставляя точки зрения на метафору российских и зарубежных исследователей, О. А. Солопова приходит к выводу, что «метафора является не столько риторическим приёмом, сколько особой познавательной моделью, с помощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и сотворяется» [4 : 54]. Из речи В. В. Путина на итоговой пресс-конференции 18 декабря 2014 г. во время работы международного дискуссионного клуба «Валдай»: *... мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? **Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания. Как только, не дай бог, это произойдёт, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибираться.** <...> **А потом,***

после этого, как только вырвут когти и зубы, тогда мишка вообще не нужен. Чучело из него сделают, и всё. Поэтому дело не в Крыме. Дело в том, что мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование. Вот это мы все должны понять (<http://rg.ru/2014/12/18/stenogramma-site.html>. Дата обращения 05.04.2016). Президент России с помощью метафоры описал настоящее и спрогнозировал возможный сценарий будущего: его высказывание воспринимается действительно как познавательная модель, в образной форме объясняющая политику России на современном этапе.

Нередко метафора используется в сочетании с другими экспрессивными средствами. В манипуляционном воздействии особую роль играют гиперболы: (из интервью А. Зиновьевой с М. И. Давыдовым – главным онкологом России): *Но больные люди не рожают здоровых детей, как известно. Мало того, **эти граждане с плохим здоровьем грузом лягут на плечи общества, так как полноценно работать они тоже не смогут. И наступит человеческий вакуум*** («МК», 2015; <http://www.mk.ru>).

Текст прогноза может быть основан на иронии (тактика дискредитации оппонента): (из интервью С. В. Лаврова) *Но сейчас такая ситуация в мире в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, **если будут опускать "железный занавес ненароком могут себе что-нибудь прищемить.** И на примере санкций и наших ответных мер это очень хорошо видно* (<http://tass.ru/politika/2452639>). Прогноз с использованием экспрессивных средств обладает большей степенью эмоциональности, лучше запоминается адресатом и в конечном итоге является приёмом убеждающего воздействия.

Заключение

Итак, мы рассмотрели прогноз как один из наиболее значимых современных речевых информационно-аналитических жанров, в основе которого методы экстраполяции, аналогии, сценариев: именно прогнозирование позволяет увидеть картину будущего, осознать те процессы, которые будут происходить в нём, предотвратить возможные негативные последствия этих процессов, создать модель (образ) нового мира.

Реализуя информационную функцию и функцию воздействия, СМИ, особенно в сфере политической коммуникации, используют прогнозы как один из инструментов влияния на массовую аудиторию. В отличие от гипотезы, прогноз не требует доказательств, и это

делает его не только информативно важным, но и подчас опасным жанром, порождающим домыслы, влияющим на мысли, чувства и действия массового адресата (см. примеры сенсационных заголовков).

Прогнозируют события обычно специалисты (эксперты), реже – журналисты. При этом стратегии и тактики у тех и других могут быть разные. Но в целом авторы прогнозов преследуют такие цели, как информирование читателя, воздействие на него; идеологическая борьба, борьба с оппонентами и др. Прогнозам свойственна оценочность (позитивные и негативные прогнозы).

Прогнозы могут использоваться как самостоятельные жанры, так и включаться в гипержанры на правах субжанров. На конкретном примере мы показали прогноз в жанровом континууме.

Жанр/субжанр прогноза в СМИ формируется с помощью различных средств разных уровней языка и речи. Предсказание связано с будущим, поэтому в прогнозах используются формы глаголов будущего времени или расширенного настоящего. От других жанров, где также используются эти грамматические средства, прогноз отличается тем, что в нём заключена мысль о вероятности события, явления и т. п., основанной на предположении, анализе чего-либо, предшествующем опыте и т. д.

Жанр прогноза может быть реализован как выражение личного мнения и как цитата, обладающая силой аргумента. При этом важны проявления категоричности; её степень определяется использованием особых языковых средств: глаголы *может, может быть*, вводные слова *вероятно, по всей видимости, возможно* и др. снижают категоричность прогноза, тогда как отсутствие этих слов – напротив, усиливает её.

Применяемые при прогнозировании экспрессивные средства (оценочная лексика, метафора, гипербола, ирония и др.) способствуют использованию прогнозов в качестве приёма убеждающего воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов К. В. Стратегическое планирование компаний с использованием метода Форсайт // Транспортное дело России. 2010. № 4. С. 24–25.
2. Martin B. Research Foresight and the exploitation of science base. L.: HSMO, 1993. 81 p.
3. Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra economicus. 2000. Т. 8, № 3, ч. 2. С. 7–17.
4. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование: разработка метамоделей // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2(36). С. 171–176.
5. Байкулова А. Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения) // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 31–39.
6. Байкулова А. Н. Инструментарий воздействия СМИ: гипотетические высказывания и их роль в речи политиков // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска: материалы междунар. науч.-практ. конф. (1–3 марта 2017 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 94–101.
7. Тертышный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с.
8. Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242), вып. 31. С. 90–97.
9. Брызгалова Е. Н., Шевелевский И. М. Прогнозирование как коммуникативная модель в деловом медиадискурсе (на материале «РБК») // Мир лингвистики и коммуникации. 2015. № 2. URL: http://tverlingua.ru/archive/039/04_39.pdf (дата обращения: 05.04.2016).
10. Кормилицына М. А. Причины возникновения коммуникативных рисков и способы их предупреждения в печатных СМИ // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. С. 28–47.
11. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ: учеб. пособие по курсу «Язык СМИ». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 92 с.
12. Карасик В. И. Затемнение смысла речи как коммуникативная практика // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска: материалы междунар. научно-практической конференции (1–3 марта 2017 г.). Саратов: ИЦ «Наука». 2017. С. 21–33.
13. Уздинская Е. В. Неудачные заголовки в современных печатных изданиях // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 86–105.
14. Kelling G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing, 2000. URL: <http://www.cityjournal.org/article01.php?aid=1577> (дата обращения: 23.02.2004).

REFERENCES

1. Mihajlov K. V. Strategicheskoe planirovanie kompanij s ispol'zovaniem metoda Forsajt [Strategic planning of companies using the Forsyte method]. In: *Transportnoe delo Rossii* [Transport business in Russia], 2010, no. 4, pp. 24–25 (in Russian).
2. Martin B. Research Foresight and the exploitation of science base. London, HSMO, 1993. 81 p.
3. Krjukov S. V. Forsajt: ot prognoza k formirovaniju budushhego [Foresight: from the forecast to the formation of the future]. *Terra economicus*, 2000, vol. 8, no. 3, p. 2, pp. 7–17 (in Russian).
4. Solopova O. A. Kognitivno-discursivnoe prognozirovanie: razrabotka metamodeli [Cognitive-discursive prediction: the development of a metamodel]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2011, no. 2(36), pp. 171–176 (in Russian).
5. Baikulova A. N. Persuazivnye prognozy i scenarii v massmedijnom politicheskom diskurse (funkcii i sredstva vyrazhenija) [Persuasive predictions and scenarios in massmedial political discourse (functions and means

of expression)]. *Medialingvistika* [Medialingvistika], 2017, no. 1(16), pp. 31–39 (in Russian).

6. Baikulova A. N. Instrumentarij vozdejstvija SMI: gipoteticheskie vyskazyvanija i ih rol' v rechi politikov [Instrumentation of media influence: hypothetical statements and their role in the speech of politicians]. In: *Mediakul'turnoe prostranstvo Rossii, Evropy i Severnoj Ameriki kak prostranstvo riska: materialy mezhdunar. nauchno-prakticheskaja konferencija (1–3 marta 2017, Saratov)* [Mediocultural space of Russia, Europe and North America as a space of risk: materials of the international. Scientific and Practical Conference (1–3 March 2017, Saratov)]. Saratov: ITs "Nauka", 2017, pp. 94–101 (in Russian).

7. Tertychnyj A. A. *Zhany periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 310 p. (in Russian).

8. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Strategija prognozirovaniya kak sredstvo reprezentacii sudebnoj vlasti v SMI (na materiale rossijskikh i anglijskikh gazet) [The strategy of forecasting as a means of constructing judicial power in the mass media (based on Russian and English Newspapers)]. *Nauchnye vedomosti. Ser. Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin. Humanities Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], 2016, no. 21(242), iss. 31, pp. 90–97 (in Russian).

9. Bryzgalova E. N., Shevelevskij I. M. Prognozirovaniye kak kommunikativnaya model' v delovom mediadiskurse (na materiale "RBK") (Prediction as a communication model in business media discourse (on the material of "RBC")). *Mir lingvistiki i kommunikacii* [The world of linguistics and communication], 2015, no. 2. Available at: http://tverlingua.ru/archive/039/04_39.pdf (Accessed 5 April 2016) (in Russian).

10. Kormilicyna M. A. Prichiny vozniknoveniya kommunikativnyh riskov i sposoby ih preduprezhdeniya v pechatnyh SMI [The causes of communicative risks and ways to prevent them in print media]. In: *Riskogennost' sovremennoj kommunikacii i rol' kommunikativnoj kompetencii v ejo preodolenii* [The risk of modern communication and the role of communicative competence in overcoming it]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016, pp. 28–47 (in Russian).

11. Kormilicyna M. A., Sirotinina O. B. *Jazyk SMI: ucheb. posobie po kursu "Jazyk SMI"* [Language of the media: tutorial for the course "Language of the media"]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2011. 92 p. (in Russian).

12. Karasik V. I. Zatemnenie smysla rechi kak kommunikativnaja praktika [Diminishing the meaning of speech as a communicative practice]. In: *Mediakul'turnoe prostranstvo Rossii, Evropy i Severnoj Ameriki kak prostranstvo riska: materialy mezhdunar. nauchno-prakticheskaja konferencija (1–3 marta 2017, Saratov)* [Mediocultural space of Russia, Europe and North America as a space of risk: materials of the international. Scientific and Practical Conference (1–3 March 2017, Saratov)]. Saratov, ITs "Nauka", 2017, pp. 21–33 (in Russian).

13. Uzdinskaja E. V. Neudachnye zagolovki v sovremennyh pechatnyh izdanijah [Unsuccessful headlines in modern prints]. *Problemy rechevoj kommunikacii* [Problems of speech communication]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2007, iss. 7, pp. 86–105 (in Russian).

14. Kelling G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing, 2000. Available at: <http://www.cityjournal.org/article01.php?aid=1577> (Accessed 23 February 2004).

Статья поступила в редакцию 28.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Баиколова А. Н. Прогноз как субжанр в печатных СМИ и их электронных версиях // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 286–293. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-286-293>

For citation

Baikulova A. N. Forecast as a Subgenre in Printed Media and their Electronic Versions. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 286–293 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-286-293>

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

Elena Yu. Viktorova
Saratov, Russia

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

POTENTIAL CAPACITY OF LINGUISTIC
CREATIVITY IN INTERNET
COMMUNICATION (BASED ON THE GENRE
OF SOCIAL NETWORKS)

В статье представлен анализ некоторых лингвокреативных приемов из постов русскоязычных пользователей социальной сети Фейсбук, профессионально связанных со словом (журналистов, лингвистов, литературных критиков, психологов, писателей и др.). Как самые популярные и эффективные приемы выделяются эрративы, приемы слитного написания и графического выделения, эллипсис, аббревиатуры, игра слов, словотворчество, английские вкрапления, заимствование английских моделей словообразования, литуративы. Отмечается, что игровой характер интернет-коммуникации часто основан на смене кода (языка, стиля, алфавита, формы речи), что создает в результате поликодовый дискурс. Языковая игра в интернете во многих случаях перестает восприниматься как игра и превращается в новую норму – «новую грамотность» со своим собственным графическим, лексическим, грамматическим и стилистическим стандартом, овладение которым может стать обязательным для каждого образованного человека.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, лингвокреатив, языковая игра, социальные сети, Фейсбук, языковая норма, поликодовость.

The article presents the analysis of some means of linguistic creativity in posts of Russian Facebook subscribers, professionally connected with the word (journalists, linguists, literary critics, psychologists, writers, etc.). Among the most popular and efficient devices there are erratives, graphic accentuation, joined-up words, ellipsis, abbreviations, puns, word creation, English inclusions, borrowed English word-forming models, lituratives. It is shown that the playful nature of the internet discourse is often based on code-switching (of the language, style, alphabet, speech register), and as a result a polymodal discourse is created. Language play in the internet in many cases may no longer be perceived as such and turns into a new standard – “new literacy” with its own graphic, lexical, grammatical and stylistical norms, and mastering them can become obligatory for every educated person.

Key words: internet communication, internet discourse, linguistic creativity, language play, social networks, Facebook, language norm, polymodality.

Сведения об авторе: Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения. Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: helena_v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

About the author: Viktorova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation Studies.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: helena_v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Введение

Жанровая система Интернета динамичная, сложная, многоаспектная и многоуровневая; в ее структуре выделяют гипержанры, жанры и субжанры. Одним из наиболее популярных в современном интернет-пространстве гипер-

жанров Интернета является жанр «социальная сеть» [1], который сложился непосредственно в Интернете, т. е. является первичным интернет-жанром (не путать с первичным речевым жанром) [2]. В последнее время появилось довольно много работ, посвященных исследо-

ванию этого и других жанров персонального интернет-дискурса (см., например: [3–5]).

Социальные сети многофункциональны: они ориентированы на интернет-опосредованное самовыражение и межличностное синхронное и асинхронное общение пользователей с целью формирования прочных социальных связей [6; 7]. Сложность жанра социальных сетей определяется в том числе их поликодовым и креолизованным характером. Поликодовость (о поликодовости как об отличительной черте всей современной коммуникации см. [8]) представлена частым кодовым переключением [9] и/или одновременной реализацией разных кодов – разных языков, кодовых систем, стилей, алфавитов, форм речи [6, 8]. Креолизованность социальных сетей возникает из сочетания в них текстовой и аудиовизуальной информации.

Материалы исследования

Исследование выполнено на материале постов русскоязычного сегмента сети Фейсбук (далее ФБ) и является результатом его регулярного двухгодичного (2016–2017 гг.) мониторинга. Авторами этих постов являются пользователи ФБ, профессионально связанные со словом – лингвисты, переводчики, литературные и кинокритики, психологи, писатели, журналисты. Это не просто грамотные носители литературного языка, противопоставленные, по терминологии Г. П. Нецименко, его рядовым пользователям [10], это люди, имеющие особое языковое чутье, языковой вкус, владеющие всеми формами и видами речи и, как можно было убедиться, обладающие хорошим чувством стиля и юмора.

Особенность сети ФБ состоит в том, что она является как площадкой для частной, межличностной коммуникации – для общения и развлечения, так и общественной площадкой для публичных профессиональных и социально-политических дискуссий. Таким образом, ФБ ориентирован на коммуникативные, информационные, политические, профессиональные, коммерческие, рекламные цели. Стремление к нестандартному самовыражению, присущее авторам ФБ, чьи посты стали объектом данного исследования, а также желание привлечь внимание читателя к своим постам и развлечь себя и его заставляет их придумывать новые, необычные способы использования языка, т. е. побуждает к лингвокреативности, которая реализуется главным образом через языковую игру (далее ЯИ).

Языковая игра в интернет-коммуникации

Игра, игровое начало и понятие «*homo ludens*» (человек играющий) становятся уни-

версальными понятиями XXI века [8]. Языковую игру в лингвистике связывают с размытием жанровых границ, канонов традиционного использования языка, речи, нарушением языковых, коммуникативных и речеповеденческих норм [8, 11–14]. Согласно Т. А. Гридиной, ЯИ является формой лингвокреативного мышления, в которой реализуется способность говорящего к намеренному использованию нестандартного языкового кода [15]. Н. В. Данилевская отмечает, что цель использования ЯИ – создание экспрессивного и в целом стилистического эффекта, нового, свежего образа и выражение комических смыслов [16]. А. П. Сковородников понимает ЯИ как сознательное, творческое, нестандартное использование языковых единиц и категорий для созданий высказываний, обладающих признаками неожиданности, оригинальности, иногда эксцентричности и эпатажности [12].

Д. Кристал, автор известной монографии «Язык и игра», пишет, что языковая игра случается, когда человек начинает манипулировать языковыми единицами, когда он делает с ними то, что в норме делать нельзя, т. е. он нарушает правила и пользуется языком для наслаждения, удовольствия развлечения, веселья, а не для передачи информации. Кроме того, при использовании в диалогической коммуникации [17] отмечается роль ЯИ в качестве средства гармонизации общения и усиления степени взаимодействия коммуникантов [18]. Однако, как показывают наблюдения, не всегда использование ЯИ ведет к созданию эстетического или комического эффекта: ЯИ может и иногда используется в ситуациях совсем невеселых как средство акцентуации, привлечения внимания к сообщаемому факту, часто негативному. Как пишет исследующая ЯИ в текстах СМИ А. Г. Илтунбаева, с ЯИ связано достижение желаемого перлокутивного эффекта и соответствующего прагматического воздействия [19]. Поэтому главным признаком ЯИ мы считаем нестандартность, ненормативность используемых в ней языковых средств и особое внимание к форме, игру с формой.

Как и в других сферах, ЯИ в интернет-коммуникации имеет свою функциональную специфику. Особенным является ее необычайная распространенность во многих, если не во всех (исключение составляют лишь сугубо деловые, официальные форматы), интернет-жанрах. Широкое распространение коммуникативного новаторства [20] в интернет-жанрах, по-видимому, можно связывать с свободой Интернета как явления современности в целом. Люди получили практически неограниченную свободу самовыражения, демонстрации своих языковых, коммуникативных способностей и культурного потенциала, возможность диало-

га, дискуссии, распространения своих мыслей, знаний, а вместе с тем и возможность играть, развлекаться, шутить.

Высокий лингвокреативный потенциал интернет-среды обеспечивается рядом ее важных, конституирующих признаков: иллюзорность интернет-пространства, высокая скорость продвижения коммуникации, ее интерактивный характер и неограниченность в использовании языковых средств [21]. Гибридный устно-письменный характер интернет-коммуникации способствует использованию многих приемов ЯИ. Так, с письменной формой связано стремление к эстетизации коммуникации, игра с формой, использование для ЯИ графических, шрифтовых возможностей интернет-сервисов. Разговорная лексика и синтаксис, использование сленга, нестандартной пунктуации, повышенная экспрессивность отражают устную сторону интернет-коммуникации.

Представляется, что свойственная интернет-коммуникации письменная фиксация речи дает возможность использования неограниченного времени для создания и редактирования текста, что усиливает креативный потенциал пишущего, а визуальное восприятие речи усиливает, обостряет интерпретацию написанного, позволяет прочитать текст сколь угодно количество раз, вникнуть в него, оценить креативное мастерство и новаторство автора. Это значит, что ЯИ в интернет-жанрах по определению должна быть более оригинальной, интересной и, что немаловажно, адекватно (полно и правильно) воспринимаемой по сравнению с ЯИ в устных жанрах речи. В этом сходство ЯИ в интернет-коммуникации и художественном дискурсе. Однако интернет-дискурс в отличие от художественного характеризуется намного более сильно выраженными, а также непосредственно и быстро реализующимися диалогичностью и адресованностью [14, 17]. Причем адресат в большинстве интернет-жанров, в том числе в социальных сетях, является вполне определенным: посты адресуются друзьям и подписчикам, а иногда и конкретным людям, и пишутся с учетом особенностей этой целевой аудитории. Интертекстуальный характер интернет-коммуникации позволяет использовать в качестве средств ЯИ огромный ресурс собранных в онлайн-копилке мемов, к которым присоединяются всевозможные прецедентные феномены, созданные в офлайне (из кинофильмов, ТВ-передач, рекламы, анекдотов и пр.) (Мемы, использованные в качестве ЯИ, к сожалению, в данную статью, не вошли.) Интертекстуальность способствует также популяризации и тиражированию многих и многих случаев ЯИ, которые в результате становятся элементами субнормы социальных сетей, чатов,

форумов и других интернет-жанров, а часто выходят и за пределы интернет-пространства: например, модные слова *типо; казбэ; ничосе; вапще; фигасе; карочи; ачотакова* и т. п.

Таким образом, интернет-коммуникация благодаря целому ряду своих признаков, описанных выше, просто создана для различных языковых новаторств. Нельзя не упомянуть и то, что исследуемый нами жанр социальных сетей, несмотря на многообразие решаемых ими задач, все-таки используется в основном для и во время досуга, поэтому пользователи с большим удовольствием проводят в них время, развлекаясь, экспериментируя с языком, устраивая различные лингвистические перформансы.

Языковая игра в социальных сетях

В социальных сетях ЯИ становится еще более интересной и яркой потому, что в подавляющем большинстве общаются в них, в отличие от чатов и форумов, реальные люди под реальными именами. Кроме того, возможность общаться внутри созданных групп, оставлять комментарии, реагировать на посты, вступать в дискуссию, предлагать свои мнения и т. д. дает возможность использовать ЯИ как средство демонстрации солидарности, общности со своими единомышленниками.

Цели ЯИ в социальных сетях многочисленны [22–24]. Однако их, вероятно, можно свести к двум основным: 1) оказание воздействия на читателя (манипуляция его сознанием, привлечение внимания, сокращение дистанции между автором и читателем, создание доверительной атмосферы общения, развлечение читателя); 2) авторская самопрезентация (возможность самоидентификации, оттачивание навыков остроумия, создание собственного идиостиля, эмоциональное самовыражение). В данной статье речь пойдет о тех приемах ЯИ, которые являются наиболее популярными в проанализированном материале сети Фейсбук и которые показались нам наиболее интересными и удачными.

Самым простым способом поучаствовать в ЯИ является, на наш взгляд, использование различных графических и шрифтовых возможностей компьютерного письма: например, для акцентирования отдельной буквы, слова или нескольких слов используют прописные буквы. Отрывок из поста режиссера Игоря Копылова, чей сериал «Крылья Империи» сняли с эфира Первого канала (здесь и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация оригинала): *Жаль, что не удалось достучаться до сердец тех, для кого я снимал это кино. До сердец зрителей. Я недооценил многое!!!! НО.... если бы у меня была возможность вер-*

нуть все назад то я **НЕ ИЗМЕНИЛ БЫ НИЧЕГО!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!** Ни кадра, ни строчки, ни ноты, ни артиста. **НИЧЕГО!!!!!!!!!!** В комментариях коллеги и поклонники режиссера подхватывают использованный им прием: *Игорь понимаю как тебе должно быть больно, но мы С ТОБОЙ! Ты большой молодец, а что канал так поступил, это лишний раз показывает ЧТО ТАКОЕ СЕГОДНЯ ПЕРВЫЙ КАНАЛ! Не отчаивайся!* Иногда такие выделения могут вызывать удивление читающих. Комментарий к посту о том, что мужчины чаще женщин бросают своих детей-инвалидов или супругов-инвалидов: **Клуб ФЕМИНИСТОВ тут?** Следующий комментарий: *Что вдруге капслоком?*

Еще одним графическим способом выделения слова является разбивка его на слоги и использование дефиса между слогами, как в следующем посте: *Почему дорогие россияне на посадке в аэропорту так яростно сражаются за право войти в самолёт первыми?! По-че-му?! Ведь никто не прилетит раньше ни на миг!* В следующем посте разделенное на слоги слово содержит намеренные орфографические ошибки, что позволяет его рассматривать в рамках особого лингвокреативного приема, пользующегося широчайшей популярностью среди авторов социальных сетей и других жанров интернет-дискурса – слова-эрративы (от лат. *errare* – ошибаться): *Расскажите, пожалуйста, как делать вебинары. Микрофон надо покупать неприличных размеров? Как деньги там платятся? Куда? <...> Кто у меня еще должен быть в команде, какой технический человек? Па-ма-зи-ти.* Использование сразу двух приемов ЯИ превращает данную словоформу в настоящий призыв о помощи (никакая дополнительная акцентирующая пунктуация, что интересно, не используется).

Эрративы – слова, содержащие нарочитое, намеренное нарушение нормы. Как справедливо указывает Г. Ч. Гусейнов, эрративы – это удел грамотных. Их использование главным образом связывают с тонкой, непрямой демонстрацией иронии, самоиронии, насмешки, режесарказма [25]. Выделяются графические, фонетические, семантические и грамматические эрративы. В нашем материале большинство эрративов орфографические и фонетические, в написании ориентирующиеся на звучание или играющие со звучанием: *понимаиш; гармонизъм; жолтый; жырненькая; ящетаю; ашыпка, инторнеты; спицальна; литсо; песТня; в аэропуэрто Пулково; тцорт; чорд; февочка; фулюганил.* Один из авторов ФБ любит использовать эрративы для именования людей разных профессий: *диванные войны; куленары; Дом учоных*, что, на наш взгляд,

является демонстрацией иронического отношения к этим профессиям или занятиям. Эрративы могут возникать и как саркастическая реакция на безграмотность. В ФБ была опубликована фотография, на которой изображены пасхальные куличи в упаковках в магазине и рядом с ними объявление: *Уважаемые покупатели! Вся продукция ОСВЕЩЕНА.* Автор публикации, подыгрывая авторам объявления, сопровождает фото репликой: *Фанарем и пражектором.* Некоторые из приведенных эрративов являются отголосками популярного в конце 1990-х – начале 2000-х годов провокационного и шокирующего языка «падонков» или «о(а)лбанского» языка, ставшего, по словам Н. Г. Шаповаловой, эстетическим оформлением бунта нового «компьютерного» поколения против обыденности, рутины и ограничений, против общепринятого мнения большинства [26]. Тем не менее, подавляющее большинство выявленных эрративов являются собственным творением авторов, а не частью какой-то искусственной языковой системы.

Семантические эрративы менее частотны, поскольку, видимо, требуют большей фантазии и языковой интуиции от авторов. Это в основном случаи нестандартной грамматической или лексической сочетаемости слов, например: *Сильно платный автобан в Европе; Чудовищно вкусные солянки попадают-ся в самых непрезентабельных местах; Эту марку я знаю и очень иногда что-то там покупаю на финальных распродажах – ну дорого потому что мне; Надо срочно запускать кампанию в сетях! Я готова поучаствовать! В свободное от причинения добра клиентам текущего бизнеса, ибо это добро уже оплачено и брошено в воду)))*.

Выявленные примеры ЯИ в собранном материале отчетливо демонстрируют проявление некоторых принципов организации высказывания в интернет-дискурсе, а именно избыточности и экономии [20]. Принцип экономии представлен общепринятыми для интернет-коммуникации сокращениями, обусловленными как экономией мышечных усилий при нажатии клавиш гаджетов и маленькими размерами их экранов, так и стремлением к необычности самовыражения: *норм, кста, нра, не нра, не зна, обожа, кмк, сег, пжлста, спс, оч, апд*, а также относительно новым явлением эллиптической природы, связанным с опущением, например, глагола или существительного после частицы *не*. Такие примеры многочисленны: *Если в этих выборах участвует дочь бывшего начальника президента, то почему в следующих не может участвовать дочь президента. Не вижу никаких причин, чтобы не;* комментарий: *не поспоришь. вы юрист. хоть вы и не*, ответ: *Абсолютно не;* афиша

лекции литературного критика Г. Юзефович, опубликованная и скорее всего и придуманная ею: *Нобелевская премия по литературе: кому, за что и почему не*.

Помимо безглагольного *не* к эллиптическим случаям ЯИ, видимо, можно отнести следующие интересные реплики: финальная фраза поста *простите если кого* (опущен глагол *обидел*); обращение в начале поста на английском языке (остальной текст по-русски) *to whom it may* (опущен глагол *concern* в клише, используемом для начала официального письма); поздравление с прошедшим днем рождения: *Happy belated!* (опущено слово *birthday*); пост о витаминах для детей: *Рассказываю про то, что на фото: вверху розовеет баночка с витаминами для девочек в предпубертатном возрасте – так и называется длинно, да) предпубертат – у меня две внучки сейчас в нем, вот им и* (вероятно, опущено *нужно / подойдет / заказала*).

Экономят пользователи социальных сетей свои усилия и в отношении знаков пунктуации: обычным является опущение точек, запятых, вопросительных знаков. Прописные буквы в начале предложения часто заменяются строчными.

Что касается принципа избыточности, то он реализуется в частом повторении букв, как правило, гласных, для создания экспрессивного эффекта и придания этим репликам «звучания»: *ващеееее, вооооот, ооооокей, тааааак, оххх печальноооо; м-м-м-мягонькая моя радость...* (прилагается видео про кота).

Примеры настоящего словотворчества – создания новых слов и форм слов – встречаются в социальных сетях крайне редко, что неудивительно, поскольку это действительно редкий дар пишущего – придумать новое слово, которое привлечет внимание читателя, и, что часто бывает, создаст комический эффект. Журналистка об интервью с пластическим хирургом: *Мне интереснее всего было как он реагирует на несовершенство. Еще я спросила, как же ему тяжело, должно быть, с девушкой. Они же все стареют, морщуют, прыщи у них, не знаю там*. Другие примеры словотворчества: *В общем врачи как всегда негодяйствуют; Мои знакомые называют детскую комнату, где живёт их шестилетний сын, очень метким словом – сынарник*.

Словотворчество может быть связано не только с созданием нового слова или формы слова, но и с оригинальным, нестандартным написанием слова, обыгрывающим его значение и, безусловно, придающим ему новые семантические и коммуникативно-прагматические смыслы, создающим эффект многослойности содержания высказывания.

Приведем в пример отрывок из объявления об открытии нового эзотерического сайта: *На сайте будет и Школа юного Волшебника, и несколько переводов интересных текстов на английский, немецкий, польский, литовский и даже арабский:) – действительно стремлюсь к об-Единению и людей, и стран*. Не менее интересен, да и просто уникален по своему замыслу и решению пример из поста с реакцией на последние события в мировой киноиндустрии: *По словам только что приехавшего из Голландии Олега Кулика, там повсюду, в громадном числе кинотеатров, идут фильмы с Кевином Спейси. Молодцы голландцы. Тошнит уже от этой исто(е)рии*.

Встречаются в ФБ и примеры удачной ЯИ, связанные с игрой слов. Пример из комментариев, в которых обсуждают плюсы и минусы благоустройства улицы Рахова в г. Саратове: *Я понимаю, что это всё лирика, но именно из неё состоит малая (если не сказать мизерная, но другой у нас нет) родина*. В следующем примере комический эффект создается за счет соседства двух противоположных по значению предлогов (*за* и *против*); в посте обыгрывается выдвижение К. Собчак в президенты в качестве кандидата «против всех»: *Я за против всех! По-человечески, вот чисто по-человечески, Ксения Собчак поступила некрасиво. Не потому что выдвинулась, а потому что врала, что не станет этого делать. Врать – плохо. А вот во всем остальном получилось смешно*. Приведем шуточный пример игры слов: *Узнал, что кто-то назвал меня шоуменом. В связи с этим решил обзавестись кордебалетом*. Комментарий: *Могу обеспечить кардио балет! Отдышку (орфография сохранена! – Е. В.) и громкий кашель гарантирую*.

Одним из наиболее интересных средств ЯИ являются голофрастические конструкции. Голофразис (холофразис) – графический прием, объединяющий несколько слов в одно путем ликвидации пробелов. Различают слитные голофрастические конструкции и полуслитные (написанные через дефис) [27]. Мода на такое написание началась, видимо, еще в рамках «олбанского» языка. На современном этапе развития интернет-речи слитно часто пишут различные устойчивые фразы, такие как междометные восклицания (*господибожемой; щасумру; ойфсё; отвалбашки*), дискурсивные реплики и союзы: *чоуш (что уж); ачотакова (а что такого); всеакоз (все такое); патамушта (потому что); есличо (если что); штоле (что ли); итогдалие (и так далее); ящетаю (я считаю); отыменно (вот именно); вощем (в общем)* (о приемах ЯИ в дискурсивах

см. [28]). В большинстве этих примеров голофрагизм сочетается с эрративной ЯИ.

Однако наибольший эффект вызывают авторские, индивидуальные примеры голофрагизма, когда такой прием придает реплике новый смысл, часто насмешливый, иронический, пренебрежительный. Примеры из постов врача-педиатра, который с помощью такого приема демонстрирует свое отрицательное отношение к некоторым методам лечения, применяемым родителями или другими медиками: *чтобынебылоотекавинке; чтобынебылоаллергии; дляконтролядинамики*. Еще примеры подобного употребления: *Вот есть у них, как и у нас, острая проблема гипердиагностики и неверной тактики большинства врачей при подозрении на герпесвирусные инфекции. Но они не ноют в соцсетях «как же плохо, что коллеги не читают гайды, божжекакучушьони несут»* (как это обычно делаю я) *а просто берут и записывают большой вебинар по актуальным подходам к этой проблеме с позиций современной медицинской науки; Не удивляйтесь, если вы несколько раз звонили спросить про прыщ на ягодиче (который не беспокоит ребёнка, нояжепереживаю)*, или хамил мне, а потом я перестал брать ваши звонки.

Кроме того, слитное написание характерно для так называемых хештегов: *#Янебоюсьсказать; #ItWasMe; #Metoo*. Подобное, в манере хештега, написание встречается и в постах ФБ; особенно популярными являются лозунги *яжемать, тыжемать, тыжеженщина*, ставшие интернет-мемами.

Как можно видеть из вышеприведенных примеров ЯИ, многие случаи нестандартного использования языка связаны с внедрением в текст чего-то инородного: заглавных букв в строчные, орфографической ошибки в целом безошибочный текст, слитное написание двух-трех слов в обычно написанную фразу. В восприятии таких приемов играет роль и эффект неожиданности, и эффект необычности, и, возможно, эффект эмоционального восприятия – положительного (автор заставил улыбнуться), а иногда отрицательного (протест против ошибок или чего-то нового, непонятного, неприемлемого), что в комплексе способствует привлечению внимания к посту и его содержанию, не дает пройти мимо. Применение приемов ЯИ обеспечивает создание гетерогенного, маркированного текста с использованием смены языкового кода, т. е. поликодового текста.

Особо ярко и недвусмысленно гетерогенность текста ощущается при использовании в нем иноязычных, в основном англоязычных, элементов. И этот прием является одним из самых эффективных и притягательных при-

емов ЯИ, хотя вызывает протесты среди лиц, не владеющих иностранными языками. Английские вкрапления могут быть осуществлены двумя способами: транслитом (русскими буквами – *амбассадор красоты; стори оф май лайф; ссылка на пруф в СМИ; онли; сэнкью*) и собственно оригинальным написанием (английскими буквами). В посте литературного критика Г. Юзефович встречается оба таких способа: *Вау, брейкинг ньюз! Коллеги из «Альпины» сообщают, что привозят на ярмарку «Нон-фикшн» Оливера Стоуна собственной персоной! 29 ноября, в 15.00 будет рассказывать, как он дошел до такой жизни, чтобы интервьюировать Путина. Мне кажется, это прямо must-must.* В следующем примере помимо английских вкраплений использован еще и игровой прием аллитерации: *Чота все шумят про сериал «Спящие». Я не смотрю сериалов (только совсем старые из коллекции ВВС) и совсем не сразу понял о чём вообще спич, скотч и сэндвич.* Еще подобный пример: *Вот есть люди, с которыми ты общаешься, и у тебя хорошее чувственное понимание возникает. Коннекшн. В основном с девушками почему-то так бывает. А бывает и наоборот (с мужчинами у меня зачастую), что вроде потрепать языками интересно, но вот этой самой коннекшн пресловутой нету.* Здесь английское слово автор не склоняет, т. е. для него оно все-таки нерусское, несмотря на кириллицу. А вот в следующем примере автор применяет к английскому вкраплению русское окончание множественного числа: *Его камбеки говорят о многом* (речь о семейной ситуации ухода-возвращения мужчины).

Примеров с оригинальным написанием английских слов тоже довольно много: *На этой неделе – два reader friendly русских романа; Я читаю довольно много нон-фикшна – в фоновом режиме и как правило в виде guilty pleasures* (в смысле, не строго по работе как бы). Автор предпочел использовать английские фразы, возможно потому, что перевести эти сочетания на русский довольно проблематично, получается слишком длинно для краткого сообщения и не так эффективно. Другие непростые для перевода примеры подобного рода: *perfect timing; я вся lady-style; guess what; come on.*

Особый комический эффект возникает от смешения двух языков в одном словосочетании или устойчивой фразе: *ну камон, гайз; how же very nice; люблю тебя форевер; пуркава бы не па?*

ЯИ рождается не только от вкрапления иноязычной лексики, но и от использования морфологических и словообразовательных моделей, типичных для иностранного

языка, но новых для русского. Например, в ФБ встречается заимствованная из английского модель образования определения, когда в качестве определения используется словосочетание, написанное в манере полуслитной голофрастической конструкции. Пример из поста об инциденте в театральном училище: *В лучших традициях обличительных комсомольских собраний тот же, с позволения сказать, «педагог», сидящий в президиуме, стал высокопарно, естественно, с позиций своего **позволяющего-ему-абсолютно-все-даже-хамство** опыта говорить, что это «он их еще пожалел», что они, вообще, не актеры, что ничего не понятно, что они оскорбили самое святое – зрителей, а также его маму, женщин, его лично.* Пример из поста журналиста С. Пархоменко: *Если бы среди американских журналистов было побольше людей, которые действительно в курсе, что в последние три года происходит в России, то обнаружив это «**МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ!**» в виде политического лозунга **вдруг-откуда-ни-возьмись** возникшей и бурно распространившейся по фейсбуку группировки борцов за независимость Техаса, они бы хоть вздрогнули и насторожились.*

Одним из самых эффектных, но и самых сложных для восприятия приемов ЯИ являются литуративы – зачеркивания части текста. Такой прием появился вместе с появившейся технической возможностью его исполнения: *вот как спать натошак? тут иной раз и не натошак думаешь, ну чтоб такого еще съесть **чтобы похудеть**; Человек двадцать лет лечил болезни позвоночника, и вышел на уровень?б?о?г? когда знает как и чем сам пациент может купировать боль, и даже предотвратить; витаминные комплексы у толковых производителей бывают мужские и женские. отличаются они? **примерно как м и ж туалеты** не так чтоб разительно, но отличаются; **Замесила баба тесто для колобка** Пожарила я куриную печенку, выключила газ и пошла работать. Больше мы с этой печенкой не встречались. Ушла наверно (из комментариев становится понятно, что в этой истории собачий след).*

Литуративы (от лат. *litura* – зачеркивание) – модная интернет-забава, популярный прием, используемый современными интернет-пользователями для развлечения себя и читателя. Автор термина и первым исследователем этого нового явления является Г. Ч. Гусейнов, который считает использование этого приема ироническим развитием традиции подтекста. Зачеркнутую часть сообщения нужно читать обязательно: именно в ней находится основное значение сообщения и именно она создает

эффект смысловой многослойности. Литуративы «значительно обогащают языковую ткань любого сообщения и разнообразят фактуру текста» [25]. Отношения между той частью текста, которую зачеркнули, и той, что осталась, могут быть разными: ассоциативные; отношения реальности / нереальности, идеальной ситуации / реальной ситуации; отношения, основанные на эффекте обманутого ожидания и т. д. Исследователь М. А. Булавина пишет: «Итоговый текст с литуративом – это результат мнимой интеллектуальной или эмоциональной рефлексии типа “На самом деле я хотел сказать это, но по здравому размышлению скажу вот это”». Мнимой, т. к. автор намеренно демонстрирует оба варианта, ибо хотел сказать и это и это одновременно, и в этом правила и суть игры» [29 : 45].

Однако все-таки самым революционным и весьма редким (за время наблюдения встретился лишь дважды) приемом ЯИ следует признать перевернутое письмо. Один из таких примеров – пост писателя Д. Драгунского, в котором он пишет о необычности и эффектности такого метода письма:

*‘иэт qшеәихивiqә и qшехе шлвбд ллрқә әәә в
‘qshibavenәdәи әәәә қлбсәәф ‘iqshәәәи и
iqshәәә ‘илинқ әиқәш шәә qшеәәәәи ‘әәәәә
әәәәә и хдәәә ләинә ‘wodәnew wиқәш шәә
qшеәәәи ‘әәәәәи ‘и qшеәәәи wәqshihәә
әәәәәәәи әәәәәи шәә
‘әәәәәәи qәәәәәи әәәәә
‘әәәәәәи ‘иәәәәи ‘әәәәәи wиқәшәәәи qшеәәәи
әәәәәәи qәәәәәи*

Заключение

В последние десятилетия благодаря развитию интернет-технологий и появлению интернет-жанров, в которые буквально с головой окунулись миллионы людей, многие из которых никогда раньше активно письменной речью не пользовались и в роли авторов письменных высказываний не выступали, ЯИ получила небывалую популярность, стала еще более разнообразной, привлекательной и весьма изощренной и, что называется, шагнула в массы. Наверное, нет ни одного интернет-пользователя, который хотя бы раз в жизни не поддавался искушению поставить смайлик, использовать широко распространенные аббревиатуры (типа *ок, имхо, спс, плжста*) или не опускал бы знаки препинания или заглавные буквы (об уже конвенциональном использовании английских сокращений *и (you), msg (message), wanna (want to), 4u (for you); 2day (today)* и др. в большинстве жанров неформальной онлайн-коммуникации и появлении особой электронной грамматики (e-grammar) см. [30]). Использование

некоторых средств ЯИ становится нормой – «новой грамотностью» (термин Е. Г. Елиной и М. А. Фризен, который был использован в их докладе на Международной научной конференции «Жанры речи и "Жанры речи"», Саратов, 27–29 ноября 2017 г.), хотя, на взгляд многих, такая норма совершенно неграмотна. Но в интернет-коммуникации именно она является и уместной, и правильной. Вполне вероятно, что в скором времени к обязательному перечню речевых форм, стилей и регистров, обязательных для овладения каждому образованному человеку (особенно тому, кого мы считаем относящимся, по О. Б. Сиротининой, к полнофункциональному типу речевой культуры [31]), будет добавлено владение стилистическими и грамматическими нормами онлайн-коммуникации.

В этой «новой грамотности» многие видят угрозу для языка, однако, думается, что метаязыковая рефлексия, лежащая в основе лингвокреатива, напротив, через расшатывание нормы (и языковой, и когнитивной), через всевозможные языковые и речевые новаторства, через усложнение формы и уход от ее буквального прочтения ведет к расширению языковых и коммуникативных возможностей, к новому взгляду на действительность и на язык, помогает быстрее достичь взаимопонимания и найти единомышленников и тем самым, безусловно, обогащает наш коммуникативный опыт.

В результате появления «новой грамотности» в интернет-дискурсе многие, в том числе представленные в этой статье, традиционные игровые приемы перестают восприниматься как ЯИ, а становятся обычными, стандартными, общепринятыми словами, выражениями, способами использования пунктуации, шрифта и графики. Особенно ярко восприятие чего-либо как нормы или ненормы обнаруживается в интернет-коммуникации представителей разных поколений. Если представители старшего поколения, носители традиционной нормы, просто перенесли в свой интернет эту норму целиком, то молодежь создала новую норму и воспринимает речь своих родителей в Интернете как нечто старомодное, неуместное, а иногда и надменное, агрессивное. Такое, в частности, впечатление складывается у англоязычных молодых людей из-за следования их родителями традиционным нормам пунктуации: например, в использовании точек [32] (Как показал опрос российских студентов-лингвистов, их отношение к точкам в неформальном интернет-общении сугубо отрицательное: точка в конце предложения, особенно короткого, воспринимается как сигнал раздражения, высокомерия, злости.)

Возможно, следует разграничивать ЯИ в Интернете и ЯИ за пределами интернета: то, что ненормативно в офлайне, в онлайн может быть нормой, т. е. критерии определения ЯИ в этих сферах должны быть разными. Однако определить границы этой нормативности очень сложно, если вообще возможно, учитывая, что нормы онлайн и офлайн часто пересекаются и смешиваются, а новые нормы интернет-среды все активнее выходят за ее пределы, особенно в жанры медиасферы и рекламы, что, правда, не всегда бывает уместно. Кроме того, в Интернете из-за мгновенного распространения чего бы то ни было и возможности такого же быстрого тиражирования чужой ЯИ невозможно отследить, является ли данная ЯИ действительно оригинальной (первичной) или воспроизведенной, повторенной за кем-то (вторичной). Тем не менее лингвокреативный компонент интернет-жанров проявляется все сильнее и ярче, приемы ЯИ становятся все изощреннее и тоньше, и, возможно, именно ЯИ потенциально может стать основой создания новых интернет-жанров.

Естественно, все представленные в этой статье приемы ЯИ ограничены исследованным материалом и, соответственно, их авторами, а также объемом статьи. Возможно, на другом материале в других социальных сетях и в других интернет-жанрах будут обнаружены новые способы лингвокреативного самовыражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И., Жигалина Е. А.* Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 105–124.
2. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 256 с.
3. *Шурина Ю. В.* Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–168.
4. *Митягина В. А., Сидорова И. Г.* Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 105–115.
5. *Горошко Е. И., Полякова Т. Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
6. *Щиткина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
7. *Марченко Н. Г.* Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект: автореф. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. 20 с.
8. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве. М.: ЛЕНАНД, 2017. 232 с.
9. *Androutsopoulos J.* Code-switching in computer-mediated communication // Handbook of the Pragmatics of

CMC / eds. S. C. Herring, D. Stein, T. Virtanen. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 667–694.

10. Нецименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

11. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. С. 39–54.

12. Сковородников А. П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения / ред. А. П. Сковородников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 50–62.

13. Jones R. Introduction: Discourse and creativity // Discourse and creativity / ed. by R. Jones. Harlow, UK: Pearson, 2012. P. 1–13.

14. Интернет-коммуникация как новая речевая форма / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.

15. Грдина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 253 с.

16. Данилевская Н. В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. URL: <http://enc-dic.com/stylistic/Jazkovaia-igra-160/> (дата обращения: 09.12.2017).

17. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 96–104.

18. Crystal D. Language play. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 248 p.

19. Илмунбаева А. Г. Языковая игра как средство выражения антропоцентричности языка деловой прессы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 226 с.

20. Сорокина Т. А. Дискурсивная организация русскоязычной технически опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 20 с.

21. Danet B., Ruedenberg-Wright L., Rosenbaum-Tamari Y. “HMM...WHERE’S THAT SMOKE COMING FROM?” Writing, Play and Performance on Internet Relay Chat. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00195.x/full> (Accessed 09.12.2017).

22. Якоба И. А. Языковая игра в интернет-коммуникации. URL: <http://gisap.eu/ru/node/7617> (дата обращения: 10.11.2017).

23. Каллистратидис Е. В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. 296 с.

24. Плисецкая А. Д. О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 83–92.

25. Гусейнов Г. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 10.11.2017).

26. Шаповалова Н. Г. ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 403–411.

27. Ковынева И. А. Голофрагис как способ словообразования в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 175 с.

28. Викторова Е. Ю. Дискурсивы и языковая игра (на материале текстов сети Фейсбук) // Личность – язык – культура: материалы VI Междуна. науч.-практ.

конф. (Саратов, 22–24 нояб. 2017 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 14–23.

29. Булавина М. А. Зачеркивание как один из приемов языковой игры в интернет-коммуникации // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 1. С. 45–52.

30. Herring S. C. Grammar and electronic communication // Encyclopedia of Applied Linguistics / ed. by C. Chapelle. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2012. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/herring/e-grammar.2011.pdf> (Accessed 10.12.2017).

31. Сиротина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 240–248.

32. Crystal D. On the reported death of the full-stop / period. URL: <http://david-crystal.blogspot.ru/2016/06/> (Accessed 09.12.2017).

REFERENCES

1. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual’noe Zhanrovedenie: ustoiavsheesia i spornoe [Virtual genre studies: accepted and controversial]. *Uchenye zapiski Tavri. nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsial’nye kommunikatsii* [Proceedings of Tavria National Un-ty. Ser. “Philology. Social Communications”]. 2011, vol. 24 (63), no. 1, part 1, pp. 105–124 (in Russian).

2. Rogacheva N. B. *Struktura i funktsionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Structure and use of secondary Internet speech genres (based on Russian and English languages)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 256 p. (in Russian).

3. Shchurina Iu. V. Zhanrovoe svoeobrazie sotsial’noi seti Instagram [Peculiarities of the genre of social networks ‘Instagram’]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1 (13), pp. 156–168 (in Russian).

4. Mitiagina V. A., Sidorova I. G. Zhanry personal’nogo internet-diskursa: kommunikativnye eksplikatsii lichnosti [Genres of personal Internet discourse: communicative explications of the personality]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2 (14), pp. 105–115 (in Russian).

5. Goroshko E. I., Poliakova T. L. K postroeniiu tipologii zhanrov sotsial’nykh medii [On constructing a typology of social media genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 2 (12), pp. 119–127 (in Russian).

6. Shchipitsina L. Iu. *Zhanry komp’uternoposredovannoi kommunikatsii* [Genres of Computer Mediated Communication]. Arkhangel’sk: Pomorskii universitet, 2009. 238 p. (in Russian).

7. Marchenko N. G. *Sotsial’naia set’ “Vkontakte”: lingvopragmaticheskii aspekt* [Social network “Vkontakte”: lingvopragmatic approach]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2013. 20 p. (in Russian).

8. Cherniavskaia V. E. *Tekst v medial’nom prostranstve* [Text in the Medial Context]. Moscow, LENAND Publ., 2017. 232 p. (in Russian).

9. Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication. In: *Handbook of the Pragmatics of CMC*. Eds. S. C. Herring, D. Stein, T. Virtanen. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 667–694.

10. Neshchimenko G. P. Dinamika rechevogo standarta sovremennoi publichnoi verbal’noi kommunikatsii: problemy, tendentsii razvitiia [Dynamics of the speech norm in public verbal communication: problems, development

tendencies]. *Voprosy iazykoznanii* [Issues of Linguistics], 2001, no. 1, pp. 98–132 (in Russian).

11. Zemskaia E. A., Kitaigorodskaya M. A., Rozanova N. N. *Iazykovaia igra* [Language Play]. In : *Russkaia razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 39–54 (in Russian).

12. Skovorodnikov A. P. Ob opredelenii poniatia «iazykovaia igra» [To the definition of 'language play']. In : *Igra kak priem tekstoporozhdeniia* [Play as a device of text advancement]. Krasnoarsk: Sib. feder. un-t, 2010, pp. 50–62 (in Russian).

13. Jones R. Introduction: Discourse and creativity. In : *Discourse and creativity*. Harlow, UK, Pearson, 2012, pp. 1–13.

14. *Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia* [Internet Communication as a New Speech Formation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016. 328 p. (in Russian).

15. Gridina T. A. *Iazykovaia igra v khudozhestvennom tekste* [Language Play in Literary Text]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2012. 253 p.

16. Danilevskaia N. V. *Iazykovaia igra* (Language Play). In : *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* (Encyclopedic Dictionary of Russian Stylistics). Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. Available at: <http://enc-dic.com/stylistic/Jazkovaja-igra-160/> (Accessed 09 December 2017).

17. Kolokol'tseva T. N. Dialogichnost' v zhanakh internet-kommunikatsii (chat, forum, blog) [Dialogueness in Internet genres (chat, forum, blog)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2, pp. 96–104 (in Russian).

18. Crystal D. *Language play*. Chicago, University of Chicago Press, 1998. 248 p.

19. Iltunbaeva A. G. *Iazykovaia igra kak sredstvo vyrazheniia antropotsentrichnosti iazyka delovoi pressy* [Language play as a means of expressing the anthropocentric nature of the business press discourse]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2016. 226 p. (in Russian).

20. Sorokina T. A. *Diskursivnaia organizatsiia russkoiazychnoi tekhnicheskoi oposredovannoi kommunikatsii* [Discourse organization of Russian technically mediated communication]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2013. 20 p. (in Russian).

21. Danet B., Ruedenberg-Wright L., Rosenbaum-Tamari Y. "HMMM...WHERE'S THAT SMOKE COMING FROM?" Writing, Play and Performance on Internet Relay Chat. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00195.x/full> (Accessed 09 December 2017).

22. Iakoba I. A. *Iazykovaia igra v internet-kommunikatsii* (Language play in internet communication). Available at: <http://gisap.eu/ru/node/7617> (Accessed 10 November 2017) (in Russian)..

23. Kallistratidis E. V. *Iazykovaia igra v neformal'noi internet-kommunikatsii* [Language play in informal internet communication]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2013. 296 p. (in Russian).

24. Plisetskaya A. D. O iazykovykh i ritoricheskikh strategiiakh vyrazheniia otsenki u pol'zovatelei sotsial'noi seti Feisbuk [On language and rhetoric strategies of expressing assessment in the social network Facebook]. In : *Sovremennyi russkii iazyk v internete* [Modern Russian in the internet]. Moscow, Yazuki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014, pp. 83–92.

25. Guseinov G. *Nepolnaia kommunikatsiia v blogosfere: errativy i liturativy* (Incomplete communication in blogosphere: erratives and lituratives). Available at: <http://speaker.ru/gg/litulative.htm> (Accessed 10 November 2017).

26. Shapovalova N. G. ORFO-art: karnaval'noe obshchenie v virtual'noi real'nosti [Orthoart: carnival communication in virtual reality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Iss. 5. Saratov, ITs "Nauka", 2007, pp. 403–411 (in Russian).

27. Kovyneva I. A. *Golofrazis kak sposob slovoobrazovaniia v russkom iazyke* [Holophrasis as a word building method in Russian]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Orel, 2007. 175 p. (in Russian).

28. Viktorova E. Yu. Diskursivy i iazykovaia igra (na materiale tekstov seti Feisbuk) [Discourse markers and language play (based on Facebook texts)]. In : *Lichnost' — iazyk — kul'tura: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Personality – language – culture: Proceedings of the VI Intern. Conference]. Saratov, ITs "Nauka", 2017, pp. 14–23 (in Russian).

29. Bulavina M. A. Zacherkivanie kak odin iz priemov iazykovoi igry v internet-kommunikatsii [Strikeout as of the linguistic game mode in the Internet communication]. *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniia: iazyki spetsial'nost'* [Proceedings of RUPP. Ser. Education Issues: languages and speciality], 2012, no. 1, pp. 45–52 (in Russian).

30. Herring S. C. Grammar and electronic communication. In : *Encyclopedia of Applied Linguistics*. Ed. by C. Chapelle. Hoboken, NJ, Wiley-Blackwell, 2012. Available at: <http://ella.slis.indiana.edu/herring/e-grammar.2011.pdf> (Accessed 10 December 2017).

31. Sirotinina O. B. Russkii iazyk v raznykh tipakh rechevykh kul'tur [The Russian language in different types of speech culture]. *Russkii iazyk segodnia* [Russian Today]. Iss. 1. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, pp. 240–248 (in Russian).

32. Crystal D. *On the reported death of the full-stop / period*. Available at: <http://david-crystal.blogspot.ru/2016/06/> (Accessed 09 December 2017).

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 294–303. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

For citation

Viktorova E. Yu. Potential Capacity of Linguistic Creativity in Internet Communication (Based on the Genre of Social Networks). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–303 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-304-312>

Л. Б. Никитина,
О. К. Голошубина
Омск, Россия

Larisa B. Nikitina,
Olesya K. Goloshubina
Omsk, Russia

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «РАЗГОВОР В МЕССЕНДЖЕРЕ»

Статья содержит определение речевого жанра «разговор в мессенджере», обоснование его выделения среди других жанров интернет-коммуникации. С использованием широко применяемого в современном лингвожанроведении метода моделирования, предусматривающего синтез экстралингвистических и лингвистических характеристик речевого жанра, создан обобщённый портрет речевого жанра «разговор в мессенджере».

Описаны такие значимые для языкового воплощения речевого жанра «разговор в мессенджере» экстралингвистические параметры, как материальный носитель знака, среда, время и ход коммуникации, факторы, способствующие коммуникативным сбоям, цель общения, образ автора и адресата, образ прошлого и будущего.

Представлены типичные для диалогов в мессенджере реализации разноуровневых языковых единиц, графические и языковые особенности оформления текстов, сочетающие нарушение языковых норм и языковую игру, выявлены средства выражения общающимися метаязыковой рефлексии, описан такой инструмент лингвокреативности диалогов в мессенджере, как прецедентность, определены типичные для исследуемого жанра средства выражения оценки и речевого этикета.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, речевой жанр, разговор в мессенджере, моделирование речевого жанра.

Сведения об авторах: Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

E-mail: laribn@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0638-5816>

Голошубина Олеся Константиновна, аспирант кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета, редактор Издательства Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: gosol_lisa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5787-6079>

MODELING OF SPEECH GENRE “CONVERSATION IN A MESSENGER”

The article contains the definition of the speech genre “conversation in a messenger”, the causes of its detachment from other genres of Internet communication. A generalized portrait of the speech genre “conversation in a messenger” was created by applying the method of modeling widely used in modern linguistic genre studies, which involves the synthesis of extralinguistic and linguistic characteristics of the speech genre.

The article studies crucial for the language embodiment of the speech genre “conversation in a messenger” extralinguistic parameters which are classified as the material medium of the sign, the context, the time and the course of communication, the factors contributing to communicative breakdown, the purpose of communication, the image of the author and the addressee, the image of the past and the future.

The article represents typical of the dialogues in a messenger implementation of multilevel language units, graphic and linguistic features of word processing, which combine the violation of linguistic norms and language play. The paper reveals linguistic means with which communicators express their meta-language reflection, describes precedence as a special tool of linguocreativity of dialogues in a messenger and specifies typical of this genre means of expressing assessment and speech etiquette.

Key words: Internet communication, speech genre, conversation in a messenger, modeling of the speech genre.

About the authors: Nikitina Larisa Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

E-mail: laribn@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0638-5816>

Goloshubina Olesya Konstantinovna, Post-graduate Student of the Department of Russian Language and Linguodidactics of Omsk State Pedagogical University, editor of Publishing House of Omsk State University.

Place of employment: Omsk State University.

E-mail: gosol_lisa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5787-6079>

Развитие электронных технологий и появление новых сервисов оказывает существенное влияние на коммуникационные возможности последнего десятилетия и приводит к возникновению новых речевых структур, что способствует активному изучению интернет-коммуникации.

На наших глазах формируется новая отрасль научного знания – интернет-лингвистика и в её составе интернет-жанроведение, в рамках которого изучаются такие интернет-жанры, как блог [1–3], электронная почта [4–6], электронное деловое письмо [7], форум [8–9], чат [10–13], жанры, представленные в социальных сетях [14–21], и многие другие.

Список жанров интернет-коммуникации может быть дополнен речевым жанром, обязанным своим появлением созданию и массовому распространению системы мгновенного обмена сообщениями (англ. *Instant messaging, IM*), которая включает службу мгновенных сообщений (*Instant Messaging Service, IMS*) и программы-клиенты (*Instant Messenger, IM*), или мессенджеры, предназначенные для обмена информацией в реальном времени через Интернет.

Данный жанр интернет-коммуникации, названный нами **разговором в мессенджере**, отличается от таких смежных жанров, как SMS, электронное письмо (e-mail) и чат, режимом коммуникации – *online* (автор текста точно знает, что его послание мгновенно дойдёт до адресата и будет тут же увидено и воспринято – для фиксации этого в большинстве программ-клиентов установлены специальные маркеры, оповещающие о том, что сообщение прочитано); являясь синтезом идей чата и электронной почты, мессенджер в то же время не предполагает группового общения незнакомых друг другу собеседников (отличие от чата) и не ориентирован на офлайновую коммуникацию (отличие от электронной почты и SMS).

Жанр интернет-общения «разговор в мессенджере» как новый речевой феномен нуждается в комплексном описании, которое возможно с использованием широко применяемого в современном лингвожанроведении метода моделирования, предусматривающего синтез экстралингвистических и лингвистических характеристик речевого жанра.

Представленный в статье обобщённый портрет речевого жанра «разговор в мессенджере» создан с опорой на концепцию Т. В. Шмелёвой [22] положения Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы [23] и «паспорт» речевого жанра Т. В. Анисимовой [24]. Моделирование жанра осуществлялось как с учётом тех жанрообразующих параметров, которые являются универсальными для

разных речевых жанров (например, цель общения, образ автора, образ адресата и т. д.), так и с учётом специфических для интернет-общения в целом и разговора в мессенджере, в частности, обязательных и факультативных показателей (например, графическое оформление, материальный носитель знака, стилевая специфика письменной реализации разговорной речи и т. д.).

Материалом для наблюдений и выводов послужили предоставленные на анонимной основе электронные диалоги коммуникантов разного пола, возраста, образования, профессии, социального статуса. Материал не был ранжирован по названным характеристикам общающихся, что объясняется стремлением выявить общие речежанровые тенденции. Все диалоги воспроизводятся дословно, без редактирования, включая ошибки, опечатки, сленг и обценную лексику (символ «//» обозначает новую строку).

Обратимся к **экстралингвистическим параметрам** речевого жанра «разговор в мессенджере».

Поскольку мы имеем дело с опосредованным общением, осуществляемым в письменной форме, особую роль играет **материальный носитель знака (субстрат)**, в роли которого выступает программа-клиент, использующаяся для обмена сообщениями в режиме реального времени, т. е. мессенджер. Несмотря на существующее многообразие, все мессенджеры обладают общими чертами, обуславливающими ряд специфических признаков исследуемого речевого жанра: это, в частности, долговечность написанного знака, утрата автором контроля над существованием и функционированием написанного, значимость момента восприятия знака, от которого зависит успешность общения.

Специфика **среды** речевого жанра «разговор в мессенджере» определяется виртуальностью общения, что значительно отличает разговор в мессенджере от реального разговора (физическая непредставленность, большая психологическая безопасность и др.). Среда может потенциально участвовать в ходе коммуникации: способствовать ей, препятствовать, вмешиваться: (1) – *Ты куда пропала? – да мама позвонила*; (2) – *хм // Написала тебе, а оно куда-то пропало*.

Особую характеристику для разговора в мессенджере приобретает такой параметр, как **коммуникативное время** – временной отрезок между созданием текста и его восприятием. Применительно к речевому жанру «разговор в мессенджере» актуальным является стремление собеседников к минимализации временных затрат на графическое оформление текста, что не может не влиять

на его языковое воплощение. Восприятие адресатом написанного текста может быть как немедленным, так и отложенным, что связано с условиями (средой) общения. Кроме того, в зависимости от ряда экстралингвистических факторов (целей общающихся, их психологических установок, темы разговора и т. д.) коммуникация в мессенджере может быть различной по временной протяжённости.

Ход коммуникации в мессенджере может быть непрерывным и прерывистым, беспрепятственным и сопровождающимся помехами, без привлечения к разговору третьих лиц и в редких случаях с втягиванием в разговор окружающих.

Очевидно, что такие экстралингвистические параметры речевого жанра «разговор в мессенджере», как среда, время и ход коммуникации, тесно взаимосвязаны, обуславливают друг друга.

Общение посредством мессенджера не лишено разного рода сбоев. **Факторы, способствующие коммуникативным сбоям**, могут быть как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера. Первые обусловлены техническими особенностями: коммуникация может оказаться неудачной из-за отсутствия бесперебойного интернет-соединения, отключения электроэнергии, поломки оборудования, ремонтных работ на серверах, обслуживающих мессенджер. Причиной коммуникативного сбоя могут стать и третьи лица, вмешивающиеся в ход общения. К собственно лингвистическим факторам относится в первую очередь приводящее к коммуникативным неудачам неуместное использование языковых средств, что напрямую связано с речевой компетентностью общающихся.

Хотя **цели участников общения** в мессенджере отличаются разнообразием (это могут быть напоминания, просьбы, поздравления, комплименты, оценки, предупреждения, шутки и другие интенции), в целом общение характеризуется как информационно-фатическое (с доминированием фатики): собеседники передают друг другу информацию, которая выступает отправной точкой для «общения ради общения». Разговор в мессенджере – это реализация желания вступить в диалог и получить удовольствие от самого процесса общения.

Образ автора и образ адресата в речевом жанре «разговор в мессенджере» характеризуются по преимуществу равной коммуникативной позицией и симметричностью социальных ролей. Общение в мессенджере отличается тематической неоднородностью, отражающей личные пристрастия собеседников, с преобладанием разговоров на бытовые темы и темы, связанные с межличностными отношениями (дружба, любовь, работа и т. п.).

Отношения между коммуникантами могут быть разными: чаще позитивными (доверительными, дружескими, уважительными, любовными и т. д.), реже неприязненными и даже враждебными; как правило, это отношения родных или хорошо знакомых друг другу людей.

Для речевого жанра «разговор в мессенджере» существенны предшествующий и последующий эпизоды общения, т. е. значимы такие параметры, как **образ прошлого и образ будущего**. Поскольку разговор в мессенджере всегда приурочен к моменту речи, в отношении соответствующего речевого жанра следует говорить об образах ближайшего прошлого и ближайшего будущего. «Сказанное» в мессенджере сохраняет свою актуальность в определённый момент, возврат к теме происходит в краткий срок, не превышающий одного дня.

Таким образом, экстралингвистическими дифференциальными признаками речевого жанра «разговор в мессенджере» являются техническая специфика канала связи, опосредованность, сиюминутность и приватность общения, ориентация на ближайшее прошлое и будущее, преобладающая симметричность коммуникативных ролей общающихся. **Разговор в мессенджере – это информационно-фатический жанр интернет-коммуникации, представляющий собой диалог на актуальные для собеседников темы, который осуществляется в режиме реального времени через службу мгновенного обмена сообщениями.**

Названные выше экстралингвистические параметры оказывают влияние на **языковое воплощение диалогов в мессенджере**.

Для речевого жанра «разговор в мессенджере» характерен ряд **экстралингвистически обусловленных разноразрядных языковых особенностей**, среди которых: а) фонетическая ориентация написания ((3) – *Уж твоих-то. Его так сервить мону что ты вообще не поймёшь что это творог-))* (редукция); (4) – *Ооо, Стас. Кто это?*

– *друХ твой* (оглушение на конце слова); (5) – *И скок исполнилось? 40 или 41?* (нечёткое проговаривание звуков); (6) – *Ну лан, рассказывай – овофшлосашафф // (это я типа с набитым ртом)* (пародирование дефектов речи)), активное использование эмодзи и метатекста для передачи эмоций, интонации, мимики, жестов и других невербальных проводителей речи ((7) – *Сколько у меня на это времени? – пять минут // *засаеаю часы**; (8) – *Вау, я даже не задумалась! *дико ржу**; (9) – *блин до красной звезды ж далеко иди!!* – *Ничего, бодрячком!!! Добежим!!! А там уже начнется жаркий лёд!!! XDDD* –

а) xD ну глянem) – Ну давай ;) – ;) до завтра!); б) использование разговорных слов, жаргонизмов и профессионализмов, общенной лексики ((10) – Ну у меня бывало в универе // Когда долго не спишь и много (ср. университет); (11) – А чего не сказал? – да сам тупил (ср. не понимал не догадывался); (12) – Я на теле

торможу. – ахаха, и все равно быстро ☺ // а чего не на компе? – На диване тусуюсь (ср. телефон; персональный компьютер; тусуюсь – нахожусь, пребываю)); в) преобладание глагольных предикаций, наличие морфологических показателей персональной вовлечённости собеседников в диалог, актуальная временная отнесённость высказываний; г) отражение в синтаксисе особенностей устных бытовых диалогов: частотность использования эллиптических предложений, неполных конструкций, аграмматизм, вопросительный и побудительный коммуникативные типы предложений ((13) –) а куда это ты намылилась))) – Гулять); (14) – Что рассказал? – про них); (15) – Ты во сколько пойдёшь? – ну хорошо бы к часу; (16) – Я на прогулке. – С кем //????)

Языковые особенности разговора в мессенджере свидетельствуют о том, что мы имеем дело с речевым жанром, для которого характерна особая форма письменной реализации: это некий гибрид устной и письменной речи, своеобразное стенографирование устной речи с её живостью, вольностями и стремлением к экономии языковых средств.

Анализ **графического и языкового оформления текстов** в речевом жанре «разговор в мессенджере» показал, что для исследуемого жанра характерны: а) сочетание разных знаковых систем передачи информации (кроме языковых знаков используются эмодзи, смайлы, эмодзи, стикеры); б) нарушение норм орфографии и пунктуации, связанное с неофициальностью, непринуждённостью и спонтанностью общения, экономией мыслительных и физических усилий при создании текста ((17) – Смотрю конечно. Пока не знаю как но не оч, книга лучше; (18) – кстате ты меня тоже в юбке ни видела); (19) – ни кому не известная песня. – а где взял? – это не подделка – качество плохое потому что оригинал записан через магнитофонный микрофон на кассету; (20) – не поверишь начал увлекаться мма вникаить в суть и намного меньше драться сейчас вообще прекратил это поприще устраивать); в) ненормативное словообразование и отступления от морфологических норм, не искажающие смысла высказывания ((21) – Здарофф. Ну как ты? – Да ужo лучшее; (22) – А когда я спасибы писал, я не верил, что ты можешь приехать в гости; (23) –

звонимся? Неа. // Не успеваю); г) графические выделения, подчёркивающие осознанность пишущим нарушений языковых норм ((24) – пИриУзД!) – Привет – каГдила?) – Нормально; (25) – Танцы с двумя а кому ляторами увенчались успехом; (26) – Я тебе звОню, чаво не берешь?).

Информационно-фатическое общение в мессенджере располагает к языковой игре, которая осуществляется фонетическими ((27) – В аське ты тоже онлайн // Бездвылаздно // Всё это время; (28) – Решила тоже татушку выиграть? А фдрых), графическими ((29) – Ну што, щи слива ва путя?; (30) – Что случи лося?), грамматическими ((31) – Глубоко и категорически поздравляю с этим безусловно числительным и знаменательным праздником! Желаю яркой звезды сама знаешь где, светлой дороги сама знаешь куда, и сбычи мёчт сама знаешь каких! Ура!!; (32) – Хотишь погулять?) средствами; выражается в орфографическом ((33) – Как дела? – Да ничотак, жЫв-здоров)) и пунктуационном ((34) – А Питере пить, в Питере пить // В Питере тире – пить) оформлении текста; достигается трансформацией фразеологизмов и прецедентных высказываний ((35) – Ну всё, я спать... – давай, удачно опиума много не употребляй) тогда чонить норм приснится) – Я к Морфею с морфиem) (ср. в объятия к Морфею)).

Поскольку речевой жанр «разговор в мессенджере» отличается максимальной приближенностью к живой разговорной речи, контаминация устной и письменной форм общения, сложно различить намеренные и ненамеренные нарушения языковой нормы. Например: (36) – <...> – Таганка! Таганка говору! ТАГАААННКАА, ВСЕ НОЧИ ПОЛНЫЕ ОГНЯЯ, ТАГАААНКААА... ЗАААЧЕМ ЗГУБИЛА ТЫ МЕНЯЯ // НА ТАГАНКУ ВЕЗИ, БРАТАН! (написание буквы «з» вместо нормативной «с» может объясняться разными причинами: а) стремлением пишущего имитировать звучащую речь; б) пренебрежением орфографической нормой или её незнанием. Кроме того, в диалогах, представляющих речевой жанр «разговор в мессенджере», отмечается большое количество опечаток, выявлению которых помогает знание расположения клавиш на клавиатуре ((37) – вечело мне с тобой будет; (38) – желаю радости мешок, дом радости большой, вокруг людей любтмых радости улыбок и плюшевых игрушек). В то же время в ряде случаев трудно сказать однозначно, опечатка или орфографическая ошибка допущена пишущим: (39) – ну ладно, смотри сама, как будем в настолки собираться, я тебе напишу; (40) – Скажешь про...содержание // норм или нет // Можеш? (ср. стремление ав-

тора оправдаться/извиниться за допущенную погрешность: (41) – *Ладно, я тоже пошла, потом расскажешь* // **ь* // *мягкий знак западает* // *ты не думай*) – *я не думаю*). Вероятно, чем сложнее орфографическое правило, тем меньше поводов думать, что его нарушение – опечатка или языковая игра, скорее это элементарная неграмотность или в лучшем случае небрежность, связанная с торопливостью пишущего и нежеланием задумываться над правильностью в ущерб скорости отправления информации.

Немаловажную роль для графического и языкового оформления текста играет динамичность общения в мессенджере, которая «оправдывает» допускаемые собеседниками опечатки и ошибки. В то же время стремление к языковой игре в разной её форме – знак того, что для общающихся важна не только скорость передачи информации, но и удовольствие, получаемое от процесса создания текста, а также возможная ответная реакция собеседника на речетворческие усилия адресанта.

Для речевого жанра «разговор в мессенджере» характерна **метаязыковая рефлексия** общающихся, которая выражается как универсальными (характерными для разных сетевых жанров), так и специфическими для исследуемого жанра средствами (обусловленными как сиюминутностью обмена информацией, установкой на непринуждённость диалога, так и техническими возможностями канала общения). Причины метаязыковой рефлексии коммуникантов различны: от стремления следовать языковым нормам ((42) – *Мама дома? – Нет, я в переходе на Маяковском позвонила ей на перепутье или И? забыла чё-то...ужас. Так вот, на этой самой РАЗВИЛКЕ (да, не знаешь, как пишется, замени)))* позвонила, она уже была у себя. Но сказала, что спит все дела и вообще зачем ты мне тут...) до установки на языковую игру, заданную шутивым тоном общения ((43) – *Так вот. Это всё аргументы, к существу вопроса не относящиеся. – Угу // Вот ИМЕННО // Вроетменно*).

Игровой настрой общающихся в мессенджере проявляется в обращении к **прецедентным феноменам**, в том числе специфичным для интернет-общения (мемам), которые встраиваются в содержательную канву разговора и выступают инструментом его лингвокреативности.

Прецедентные феномены вводятся в текст через воспроизведение соответствующих языковых единиц в их нетрансформированном или трансформированном виде. Например, воспроизведение фразеологической единицы: (44) – *Татьяна ваще вешалась от меня,*

что я печатаю бесперебойно))) – *ДА лучше бы она тогда доделала дело до конца – ХДДД – Нам не брать греха на душу*; прямая цитация: (45) – *> Сообщество создано для общения жителей Советского района г. Омска. // "В джинсы уже облачились самые отсталые слои населения"* (из к/ф «Самая обаятельная и привлекательная»); квазичитация: (46) – *По полу тапки грохотали...* © *тараканья народная баллада* (ср. строки из советской военной песни: *По полю танки грохотали*).

Текстовые интернет-мемы активно используются в мессенджере с целью установления контакта, инициации разговора ((47) – *Кюхелькрекер // Название команды // Похмелье, что ты делаешь, ахаха, прекрати // Зря ты меня попросила придумывать название*); комментирования и оценки связанных с человеком реалий окружающей действительности ((48) – *Что за мишка на аве?! Будь мужиком, ставь Сашу Барона, ты обещала!*; (49) – *этот володя че у кличко уроки брал?)))* // *«да, утром все не так хорошо складывалось как показал вечер»* – *Ахаха // Маша*) – *ну а че // фразочка прям по клинке*); самопрезентации адресанта (с целью показать свои лингвокреативные способности или поиронизировать над собой) ((50) – *Эй! // Ну я же правильно написала // 2 года дитю – два и два – Вот! – ты радуешься, как мои 8-ки, когда сказуемое найдут* 😊 – *Бе-бе-бе // Это не так-то просто!* // *Нельзя так просто взять и найти сказуемое!*).

Для речевого жанра «разговор в мессенджере» характерна **оценочность**. Объектами оценки становится всё, что представляет для человека определённую ценность: это в первую очередь люди и их многочисленные проявления и атрибуты. Речевой жанр «разговор в мессенджере» отражает общие для русской речевой практики тенденции: преобладание отрицательных оценок, свойственную разговорной речи свободу выбора оценочного предиката, сопровождение или замену оценочного суждения невербальными средствами. Как и в устном бытовом общении, в интернет-разговорах частотна самооценка со знаком «минус», зачастую выступающая призывом к её опровержению адресатом ((51) – *я тупая, я не могу найти, как зарегистрироваться – НА площадку? // Они под картой // Там такая ссылочка Площадки в Омске // И на неё кликаешь*; (52) – *зря ты мне эту фотографию скинула // она вызывает у меня отвращение – А почему? – я жирная и несуразная – Эээ, ты чё!*), а также ироничная оценка собеседника, не провоцирующая коммуникативного разрыва ((53) – *Теперь я ещё и пишу с тру-*

дом – О боже // Ну ты даешь // Дурная моя...
// ...Зинаида – Я доросла до полного имени;
(54) – А вот в боулинг просрали – лошара –
Че эт, нам медали дали; (55) – Опять жал-
ко становится его!! – Ну и балда ты // Жалко
жалко // Сама против манипуляций // Так
не ведись – Угу // Я тебя очень люблю – И я
тебяя!!).

В то же время наблюдаются некоторые специфические для разговора в мессенджере черты: не нуждаясь в вуалировании, косвенном выражении, отрицательная оценка по преимуществу выражается прямо, с использованием оценочного предиката: (56) – *А он? – Молчит // Все говорят что он думал что никто не узнает // Типа в тот же раз засунули и не знаем кто // Дебил*. В речевом жанре «разговор в мессенджере» преобладают предикаты интеллектуальной сферы, с помощью которых могут оцениваться самые разные проявления человека: (57) – *Вчера в 23:46 пришла смска от Газпромбанка, я уже обрадовалась, а эта реклама кредитов. //   – а мне в час ночи // идиоты*; (58) – *Я пытаюсь вызвать такси // Можно чокнуться – Я легко вызвала вчера // И как дура приехала за 15 минут из нефтов в центр *.

[illegible]

Мария

Bay

Какая крутая

И яркая

Иван

Плохого не держим))

Разговор в мессенджере, как и другие жанры интернет-общения, характеризуется особенностями **речевого этикета**, среди кото-

рых выделяются: а) необязательность обращения по имени (вокативная и номинативная функции обращения утрачиваются, на смену им приходит эмоционально-оценочная, и обращение по имени сигнализирует о тональности разговора, в частности, о его интимном, серьёзном или ироничном характере): (62) – Саша, блин, давай правда сменим тему. Я и так скушаю. Не трави душу); (63) – Удачи тебе в дороге! – Спасибо за тёплые слова, Настя); (64) – Хорошо ты там изложил. Только вот где буква "ё"? D // Плохо, Ваня, плохо); б) факультативность традиционного приветствия собеседниками друг друга и прощания в конце разговора (общение может начинаться с вопросов *Ты где? Как дела? Что делаешь?*, совмещающих в себе приветствие и вопрос, и завершаться «на полуслове»: (65) – (15 августа 2014, 23:58) Э куда бя! // Нууу вооот. И не попрощалась. – (16 августа 2014, 9:38) Извини, что убежала вчера. Стать хотела); (66) – (21 сентября 2016, 17:58) Что значит триггернуть / триггернуться? Объясни простыми словами) – (22 сентября 2016, 9:35) trigger – англ. спусковой крючок на оружии. // Нечто маленькое и незначительное, при слабом воздействии на которое происходит ЕБЛЫСЬ!

Стандартные формулы вежливости претерпевают изменения, приобретают новое звучание: используются акронимы и различные сокращения, смешиваются буквы и цифры привлекаются этикетные заимствования, изменяется традиционная орфография: (67) – СПАСИБО)) – Нз4 (ср. не за что); (68) – спс – плл (ср. спасибо; пожалуйста); (69) – СН – спс // споки (ср. спокойной ночи); (70) – Хай. Как дела?; (71) – guten Abend, ma chère ami – Привет-привет); (72) – *Н1* // Хай ниггас! – Привет ещё раз); (73) – Добрая ночь. – Прив; (74) – прива – ПРивет; (75) – Дарова!!! как делишки??? – Какие люди!!! Здарофф. Для вхождения в разговор широко используется междометие ку-ку (= ты здесь?, готов ли ты к общению?): (76) – Ку-ку // Ты верстать-то будешь ?? – Конечно. Обычно уже в самом начале общения его инициатор задаёт игровой тон, провоцирует собеседника на языковую игру: (77) – Дутро. – Дутро-дутро (ср. доброе утро).

Применительно к разговору в мессенджере, как и к интернет-коммуникации в целом, можно говорить о трансформации традиционных этикетных средств и появлении нового интернет-этикета, который характеризуется свободой самовыражения, стремлением к речетворчеству, уменьшением количества коммуникативных барьеров.

Итак, путь от выявления и описания экстралингвистических параметров жанра, значимых для его языкового воплощения, к анализу типичных языковых и графических реализаций позволил создать оригинальную модель исследуемого речевого феномена, в которой лингвистические параметры предопределены экстралингвистическими.

Важнейшими экстралингвистическими факторами, определяющими языковое воплощение речевого жанра «разговор в мессенджере», являются: опосредованность общения, обеспечиваемая интернет-технологиями; предоставляемые Интернетом возможности использовать разные кодовые системы; коммуникативный формат *online*, ограничивающий время коммуникантов на обдумывание написанного, придающий общению спонтанный характер и существенно влияющий на стилистику диалогов; приватность, непринуждённость общения и симметричность коммуникативных ролей собеседников, их настрой на лёгкую болтовню с одновременным получением нужной информации и связанное с неограниченной свободой речевых проявлений пренебрежение языковыми нормами; восприятие разговора как приносящей удовольствие игры и обусловленная этим предрасположенность общающихся к речетворчеству; тематическое разнообразие диалогов с преобладанием тем бытового и межличностного характера, имеющих привязку ко времени разговора или ближайшему прошлому и будущему.

Разговор в мессенджере – это речевой жанр, сочетающий в себе противопоставленные тенденции: соблюдение требований, предъявляемых к письменному речевому произведению, и свобода речевого выражения, свойственная разговорной речи; стремление к соблюдению языковых норм, проявляющееся, в частности, в метаязыковой рефлексии, и обусловленное разными факторами (незнанием правил, динамичностью общения, языковой игрой) пренебрежение таковыми; краткость языкового выражения мысли и речевая изысканность, проявляющаяся в языковой игре, обращении к прецедентным феноменам; целенаправленная речевая самопрезентация адресанта и предоставление адресату права на речевое самовыражение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 117–131.
2. Горошко Е. И. Гендер и блогика Интернета (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. 2007. Вып. 5. С. 53–62.
3. Рогачёва Н. Б. Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука» 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 389–403.
4. Зализняк А. А., Микаэлян И. Л. Переписка по электронной почте как лингвистический объект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог-2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГТУ, 2006. С. 157–162.
5. Вишнякова Е. А. Электронное письмо в составе сетевого текста на английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 180 с.
6. Воробьёва А. Е. Структурно-функциональные характеристики текстов электронной деловой корреспонденции: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 180 с.
7. Корнеева М. Г. Лингвистические составляющие жанра электронного делового письма (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 224 с.
8. Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 549–578.
9. Патрушева Л. С. Форум как речевой жанр интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 26 с.
10. Кузьмина М. В. Компьютерный вид общения «чат» как жанр естественной письменной речи: основные характеристики // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: материалы конф. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 86–91.
11. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 336–351.
12. Кубракова Н. А. Коммуникативный гедонизм в жанре чат интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 240 с.
13. Голубева И. В., Левоненко О. А. К вопросу о чате как ведущем жанре электронного общения // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 2005. С. 377–380.
14. Алтухова Т. В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «ВКонтакте»: жанроведческий аспект: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 265 с.
15. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 154 с.
16. Горошко Е. И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 11–21.
17. Гуськова С. В., Левина В. Н. Особенности общения в открытых группах социальной сети «ВКонтакте» как отражение ценностных ориентиров молодёжной аудитории // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 66–77.

18. Марченко Н. Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. 160 с.

19. Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2016. 190 с.

20. Ромашиова И. П. Прагматилистические особенности твиттер-коммуникации российских корпораций // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 134–140.

21. Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–168.

22. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.

23. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / отв. ред. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 116–123.

24. Анисимова Т. В. О принципах классификации риторических жанров // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 2 (10). С. 43–48.

REFERENCES

1. Volohonskij V. L. Psihologicheskie mekhanizmy i osnovaniya klassifikatsii blogov [Psychological mechanisms and grounds for the classification of blogs]. In: *Lichnost' i mezlichnostnoe vzaimodejstvie v seti Internet. Blogi: novaya real'nost'* [Personality and interpersonal interaction in the Internet. Blogs: New Reality]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006, pp. 117–131 (in Russian).

2. Goroshko E. I. Gender i bloggika Interneta (psiholingvisticheskij analiz) [Gender and Internet blogging (psycholinguistic analysis)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2007, iss. 5, pp. 53–62 (in Russian).

3. Rogachyova N. B. Novye priority v russkom Internet-obshchenii: na materiale zhanra bloga [New priorities in Russian Internet communication: on the material of the blog genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kultura* [Speech genres: coll. of sci. art. Iss. 5, Genre and culture]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, pp. 389–403 (in Russian).

4. Zaliznyak A. A., Mikaehlyan I. L. Perepiska po ehlektronnoj pochte kak lingvisticheskij ob'ekt [Correspondence by e-mail as a linguistic object]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: tr. Mezhdunar. konf. "Dialog-2006"* (Bekasovo, 31 maya – 4 iyunya 2006 g.) [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Proc. of the Intern. Conf. "Dialogue-2006" (Bekasovo, May 31 – June 4, 2006)]. Moscow, Iz-vo RGTU, 2006, pp. 157–162 (in Russian).

5. Vishnyakova E. A. *Ehlektronnoe pis'mo v sostave setevogo teksta na anglijskom yazyke* [E-mail as part of the network text in English]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 180 p. (in Russian).

6. Vorob'yova A. E. *Strukturno-funktsional'nye harakteristiki tekstov ehlektronnoj delovoj korrespondentsii* [Structural and functional characteristics of the texts of electronic business correspondence]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2012. 180 p. (in Russian).

7. Korneeva M. G. *Lingvisticheskie sostavlyayushchie zhanra ehlektronnogo delovogo pis'ma (na materiale anglijskogo yazyka)* [Linguistic components of the genre of electronic business writing (on the material of the English language)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2016. 224 p. (in Russian).

8. Kakorina E. V. SMI i internet-kommunikatsiya (internet-forum kak novyj kommunikativno-rechevoj zhanr) [Media and Internet communication (Internet forum as a new communicative-speech genre)]. In: *Sovremennyy russkij yazyk: aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: active processes at the turn of the 20th and 21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2008, pp. 549–578 (in Russian).

9. Patrusheva L. S. *Forum kak rechevoj zhanr internet-diskursa* [Forum as a speech genre of Internet discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Izhevsk, 2015. 26 p. (in Russian).

10. Kuz'mina M. V. Komp'yuternyj vid obshcheniya "chat" kak zhanr estestvennoj pis'mennoj rechi: osnovnye harakteristiki [Computer type of communication "chat" as a genre of natural written speech: basic characteristics]. In: *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skij i obrazovatel'nyj aspekty: materialy konferencii. Ch. II: Teoriya i praktika sovremennoj pis'mennoj rechi* [Natural written Russian speech: research and educational aspects: conference materials. Part II: Theory and practice of modern written speech]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2003, pp. 86–91 (in Russian).

11. Makarov M. L. Zhanry v ehlektronnoj kommunikatsii: quo vadis? [Genres in electronic communication: quo vadis?]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4. Zhanr i koncept* [Speech genres: coll. of sci. art. Iss. 4, Genre and concept]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2005, pp. 336–351 (in Russian).

12. Kubrakova N. A. *Kommunikativnyj gedonizm v zhanre chat internet-kommunikatsii* [Communicative hedonism in the genre of chat Internet communication]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2013. 240 p. (in Russian).

13. Golubeva I. V., Levonenko O. A. K voprosu o chate kak vedushchem zhanre ehlektronnogo obshcheniya [On the question of chat as the leading genre of electronic communication]. In: *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh processov: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Russian literature in the context of modern integration processes: materials of the Intern. Sci. Conf.]. Volgograd, 2005, pp. 377–380 (in Russian).

14. Altuhova T. V. *Kommunikatsiya v social'noj komp'yuternoj seti "VKontakte": zhanrovedcheskij aspekt* [Communication in the social computer network "VKontakte"]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2012. 265 p. (in Russian).

15. Atyagina A. P. *Twitter kak novaya diskursivnaya praktika* [Twitter as a new discursive practice]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Omsk, 2014. 154 p. (in Russian).

16. Goroshko E. I. "Chirikayushchij" zhanr 2.0 Twitter ili chto novogo poyavilos' v virtual'nom zhanrovedenii ["Tweeting" genre 2.0 Twitter or what's new appeared in virtual genre science]. *Vestnik Tver. gos. un-ta* [Bulletin of Tver State University], 2011, no. 3, pp. 11–21 (in Russian).

17. Gus'kova S. V., Levina V. N. Osobennosti obshcheniya v otkrytykh gruppah social'noj seti "VKontakte" kak otrazhenie cennostnykh orientirov molodyozhnoj auditorii [The features of communication in open groups of the social network "VKontakte" as a reflection of the value orientations of the youth audience]. *Vestnik Volgogr. gos.*

un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics], 2016, vol. 15, no. 3, pp. 66–77 (in Russian).

18. Marchenko N. G. *Social'naya set' "VKontakte": lingvopragmaticheskij aspekt* [Social network "VKontakte": lingvopragmatic aspect]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2013. 160 p. (in Russian).

19. Matusevich A. A. *Obshchenie v social'nyh setyah: pragmaticheskij, kommunikativnyj, lingvisticheskij aspekty harakteristiki* [Communication in social networks: pragmatic, communicative, linguistic and linguistic aspects of the characteristic]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kirov, 2016. 190 p. (in Russian).

20. Romashova I. P. *Pragmatisticheskie osobennosti tvitter-kommunikacii rossijskikh korporacij* [Pragmatisticheskie features of twitter-communications of Russian corporations]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative research], 2014, no. 2, pp. 134–140 (in Russian).

21. Shchurina Yu. V. *Zhanrovoe svoeobrazie social'noj seti Instagram* [Genre peculiarity of the social network Instagram]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1, pp. 156–168 (in Russian).

22. Shmelyova T. V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 1* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).

23. Lebedeva N. B. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj rechi* [The genres of natural written speech]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikaciya* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).

24. Anisimova T. V. *O principah klassifikacii ritoricheskikh zhanrov* [On the principles of the classification of rhetorical genres]. *Rechevoe obshchenie: specializirovannyj vestnik* [Speech communication: specialized bulletin]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk gos. un-t, 2000, iss. 2 (10), pp. 43–48 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Никитина Л. Б., Голошубина О. К. Моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 304–312. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-304-312>

For citation

Nikitina L. B., Goloshubina O. K. Modeling of Speech Genre "Conversation in a Messenger". *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 304–312 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-304-312>

ЖАНРЫ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СФЕР

УДК 811.161.1'27'38

ББК 81.2 Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320>

Э. Р. Лассан
Вильнюс, Литва

Eleonora R. Lassar
Vilnius, Lithuania

РЭП-БАТТЛЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ
ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫRAP BATTLES AS A SPECIFIC GENRE
OF CONTEMPORARY CULTURE

В статье рассматриваются специфические признаки популярного сегодня жанра рэп-баттла, соединяющего, по мнению автора, признаки письменной и устной культуры. Автор полемизирует с теми, кто видит в рэп-баттлах продолжение традиции поэтических дуэлей и рассматривает этот жанр как легитимизацию речевой агрессии в обществе тотальной агрессии. Вместе с тем характеристика этого жанра не исчерпывается только этим аспектом – по некоторым другим параметрам его можно соотнести с отмечаемой философами новой эпохой в культуре – метамодернизмом.

Ключевые слова: рэп-баттлы, инвективная коммуникация, легитимизация речевой агрессии, метамодернизм.

The article focuses on the specific features of a rap battle – the genre which has gained a wide popularity nowadays. The author assumes that this genre combines both the features of the written and oral communication as well as controverts those who consider rap battles something similar to or part of the art of the poetic duels and thus insists that this genre is the legitimization of the speech violence in the society of total violence. Nevertheless the aspect mentioned above is not the only typical feature of the latter – taking other ones into account it becomes possible to refer the genre of rap battles to the new epoch of the culture – metamodernism.

Key words: rap battles, invective communication, legitimization of the speech violence, metamodernism.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора Руфимовна, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии.

Место работы: Вильнюсский университет, Литва.

E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt
<https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

About the author: Lassar Eleonora Ruphimovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology.

Place of employment: Vilnius University, Lithuania.

E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt
<https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Введение

Сравнительно недавно в наш лексикон вошло слово «рэп-батл/баттл», а с ним и другие, связанные с обозначаемым этим словом фреймом: батлер, батлиться, панчи, диссы, эмси (сокр. англ. *master of ceremonies*) и производное русское *эмсишный* и т. п. Когда я читаю отзывы о рэп-баттлах, я ощущаю практически полное отсутствие причастности к новым веяниям и их языку: *хайпанём что ли. шоу versus меня внезапно затянуло. баттл-рэп стал новой святой коровой и отчасти постыдным удовольствием. поэтому именно о нём я хочу*

поговорить. да-да, в том числе про баттлы оксимирона тут тоже будет. хайп жу, ну (irecommend.ru>content/versus-battle-0)... Но поскольку это достаточно новое явление признается феноменом культуры, особенно популярным в русском сегменте Интернета (рэп-баттлы, появившиеся около двух десятилетий назад, снискали столь невиданную популярность именно благодаря Сети – до 2 миллионов просмотров в день на Youtube)¹, оно не может не привлечь внимания гуманитариев различных направлений – философов, культурологов, антропологов и т. д. Видимо, баттлы представляют интерес и для лингвистов, по-

¹ В отличие от США, где рэп-баттлы пришли с улиц в Интернет, российские баттлы с конца прошлого века стали проводиться сразу в Интернете и быстро набирали популярность среди рэперов. В 2012 г. в Краснодаре появилась первая площадка для офлайн-баттлов – «SLOVO», ставшая отправной точкой для русских рэп-баттлов, но наиболее популярным сегодня является интернет-проект VERSUS BaTTIE. На этот канал подписано более двух миллионов человек. Versus Battle победил в общественном голосовании «Hip-hop.ru Awards 2013» в номинации «Событие года 2013» (с историей рэп-баттлов и интернет-шоу с этим названием читатель может познакомиться в Википедии а также на странице <https://tjournal.ru/43859-battly-zhivny-tolko-togda-kogda-oni-svobodny>).

сколько инвективные стратегии не так часто становятся предметом исследования в научной литературе.

1. Рэп-баттлы как легитимизация речевой агрессии²

Как известно, суть рэп-баттла заключается в том, что «два рэп-исполнителя оскорбляют друг друга и превозносят себя на потеху публике, используя заранее подготовленные рифмованные строки. Иногда они делают это под бит, иногда команда на команду, иногда фристайл (то есть импровизируя в складывании строк). Оскорбления могут быть очень разными: от прямых обзываний оппонента до деконструкции образа противника или его достижений» [1]. Отношение к рэп-баттлам весьма различно в среде представителей «серьезной» культуры: от полного отрицания («культура бесстыдства» [2]) – до полной апологии: «Батл – инструмент хип-хоп культуры. Смысл батла в превращении энергии негативного противостояния в творческое действие, а войны в соревнование» (<https://surfingbird.ru/surf/fvHv5338e#.WnxbrWfeaWz>).

По мере работы над рэп-баттлами и чтения того, что о них написано, я чувствовала, как мое отношение к ним, вначале резко отрицательное, стало неопределенным, а само явление – трудноуловимым с точки зрения своих характеристик: обильно используемая общенная лексика в ряде баттлов сочетается с многочисленными интертекстуальными отсылками и научной терминологией (баттл *Оксимирон – Гнойный*), участие известных медийных персон (*Ургант – Шнуров*) обещает и интересный уровень «дуэли», многочисленные рефлексии по поводу баттлов (даже на канале «Культура») побуждают к более полному осмыслению этого феномена и его знаково-го характера по отношению к своей эпохе. Безусловным автору представляется то, что появился жанр, легитимизирующий речевую агрессию в обществе тотальной агрессии (террор, бойни в школах, наезды грузовиков на толпу и т. д.), что вписывается в современную культуру в целом (политические ток-шоу, боевики с многочисленными кровавыми сценами, смакование насилия в новостных передачах и т. п.). М. Эпштейну принадлежит термин «гоп-культура»: «В последние годы обозначились черты общественно-политического стиля, который заслуживает особого наименования. Я бы назвал его “гоп” – от слова “гопник”. Гопники – городская шпана, полууголовные

элементы, еще не полностью криминальные, но скользящие по грани ... Гопникам важно не столько ограбить (хоть и это дело святое), сколько покуражиться, найти выход агрессии. Это не просто возвышает их в собственных глазах, но и составляет основу их идентичности и душевного комфорта». [3]. Элементами общественной жизни, наделенными чертами гоп-культуры, М. Эпштейн называет гоп-политику, гоп-журналистику, гоп-телевидение, гоп-религию, объединяющей чертой для которых является прежде всего агрессивность и насилие, будь то насилие над истиной или насилие над людьми, не живущими по правилам гоп-сообщества. Этимологически слово «гоп», согласно автору, может иметь своим истоком два слова, обозначающих соответствующие реалии: «Есть две версии происхождения этого слова. Первая: от “гоп” – прыгнуть, подскочить. Уличная шпана нападает внезапно – выпрыгивает из-за угла...» Вторую версию М. Эпштейн связывает с существованием в конце XIX века в помещении современной гостиницы «Октябрьская» на Лиговском проспекте в Петербурге Государственного общества призора (ГОП), куда доставляли беспризорных детей и подростков, занимавшихся мелким грабежом и хулиганством ... «В общем, между этими двумя версиями нет существенного противоречия. И вот этот агрессивно-куражистый стиль поведения недавно стал все заметнее проникать в разные сферы общественной жизни. Теперь к их названиям можно смело присоединять приставку “гоп-”, поскольку все они пронизаны гопничеством» [3].

Думается, что, если все названные аспекты общественной жизни в той или иной мере таят свое «гопничество», то жанр молодежной субкультуры, который оформил речевую агрессию как цель «творчества», то есть не скрывает своей направленности на стремление открыто оскорбить и унижить соперника, вполне обоснованно может быть отнесен к самым ярким проявлениям «гоп-культуры». (По закону этого жанра победителем признается тот, кто оскорбил оппонента виртуозней (ochevidets.ru/rolik/89185/). Интересен пример «комплиментарного» баттла, то есть «баттла наоборот», где соперники соревновались не в виртуозности оскорблений, а в изощренности комплиментов, адресованных друг другу. Участники баттла – Максим Галкин и известный рэпер Баста. По мнению зрителей, Галкин в этом баттле проиграл, и читатель, возможно, согласится со мной в том, что привыкшие

²Набравший популярность жанр именуется в русском языке словом с двойным написанием: баттл/батл. Популярнее второе написание, но автор предпочитает написание с двумя согласными, сохраняя орфографию языкодонора (battle). В тексте статьи встречаются оба написания – с двойными согласными в авторском тексте, с одной согласной – в высказываниях тех, кто говорит о баттлах.

к острым оскорблениям зрители вряд ли могли оценить иронические панчи³ Галкина (нужно сказать, что рэп-баттлы иронии не знают – здесь прямая, без подтекста атака на противника). В эфире шоу Галкин заявил, что не годится и в подметки популярному рэперу и экс-наставнику проекта «Голос». «Ты настолько искусен, а я настолько безвкусен, что здесь не надо дискуссий, мне не поможет и грим. Тут как ни переоденся, как ни переобуйся, я не могу стать тобой, будь, Баста, ты ведь неповторим», – прочитал пародист. Баста, в свою очередь попытался сказать сопернику как можно больше комплиментов. «Ваш союз с Примадонной велик, но ты, мужик, Максим Галкин, ты отнюдь не Максим “Аллкин”. Подвешенный язык, подкачанный торс, да ты Малахов на максималках. Плюс ты воспитал Кристину Орбакайте достойным человеком, хоть и младше ее на 5 лет», – произнес рэпер. В Сеть эта информация попала под кликом «Галкин унизил себя в рэп-баттле на первом канале» (<https://ruposters.ru/news/01-09-2017/galkin-basta-battl>). Очевидно, унижением автор поста называет сократическую иронию самоумаления, использованную Галкиным. Публике, видимо, по вкусу пришлись сомнительные комплименты Басты, смысл которых можно квалифицировать как «вторжение в личную сферу», что не приветствуется в рамках правил прагматики общения, описывающих коммуникацию в рамках той или иной культуры. Другие «звезды» ведут себя согласно правилам «настоящих» баттлов: «Как писал Ruposters Life, ранее в рамках программы “Вечерний Ургант” была показана рэп-битва ведущего программы и основателя группы “Ленинград”. Звезды не стеснялись в выражениях, а Ургант и вовсе нанес себе временное тату с матерным словом из трех букв» (там же).

Пермский философ Вл. Береснев, комментируя рэп-баттл между двумя известными рэперами Оксимионом и Гнойным, набравший в Рунете больше 20 млн просмотров, проводит параллель между рэп-баттлом и поэтическими дуэлями прошлого: «Можно ли назвать это поэзией? Можно ли сравнить эти состязания с поэтическими дуэлями футуристов начала XX века, в которых принимал участие Владимир Маяковский? Сравнить можно, но какой в этом сравнении смысл? Чтобы оправдать рэперов? Они не нуждаются в оправдании. Чтобы возвысить жанр? Он не нуждается в возвышении. Те, кто читают рэп, наоборот, стремятся опуститься на «дно» и утащить туда же всех, кто, по их мнению, незаслуженно оказался наверху. При этом данная субкультура не примитивна. Оба

участника баттла демонстрировали знание высокой литературы (Маяковский, Гумилев), гуманитарных наук (Джозеф Кэмпбелл), а это предполагает, что болельщики и судьи тоже должны быть «в теме». Создание рифм, метафор, игра контекстами, которую продемонстрировали оба участника, свидетельствуют о незаурядных способностях по части владения словом. Они могли, если бы захотели, писать приличные во всех смыслах тексты, без ненормативной лексики. Кстати, Оксимион, по-моему, ни разу не сматерился», – поясняет ученый (<http://59.ru/text/newsline/333070222024704.html>). (Мне неприятно режет слух само слово «сматериться», не отмечаемое толковыми словарями русского языка, – его звучание вызывает неприятные ассоциации с низкой речевой культурой подворотни). Оксимион, действительно, пишет «приличные» тексты – нужно сказать, что он стал номинантом литературной премии имени А. Пятигорского за альбом «Горгород».

В упоминаемом баттле «нематерящийся» Оксимион проиграл. Успех этого ролика в Интернете заставил одних, по словам Береснева, говорить о коллапсе культуры, других – о зарождении новой культуры. Когда рэп-баттлы обсуждаются представителями старшего поколения, блюдущими нормы русского литературного языка, одним из аргументов выступает тезис: рэп-баттлы – продолжение давней поэтической традиции. Итак:

2. Рэп-баттлы – продолжение поэтической традиции?

Обсуждение явления рэп-баттлов прошло даже на канале «Культура», что, безусловно, еще раз говорит не только о легитимизации речевой агрессии, но и о признании особого жанра современной культуры. Участники дискуссии, в частности, М. Швыдкой (державшийся, на мой взгляд, несколько неуверенно), возвели истоки рэп-баттла к античной культуре: Швыдкой напомнил, что в комедии Аристофана «Лягушки» герои – Еврипид и Эсхил – честят друг друга не слабее, чем делают это участники современных рэп-баттлов. Осмелюсь не согласиться: герои «Лягушек» Аристофана Эсхилл и Еврипид, действительно, поносили друг друга, но зрителями же оценивалась не сила нанесенного оскорбления, а поэтическая манера говорящих, изящество их стиха. В самом агоне герои Аристофана уже не только поносили друг друга, но и спорили о назначении искусства. Их агон имел свою причину: это была борьба за корону лучшего создателя трагедий, и победителя Ди-

³Панчи – элементы рэп-текста, содержащие выпады против соперника.

онис возвращал на землю из царства мертвых. Таким образом, стремление к победе было мотивировано весьма вескими причинами вне «пространства баттла». К тому же Дионис выбрал победителя (Эсхилла) не за «качество оскорблений», а за мудрость ответов на задаваемые им вопросы – то есть здесь была **импровизация и состязание в мудрости**, что сегодня не имеет места на площадке VERSUS.

Следующим предшественником современных баттлов («первым поэтическим баттлом») в Рунете называется якобы имевшая в XVIII в. перепалка в стихах между Ломоносовым и Тредиаковским: в стихотворении, направленном, по мнению авторов этой идеи, против Тредиаковского, действительно, полно нелестных характеристик «противника»: *свинья, скот, сова*. В стихотворении Тредиаковского, трактуемого как ответ на стих Ломоносова, используются не уступающие по оскорбительности выражения: *ядовитый змий, парнаска грязь, маратель, глупец* и т. д. (<https://viktor-krysov.livejournal.com/18334.html>). Если опираться на статью Б. А. Успенского «К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.)» [4], то можно сделать вывод, что факты несколько искажены: причиной появления эпиграммы Тредиаковского, действительно, стало задевшее Тредиаковского стихотворение Ломоносова «Искусные певцы всегда в напевах тщатся» (1753), поводом к написанию которого послужили предложения Тредиаковского о правописании прилагательных в именительном падеже множественного числа. Ломоносов же полагал такое написание неблагозвучным. Обиженный Тредиаковский не догадывался, по мнению Б. А. Успенского, о подлинном авторе этого стихотворения и приписал его Сумарокову, против которого и была направлена эпиграмма [5]. «Дуэль эпиграмм» в данном случае имела конкретную причину, существующую «вне баттла», что принципиально отличает ее от имеющего сегодня место действия, как и характер адресата (неизвестного автору). Вообще мне представляется некорректным приписывать эпиграммам роль предшественников современных рэп-баттлов – эпиграммы продиктованы оценочным отношением к своему объекту и часто остаются безответными, что совершенно не совпадает с практикой баттл-рэпов, как их также называют. К тому же эпиграммы – явление чисто письменной культуры (вторичный речевой жанр), что коренным образом отличает их от текстов баттлов, непременно произносимых вслух при большом стечении публики.

Иногда, в поисках истоков явления современных баттлов в культуре, говорят о «баттле» между Маяковским и Северяниным, однако

и здесь все происходило по-другому: участники «поэтической дуэли» в присутствии публики читали свои стихи, а публика оценивала их мастерство (именно вердикт публики объясняет, почему Северянин был коронован «королем поэтов»). Таким образом, вряд ли можно соотносить современный жанр пусть даже искусных оскорблений с поэтическими перепалками прошлого или поэтическими состязаниями: для «перепалок» существовали или конкретные причины за рамками споров в стихах, или это были соревнования в технике поэтического мастерства, где стихи существовали как самостоятельная ценность, а не как стрела, направленная на соперника.

3. Рэп-баттл как новый специфический жанр инвективной коммуникации

Специфика речевой агрессии в рэп-баттлах заключается в том, что оскорбление (реализуемый вид речевой агрессии) не вызывается эмоциональной неприязнью участников таких шоу друг к другу, что обычно составляет причину появления оскорблений в практике подобных речевых актов (о чем говорят многие психологи и лингвисты – [6–9]). Здесь оскорбление – самоцель, что позволяет согласиться с мыслью Т. А. Воронцовой о том, что «речевая агрессия приобретает статус собственно лингвистического (а не социопсихологического) явления» [10]. Именно в рэп-баттлах нет эмоционального элемента в предшествующем самому речевому акту состоянии контрагентов, что и позволяет исследовать чисто лингвистические характеристики механизмов оскорбления как речевого феномена. Общество в данном случае лицемерит обмен оскорблениями как шоу и испытывает своеобразное наслаждение от услышанного, голосуя за тех, кто нанес наиболее сильный «удар» (мне это напоминает бои гладиаторов, где убивали друг друга не из чувства ненависти). В целом представляется вполне отвечающим различным случаям оскорбления следующее его определение: «В таком понимании оскорбление – это речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания её социальной значимости. Оскорбительное суждение строится по принципу игры на понижение социальной оценки: всё, что ты делаешь или говоришь, – несущественно, так как ты не можешь быть “знатоком” в силу того, что ты “изгой”, находишься внизу социальной иерархии. Оскорбление – результат срывания “титulyных свидетельств”, регистрирующих социальный статус в обществе» [10 : 4].

Поскольку сила оскорбления становится критерием успешности «панчей» тех, кто «батлит», то мы можем говорить об инвективизации самой коммуникации в баттле и об особом ее виде – инвективной коммуникации (встает вопрос – можно ли назвать происходящее коммуникацией вообще?). Само понятие инвективы сегодня широко обсуждается в лингвистической и юридической литературе – приведенное выше определение оскорбления не предполагает обязательно включения обценной лексики, непристойностей, направленных против адресата, но вместе с тем затрудняет выделение инвективы, поднимая вопрос о критериях оскорбительного высказывания. Так, очевидно, инвективной коммуникацией можно считать обмен репликами в рамках некоторых российских ток-шоу (Жириновский – оппонентам: *Вы стоите на задворках Европы, вы нищие, вы просите подаяния (о Польше)/вы с Брежневым тост поднимали, а теперь разговаривали (об Украине) – ответ украинского полемиста: вы говорите о том, в чем не разбираетесь*) (cont.ws/post/600611). Очевидно, наличие инвектив здесь может быть признано не всеми, хотя, безусловно, в данном случае имеется игра на понижение социального статуса оппонента, отказ ему в праве быть знатоком, судить о чем-то в силу его ничтожности, что, на мой взгляд, соответствует приводимому выше определению оскорбления. Обценность лексики как критерий инвективы в узком смысле [7] делает ее выделение наглядно обоснованным. Нужно сказать, что российские рэп-баттлы практически не обходятся без обценной лексики, до недавних пор считающейся табуированной в литературном языке, а сегодня реабилитируемой многими деятелями культуры (без мата непоправимо страдает правда жизни – следует из письма, подписанного Федором Бондарчуком, Никитой Михалковым, Кареном Шахназаровым, Олегом Табаковым и Владимиром Хотиненко (<https://rg.ru/2015/01/21/mat-site.html>)). Но даже если непосредственно не присутствует табуированная лексика, ее заменяет лексика, обозначающая телесный низ и так или иначе ощущаемая слушателем как элемент непристойности в тексте, вызывающий соответствующие ассоциации: «Уже не отморозишься и не помогут свитеры. Вы все кончите быстро как огромные клиторы» (Драго против Басоты – (VERSUS BETTLE СЕЗОН 2)). Не могу сказать, что чтение подобных текстов вызывает у меня желание продолжать его (я стою на той точке зрения, что великая русская литература прошлого обходилась без мата и тем не менее не искажала правду жизни), однако сочетание слоя высокой культуры и того, что М. Эп-

штейн назвал «гоп-культурой», используемые тактики оскорбления соперника и демонтажа его социального образа, столь популярные в молодежной среде, побуждают лингвиста присмотреться к этому явлению, безусловно, новому с точки зрения лингво-прагматических характеристик публичного текста. И возникает возможность говорить о принципиально новом жанре: у него есть своя **композиция**: разделение на раунды, попеременно говорят два участника, однако такое говорение нельзя признать настоящим диалогом, поскольку панчи заготовлены заранее; жанр обладает **специфическим содержанием**: оскорбление соперника; жанр имеет **свою стилистику**, определяемую содержанием – восхваление Я и умаление Ты через использование инвектив с обильным включением топики низа. Этот жанр определился на основе обобщения отдельных речевых актов оскорбления. Исходя из схемы оскорбления в речевой коммуникации, предложенной Т. С. Шахматовой [11] и в принципе совпадающей с параметрами описания речевых актов, мы охарактеризуем следующие составляющие такого акта:

1) *внешнеситуационный компонент* (публичность, официальная обстановка и т. п.): баттлы проходят при участии значительного количества наблюдающих и жюри. Участники баттла до его начала по отдельности рассказывают о себе. В ходе баттла они, стоя лицом друг к другу, произносят тексты, написанные ими заранее и сопровождаемые соответствующей жестикуляцией. Свободной импровизации в нынешних рэп-баттлах на площадке VERSUS нет. Судьи (3 или 5) выносят свой вердикт и после баттла дают мини-интервью о своем впечатлении от увиденного и услышанного;

2) *участники ситуации и соотношение их социальных ролей*: участники не находятся в иерархических отношениях и, как правило, являются известными рэперами и даже известными блогерами. Хотя названные выше площадки занимаются и «раскруткой» неизвестных рэперов. «Дуэлянты» могут быть лично знакомы до баттла, что часто исключает обычно предшествующую оскорблениям неприязнь – последняя, как уже говорилось, рассматривается некоторыми авторами в качестве основной причины речевой агрессии (2: 2). Сами рэперы говорят о своем состоянии следующее: «Батл – это сложный импровизированный процесс со своими правилами, своими законами, манерой поведения. Бывает так, что оппонент твой хороший знакомый или, что еще сложнее, друг. Тебе, по условиям батла, необходимо его оскорблять и в итоге “вынести”. Здесь нужно быть хорошим актером, важно преодолеть в себе чувство ува-

жения и товарищества, не сломаться на этом. Нужно придумать и возбудить в себе злость, весомую агрессию и даже ненависть, иначе все, что будет происходить, толпа оценит – «не верю!»» (Эрнесто Заткнитеесь – https://www.gl5.ru/e/ernesto_zatknites/ernesto_zatknites.html);

3) *интенция автора (иллокутивная сила)*: «унизить и показать самые отрицательные стороны своего оппонента при помощи рифм и панчей» (http://vbatle.ru/rap_battle.html);

4) *перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата*: перлокутивный эффект заключается не столько в воздействии на непосредственного адресата панчей, сколько на публику, жюри и пользователей Интернета. К перлокутивному эффекту можно отнести растущую популярность того или иного рэпера. Таким образом, рэп-баттл есть шоу оскорблений, вписывающееся в тенденции «общества спектакля».

Если мы обозначили рэп-баттлы как новый жанр в рамках инвективной коммуникации, то необходимо оговорить его специфический характер: является ли он только жанром речи или может быть отнесен к явлению письменной культуры? Видимо, здесь кроется особенность современной культуры в целом, порождаемая эпохой господства медиа. Да, рэп-баттл в некоторой степени можно соотносить с драматическим действием: участники говорят поочередно и озвучивают написанные (ими же – в отличие драматургических жанров) тексты. И в этом смысле подобный баттл имеет признаки литературного жанра: тексты, принадлежащие к этому жанру, обладают устойчивостью, воспроизводимостью, обусловленной, как мы показали, наличием определенных содержательных и формальных средств. Однако расстановка участников (лицом друг к другу), устная форма общения, крайне экспрессивная, с соответствующей лексикой, отсутствие сюжета как такового делают рэп-баттлы явлением устной коммуникации.

Выше я говорила о легитимизации речевой агрессии в этом жанре, что вполне естественно в эпоху тотальной агрессии, в которой пребывает общество (см. о новом альбоме Б. Гребенщикова «Время N» – «В альбоме чувствуется пронзительная боль из-за ненависти, которая разлита вокруг» (<https://www.novaya-gazeta.ru/articles/2018/02/01/75352-iz-ravnovesiya-menya-vyvodyat-nevezhestvo-agressiya-nelyubov>)). Однако такое объяснение все-таки представляется мне одномерным: действительно, российские рэп-баттлы имеют «гопнический» оттенок, но во многом он определяется характером пользователей российского Интернета:

приведу мнение о российских рэп-баттлах известного рэпера и батлера Эрнесто Заткнитеесь (читатель, конечно, обратил внимание на «говорящие» никнеймы, которые также могут стать объектом интереса лингвистов): «биография Эрнесто Заткнитеесь еще не так велика, но он уже успел заметить одну из проблем русского батл-рэпа. Это очень молодой возраст аудитории слушателей. Этим парням и девушкам ничего более не нужно, кроме как слушать изысканные оскорбления рэперов друг друга, причем в изощренной вульгарной форме. Это спрос на все пошлое и грубое. Крутая словесная игра их не интересует, а показав ее, твой стих не проходит. В отличие от нашего [баттл-шоу], на западе люди ходят именно за этим. Баттлы там находятся на такой стадии, что и аудитория слушателей постарше и требования к действию другие. Хотелось бы, чтобы у нас рэп-поединки стали интересны не только школьникам, а и людям постарше, более широкой аудитории» (gl5.ru/e/ernesto_zatknites/ernesto_zatknites.html).

И все-таки – почему общество принимает подобную брань, легитимизирующую свое право на существование через миллионы просмотров баттлов в Сети? Здесь мне представляется уместной мысль английского историка А. Дж. Тойнби о вульгаризации и варваризации культуры на сломе цивилизаций [5 : 381–389], когда происходит «раскол в душе». Как уже говорилось, самые известные участники российских рэп-баттлов достаточно образованные, и их тексты являют синтез низких ругательств с одновременной демонстрацией полученного образования в виде научной терминологии, отсылки к явлениям мировой культуры, работы со словом: «*Если ты когда-нибудь предложишь слог альтернативный, Потому что стыдно в 27 лет жить чужою парадигмой, то на собственном пути станешь героем нарратива. А пока ты просто то, что моя жопа породила*» (Оксимирон) – «*Я не политик я артист, я не пишу заявления, я пишу треки. Но как и политик ты популист иначе зачем примазался к теме. Что? Так болел за Россию, что на нервах терял ганглии. Но когда тут проходили митинги, где ты сидел? В Англии! Лондон, Лондон, научи нас жить, как бы без тебя обустроить Россию*» (Гнойный). Как видим, элементом этого баттла является и политическая составляющая, впрочем, последняя – предмет отдельного анализа, который может стать темой другой статьи.

Некоторые пользователи Интернета, говоря о баттлах, отмечают их эстетическую составляющую: «Буквально вчера посмотрела тот самый батл, о котором все столько говорят. Сразу скажу, что хип-хоп культура всегда была мне чужда, и поклонником жанра я нико-

гда не была, и поэтому многое как человеку извне мне осталось непонятным. Но наблюдать за этим было интересно. А некоторые строчки очень понравились, это действительно настоящая поэзия. Вряд ли я теперь стану часто смотреть батлы – всё-таки это не моё, но, имхо, состязание в стихах гораздо круче чем тот же бокс, например» (TheQuestion.ru/questions...nnavitsya-li-vam-poeziya...). Эти размышления участников форума о баттлах кажутся мне наиболее точно определяющими суть и специфику рэп-баттла как жанра: здесь **имитируется** агрессия, и низкое по содержанию (оскорбление) нередко облекается в интересную языковую форму, а сама терминология рэп-баттла (диссы, панчи и т. п.), и интертекстуальные отсылки в них могут стать проводником в культуру. И рэп-баттл в более «цивилизованной» форме, нежели бокс или бои без правил, реализует потребность в выплеске человеческой агрессии как инстинкта, при этом являясь, скорее, симулякр ом агрессии вообще.

Заключение

Тема рэп-баттлов, конечно, не исчерпывается сказанным – я вижу ее возможные неисчерпаемые продолжения. Что же касается сказанного выше, то, очевидно, мы имеем новый синтетический жанр, отражающий и общую атмосферу в обществе агрессии, и молодежный протест против сложных интеллектуальных игр постмодерна, где мысль выражалась через уже сказанное кем-то когда-то, и желание искренности («правды жизни») в культуре, и «метание» между высоким (отсылки к явлениям культуры) и низким. Возможно, мы имеем то, что принято сегодня обозначать еще недостаточно определенным по содержанию, но уже набравшим популярность термином «метамодернизм» (колебание между культурами), отмечающим новую эпоху в культуре: в рэп-баттлах нет иронии, но есть симулякры (постмодернизм), здесь есть отказ от форм прежней культуры в целом (модернизм) и в то же время соединение разных веяний, «высокой» и «низкой» культур в одно целое. Культура в состоянии маятника – как, впрочем, и весь мир:

Все просто получается
Мир-маятник качается
А свет переключается на звук
(«Вне зоны доступа» – Город 312)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ezhykov A. Русский батл-рэп как зеркало культурной эволюции. URL: <https://medium.com/russian/русский-батл-рэп-как-зеркало-культурной-эволюции>.

батл-рэп-как-зеркало-культурной-эволюции-609b9693d5a6 (дата обращения: 10.01.2018).

2. Мажейкис Г. Люди всегда были товаром, просто не хотели в этом признаваться... URL: <http://politdengi.com.ua/v-mire/114651.html> (дата обращения: 25.01.2018).

3. Эпштейн М. Гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-культура. URL: novayagazeta.ru/articles/2017/11/13/74527-goppi (дата обращения: 15.12.2017).

4. Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.). URL: http://imwerden.de/pdf/uspensky_k_istorii_epigrammy_trediakovskogo_1984_text.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

5. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 731 с.

6. Енина Л. В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации. URL: <http://www.tolerance.ru> (дата обращения: 06.01.2018).

7. Жельвис В. И. Поле Брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 352 с.

8. Кусов Г. В. Общие и частные задачи криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/23.html> (дата обращения: 12.01.2018).

9. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Academia, 1996. 165 с.

10. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.

11. Шахматова Т. В. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевом общении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasilija-v-rechevyh-situatsiyah-institutsionalnogo-obshcheniya> (дата обращения: 06.01.2018).

REFERENCES

1. Ezhykov A. *Russkiy batl-rep kak zerkalo kulturnoy evolyucii* (Russian battle-rap as a mirror of cultural evolution). Available at: olyucii-609b9693d5a6 (Accessed 10 January 2018) (in Russian).

2. Mazheykis G. *Lyudi vseгда byli tovarom, prosto ne khoteli v etom priznavatsya...* (People have always been a commodity, they just did not want to admit it...). Available at: <http://politdengi.com.ua/v-mire/114651.html> (Accessed 25 January 2018) (in Russian).

3. Epshteyn M. *Gop-politika, gop-zhurnalistika, gop-religiya. Chem opredelyaetsya eta novaya gosudarstvennaya subkultura* (Gop-politics, gop-journalism, gop-culture). Available at: novayagazeta.ru/articles/2017/11/13/74527-goppi (Accessed 15 December 2017) (in Russian).

4. Uspenskiy B. A. *K istorii odnoy epigrammy Trediakovskogo (epizod yazykovoy polemiki serediny XVIII v)* (To the history of a single epigram of Trediakovsky (an episode of the language polemics of the mid-18th century)). Available at: http://imwerden.de/pdf/uspensky_k_istorii_epigrammy_trediakovskogo_1984_text.pdf (Accessed 20 December 2018) (in Russian).

5. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress Publ., 1991, 731 p.

6. Enina L. V. *Recheyaya agressiya i recheyaya tolerantnost v sredstvakh massovoy informacii* (Speech aggression and speech tolerance in the media). Available at: www.tolerance.ru (Accessed 05 January 2018) (in Russian).

7. Zhelvis V. I. *“Pole Brani”. Skvernoslovie kak socialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [Field of Swearing. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Lodomir Publ., 1997. 352 p.

8. Kusov G. V. *Obschie i chastnye zadachi kriminalisticheskogo obespecheniya lingvisticheskoy ekspertizy* (General and particular tasks of forensic support of linguistic expertise). Available at: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/23.html (Accessed 12 January 2018) (in Russian).

9. Mikhalskaya A. K. *Russkiy Sokrat: Lekcii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrat : Lectures on comparative historical rhetoric]. Moscow, Academia Publ., 1996, 165 p.

10. Vorontsova T. A. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni d-ra filologicheskikh nauk* [Speech aggression: communicative-discursive approach]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2006. 43 p. (in Russian).

11. Shakhmatova T. V. *Oskorblenie kak instrument yazykovogo nasiliya v rechevom obschenii* (Insult as an instrument of language violence in speech communication). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasiliya-v-rechevyh-situatsiyah-institutsionalnogo-obscheniya> (Accessed 06 January 2018) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 12.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лассан Э. Р. Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 313–320. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320>

For citation

Lassan E. R. Rap Battles as a Specific Genre of Contemporary Culture. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 313–320 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320>

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 30.11.2018.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 70. Цена свободная. Заказ 66-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.